

НЕОНИЛЛА САМУХИНА

ОПЕРАЦИЯ
«КЛОНДАЙК»

Неонилла Самухина
Операция «КЛОНдайк»

«Самухина Н.А.»

2011

Самухина Н.

Операция «КЛОНдайк» / Н. Самухина — «Самухина Н.А.», 2011

Произведения петербургской писательницы Неониллы Самухиной трудно отнести к какому-то определенному жанру. Она пишет синтетическую прозу, которую сложно разять на отдельные жанры, в ней есть всё. Так и в романе Операция "КЛОНдайк" есть всё ошеломляющие научные достижения, любовь и трагедия, криминал и шпионские страсти, предательство и торжество справедливости. В судьбу главного героя романа петербургского бухгалтера Леонида Батурина, человека тишайшей профессии, врываются страсти, кипящие вокруг секретных генетических открытий, осуществленных в России, которые переворачивают всю его жизнь. Интересно наблюдать, как маленький человек, влекомый обстоятельствами и любовью, становится способен на такие поступки, о которых раньше не мог и помыслить. Словно в старых русских былинах герой отправляется в дальний и опасный поход выручать из рук кощеев свою любимую. И что поделать, если его любимая с необычным именем Есения клон первой волны, и ее удерживают в тщательно охраняемом научном комплексе, замаскированном под золотоносный рудник.

Увлекательное и динамичное повествование держит читателя в напряжении до самого конца, когда автор совершенно неожиданным образом взрывает сюжет, обнажая новую интригу. Бурная дискуссия, разгоревшаяся в мире в последние годы вокруг этических, социальных, медицинских и других аспектов клонирования человека, вызвала появление массы статей, фильмов и книг на эту тему. Роман Неониллы Самухиной можно смело отнести к попыткам по-русски осмыслить последствия дерзких научных открытий, ставящих человека на уровень Бога-творца, и то, как эти открытия вторгаются в жизнь человека, делая его заложником системы и государственных интересов. Так же вы можете прослушать аудиоролик к роману Операция «КЛОНдайк»

© Самухина Н., 2011
© Самухина Н.А., 2011

Содержание

Пролог	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
Глава первая	9
Глава вторая	14
Глава третья	21
Глава четвертая	30
Глава пятая	39
Глава шестая	44
Глава седьмая	50
Глава восьмая	56
Глава девятая	63
Глава десятая	69
Глава одиннадцатая	73
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	78
Глава первая	78
Глава вторая	100
Глава третья	113
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Неонилла Самухина

Операция «КЛОНдайк»

Автор выражает благодарность
своему другу и советчику
Дмитрию Сергеевичу Кирюничеву,
к сожалению, уже покинувшему нас,
а также другим своим консультантам:

**Владимиру Гилю,
Татьяне Комаровой,
Владимиру Никулину,
Ольге Шамкович,
Сергею Чухонцеву,
Сергею Михайлову,
Сергею Бурылову,
Виктории Михайловой,
Вячеславу Малыгину,
Константину Новикову,
Александру Кашину,
Жанне Сидоровой,
Сергею Голенскому,
Леониду Шпектру,
Константину Вураки,
Геннадию Трушкину,
Сергею Давитая,
Виктору Блюменфельду,
Святославу Буянову,
Анне Всемировой,
Ольге Докаленко,
Светлане Син,
Михаилу Окуню,
Владимиру Зюзько,
Андрею Неклюдову,
Игорю Яковлеву**

за помощь при написании этого романа

*Посвящаю Анатолию –
мужу и другу*

Пролог

Санкт-Петербург, 1998 год

– Дорогая, возможно, ты и права, я негодяй! – устав спорить, согласился Леонид и, чуть отстранив трубку, попытался потереть опухшее за время этой телефонной разборки ухо.

Из трубки полилось довольное журчание торжествующего голоса.

– Но моя мама меня все равно любит! Даже таким... – Приведа этот, на его взгляд, самый убедительный аргумент, он попытался оставить за собой последнее слово.

Женский голос в трубке на секунду замер, а потом негодуяще сообщил, что она-то – не его мама и терпеть его эгоизм не намерена...

Леонид отодвинул трубку подальше от уха. Рассказ о его эгоизме обыкновенно занимал не менее сорока минут подробного повествования, но не в его правилах было обрывать собеседника. Это было бы невежливо... К тому же именно он явился причиной досады этой словообильной женщины. Приходилось терпеть и, уныло уставившись в потемневшее окно, слушать далекий возмущающийся голос.

«А погоды стоят мерзопакостные...» – констатировал он неоспоримый факт, вслушиваясь в крупчатый шорох бьющегося о стекло сухого, колючего снега, который горстями швырял в окно порывистый ветер. В этот момент ко всем этим звукам прибавился еще один – кто-то позвонил в дверь.

«Интересно, кого это принесло в такую погоду?» – удивился Леонид.

– Лёня, Лёня! – раздался из прихожей голос его матери Серафимы Васильевны. – К тебе пришли!

– Кто там, мама? – прикрыв телефонную трубку рукой, спросил он.

Не получив ответа и почувствовав возникшее напряжение за спиной, Леонид повернулся к двери.

Со странным выражением лица в дверном проеме появилась Серафима Васильевна и, привалившись плечом к косяку, ошеломленно посмотрела на сына.

– Мама, что случилось? – встревоженно спросил он. – Кто там пришел?

– До тебе прийшов мій внук, – дрогнувшим голосом ответила Серафима Васильевна, в минуты волнения всегда переходившая на родной украинский язык.

– Кто-о? – оторопело спросил Леонид и, забыв о всякой вежливости, положил надоевшую телефонную трубку на рычаг.

Протиснувшись мимо застывшей в дверях матери, он выглянул в коридор.

У порога в заметенной снегом одежде стоял высокий подросток лет четырнадцати. На полу у его ног громоздился рюкзак, с которого стекали капельки от быстро таявшего снега, образуя на любимом мамином половичке темное неровное пятно.

Парнишка стащил с головы большую меховую шапку и, встряхнув черными волнистыми волосами, произнес сиплым простуженным голосом:

– Здравствуйте... Меня зовут Лёня, – и, помолчав, добавил: – Я ваш сын. – На последних словах он вдруг начал оседать на пол.

Леонид едва успел подбежать и подхватить его.

– Бидна дитина! Треба скинути одягу, вона ж вся мокра! – торопливо опускаясь на колени рядом с ними, воскликнула Серафима Васильевна и начала быстро расстегивать пуговицы на промокшем пальто мальчика.

Осторожно сняв с непонятно откуда взявшегося сына верхнюю одежду и обувь, Леонид поднял его на руки и отнес в комнату. Положив мальчика на диван и прикрыв его теплым пледом, он тронул рукой его пылающий лоб и, повернувшись к матери, спросил:

– Ну что, будем вызывать «скорую»?

– Та ни, не трэба! Я зараз збігаю за Скорой Машей, – возразила Серафима Васильевна и выскочила из комнаты.

Этажом выше жила Мария Ивановна – врач «скорой помощи», лечившая Леонида с раннего детства. Он помнил ее совсем молоденькой, когда она впервые приехала к ним в дом по вызову. Ему тогда было года четыре. Он лежал в постели с тяжелой ангиной, ничего не сообщая от температуры. Увидев чудо в белом халате и шапочке, он спросил маму: «Это кто? Ангел?» Мама рассмеялась и ответила: «Нет, сынку, это "скорая"», а «чудо в белом» протянуло ему руку и представилось: «Маша!» Два ответа слились в его воспаленном мозгу воедино, и получилась «Скорая Маша». Поскольку Леонид в детстве часто болел, Скорая Маша неоднократно приезжала к нему на помощь. А через десять лет судьба свела их вместе еще и в одном доме, куда и они, и Машина семья въехали после капитального ремонта. В этом доме они дружно прожили уже более двадцати пяти лет, а имечко Скорая Маша так и приклеилось к Марии Ивановне, впрочем, она и не возражала.

Леонид повернулся к лежащему мальчику и осторожно присел на краешек дивана рядом с ним. Лёня зашевелился, с его запекшихся губ сорвался слабый стон. Через минуту он открыл затуманенные глаза и попытался встать.

Леонид склонился над ним, удерживая:

– Лежи, лежи! У тебя страшная температура, – и попытался пошутить: – Хоть чайник на тебе кипяти!

– Значит, почеевничаем, – в тон ему со слабой улыбкой ответил мальчик, но потом устало прикрыл глаза и замолчал.

Лихорадочный румянец и его учащенное дыхание говорили, как минимум, о сильной простуде.

В ожидании прихода мамы с Марией Ивановной Леонид сидел рядом с мальчиком, вглядываясь в его лицо.

«Сын, говоришь... Но откуда?» – недоумевал он.

Да, были в его жизни женщины, с которыми он поддерживал отношения разной степени легкости, но не до такой же степени, чтобы проворонить свое отцовство. Что-то здесь было не так... Наверняка мальчик ошибся адресом. Однако в душе Леонид уже ощущал какое-то смутное беспокойство – там, у дверей, в лице парнишки промелькнуло что-то до боли знакомое, но он не успел уловить, что именно.

В этот момент длинные, как у девочки, черные ресницы Лёни дрогнули и поднялись. Устремив на Леонида взгляд своих больших темных глаз, мальчик молчал и как будто чего-то ждал. И тогда Леонид узнал этот взгляд с характерным, чуть насмешливым прищуром... Вот так же смотрела на него когда-то и *она*...

В изумлении Леонид медленно поднялся с дивана, не отрывая взгляда от лица мальчика.

«Господи, неужели?!.. Нет! Не может быть!.. Значит, она жива!» – рефреном бились в голове потрясенного Леонида обрывки мыслей. Крохотные ростки радости несмело взломали спекшуюся корку застарелой боли, почти пятнадцать лет назад заточившей его чувства в непробиваемый кокон. И тут же нахлынуло ощущение вины: зря он тогда поверил, сдался, опустил руки, не довел дело до конца! Она жива, и у него есть сын!

«Сын! Бог ты мой...»

Сердце со сладко-щемящей болью забило в груди, в голове словно застучали молоточки, и осознание пронеслось ознобом по телу, замерев непроглатываемым комом где-то в горле. Услужливая память мгновенно завертела калейдоскоп прошлого, возвращая его в то время, о котором он запретил себе и вспоминать, и думать.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ НАЧАЛО

Глава первая

1983 год

Вскочив в уже отходящий поезд, он добрался до своего купе и, открыв дверь, поздоровался с попутчиками – стариком и хмурой, явно чем-то расстроенной девушкой.

Бросив чемодан на багажную полку, он сел перевести дух после беготни и крайне тяжелого дня и только хотел закрыть глаза, как его что-то остановило.

«Да... я такого еще не видел!» – изумился он, разглядывая странную родинку на правом колене соседки по купе.

Он часто встречал разные метки на теле любивших его женщин – от трогательных мушек над капризной губой до уродливых пятен, разливавшихся в самых неожиданных местах женского тела. Но чтобы на коленке, да еще ровно посередине, и такой... волнующей формы – словно маленький глаз подсматривает за вами – не приходилось!

«Это явное приобретение в моей коллекции достопримечательностей женского тела...» – подумал он, сонно уставившись на колени соседки.

Хозяйка «коленного глазка» почувствовала его исследования и раздраженно качнула ногой в розовом чулке, отчего «глазок» как бы подмигнул ему с ее колена.

– И долго вы собираетесь медитировать на мои ноги? – спросила девушка, нахмутив брови.

– Я бухгалтер, – почему-то сразу сознался он.

– Не вижу никакой связи, – поморщилась она.

– Ну, как же, связь есть, и еще какая... – начал он и вдруг почувствовал, как безмерная усталость заклеивает ему глаза, тело обессиленно стекает на бок, а лицо погружается в тощую вагонную подушку...

Проснулся он в темноте. Колеса мерно постукивали на стыках, редкие фонари пробежавших мимо полустанков высвечивали на мгновение купе. Тело, получившее долгожданный отдых, наслаждалось покоем и неподвижностью. С верхней полки доносилось залиvistое похрапывание старичка.

«Вот черт! Как неудобно получилось, – расстроился Леонид. – Завалился, соня, а деду наверх пришлось лезть. Противница медитаций, видно, не уступила ему место. А где же она, кстати?»

И тут он чуть не подпрыгнул от неожиданности – на прежнем месте, в неизменившейся позе сидела его соседка. Пробежавшие за окном огни высветили ее сведенное какой-то душевной болью лицо и глаза, обреченно глядящие перед собой.

– У вас что-нибудь случилось? – спросил он, спуская ноги с постели и пытаясь нащупать свои туфли, видимо кем-то заболтливо снятые, когда он уснул.

Девушка перевела на него взгляд, но ничего не ответила, словно не услышав вопроса.

– Как вас зовут? – попытался он снова привлечь ее внимание и тут же рассердился на себя: «Да уж, нашел время для знакомства! Ты еще про хорошую погоду вверни, – мол, давно не было такой ясной и теплой ночи!»

Девушка продолжала молчать.

«Может, у нее имя какое-нибудь неинтересное, ей не хочется его называть и она придумывает себе псевдоним», – пытался он объяснить ее молчание.

– Есения, – негромко сказала она.

«Вот это надумала!» – ошалел он.

– А отчество, случайно, не Сергеевна ли? – попробовал он пошутить.

– Нет.

– А как?

– Вообще нет.

– Не понял...

– Нет у меня отчества вообще, – едва слышно произнесла девушка.

– Ну, такого не бывает, отчество хоть какое-то, а все равно должно быть! Не почкованием же вас размножили...

– Вы почти угадали. – Девушка вдруг подалась вперед и, с силой сжав свои руки и встряхивая ими в такт словам, произнесла: – Я действительно не имею отчества, потому что я... не... родилась!

Леонид инстинктивно потянул на себя одеяло и попытался незаметно отодвинуться к стенке: «Эге-е... Леонид Ярославович, как тебе повезло... Только тебе могло так повезти... В кои-то веки собрался в санаторий съездить, а попал в дурдом! А девушку-то как жалко – такая хорошенькая, к тому же с такой родинкой, и на тебе – сумасшедшая! Что ж делать-то?.. Говорят, с ними вроде спорить нельзя, нужно во всем соглашаться».

Заметив его телодвижения, девушка нервно рассмеялась.

Пытаясь разрядить ситуацию, он засуетился, стал предлагать ей угоститься пирожками, которые мама испекла ему в дорогу.

– Вы думаете, у меня что-то с головой? – тихо спросила она. – Нет-нет, я совершенно нормальная, хотя нет... Если считать нормальным родившегося человека, то я, конечно, *не* нормальная. – В ее голосе послышались слезы, и она закрыла лицо руками.

Леонид напрягся: «Все – уже заговаривается, сейчас у нее наступит какая-нибудь агрессивная фаза, чем-нибудь как звезда-а-анет – и сдачи ведь не дашь! У-у, как я вовремя проснулся – вид-то у нее был, словно она меня уже в жертву принесла и жалеет... Родился – не родился, умер – не умер... хотя нет, если уж умер, так умер совсем!»

«Нужно проветриться!» – решил он, вставая.

Выйдя в коридор, он постоял, выставив разгоряченное лицо в окно, и ощутил, как поезд, рассекая темный воздух, привычно катит по намеченному маршруту. Небо над головой знакомо мерцало мириадами звезд, и как-то не верилось, что сзади, в купе, едет человек, у которого, что называется, не все дома...

Когда он тихо открыл дверь в купе, Есения лежала, укрывшись до подбородка одеялом, но не спала. Ее глаза, устремленные куда-то в пространство, выделялись на белом лице темными глубокими провалами. На щеках поблескивала влага, девушка явно плакала.

Его охватила острая жалость: «Господи, ну что же это с ней?!»

Он сел рядом на постель и, положив одну руку на плечо Есении, а другой вытирая ей слезы, принялся ее утешать:

– Ну не надо плакать, ну что случилось, ну перестаньте!

Она высвободила руки из-под одеяла и, схватив его за запястье, судорожно прижала его руку к себе. В ладонь, оказавшуюся плотно прижатой к ее груди, упругость которой не скрывало тонкое одеяло, сразу же стал биться нервный ритм ее сердца.

Глядя Леониду прямо в глаза, она тихо заговорила:

– Я не сумасшедшая, но я действительно не родилась... в привычном смысле этого слова. Меня искусственно вывели в лаборатории. Я – «девочка из пробирки». Слышали, наверное, об искусственном оплодотворении, клонировании и тому подобных экспериментах? Я ничего

не знала до сегодняшнего дня, росла в семье врачей, считала их своими родителями. А вот сегодня я узнала правду... – Приподнявшись, она вытащила из-под подушки пухлый конверт и протянула его Леониду.

Тот, неохотно оторвав руку от ее груди, привстал и зажег в изголовье тусклый ночник. В его бледном свете он увидел, что в конверте были какие-то листы с фотографиями, явно откуда-то вырванные. Присмотревшись, он понял, что они были, скорее всего, изъяты из какого-то научного отчета о развитии некоего биологического организма... Здесь были фотографии, напоминавшие увеличенные изображения клеток из учебника биологии, пробирок, заполненных какой-то жидкостью, и с десятков снимков, похожих на рентгеновские, на которых был изображен скрючившийся человеческий зародыш.

Постаравшись не показать виду, что ему неприятно смотреть на все это, он добрался до фото, где было запечатлено новорожденное дитя на руках у женщины, удивительно похожей на Есению – просто одно лицо.

Девушка, внимательно и даже с некоторым страхом наблюдавшая за Леонидом, сказала:

– Вот это я обнаружила сегодня утром на рабочем столе моего отца под медицинскими журналами, когда ждала его возвращения от начальства. Отца... – Она горько усмехнулась. – К этому еще и пояснение было приложено – вся история создания и дальнейшего существования «экземпляра ЕСН-8», то есть меня, вплоть до нынешнего года.

– Но как это могло быть? – недоверчиво спросил Леонид, продолжая рассматривать фотографии. – Это же какая-то запредельная технология... Когда вы... э-э... родились?

– Как указано в моем свидетельстве о рождении, да и в этих документах, – в одна тысяча девятьсот шестьдесят третьем году. Но я уже ни в чем не уверена.

– Да уж действительно не верится, чтобы в те годы такое было возможно! Наша страна тогда только-только восстанавливалась после войны, а на подобные эксперименты наверняка нужны были огромные средства.

– Средства... – Есения грустно вздохнула. – Вы забыли, что наши ученые разработали ядерное оружие тоже после войны и человека в космос отправили тоже отнюдь не вчера. Как видите, средств у них на это хватило, и я не думаю, что это стоило дешевле, чем проведение евгенических опытов.

– И неужели вы ни разу ничего за все это время не заподозрили? – спросил Леонид. – Ведь вы должны были находиться под серьезным надзором, – сами понимаете, что я имею в виду... Да и... всякие исследования, осмотры...

– Да нет, насколько я себя помню, я жила, как все обычные дети, – покачала головой Есения. – Кроме того, мои... родители были врачами, и они сами меня осматривали и лечили, если я заболела. Боже мой, ведь я для них всю жизнь была лишь научным материалом, не человеком, а только опытом, клоном – удавшейся копией моей мамы, вернее, прототипа, не являющегося моей матерью в полном смысле. Но я-то всегда считала себя ее дочерью. – И Есения снова заплакала.

Леонид смотрел на нее и не верил, что эта живая, теплая девушка с такой соблазнительной фигуркой могла быть «выведена» искусственно. Его ладонь еще помнила волнующее бие-ние ее сердца, и все это никак не вязалось со стеклянным холодом медицины.

– Есть хочешь? – заботливо спросил он, бесповоротно переходя на «ты».

Она недоуменно посмотрела на него:

– Что вы сказали?

– Давай поедим, – предложил он, – у меня пирожки есть. Моя мама говорит, что при неприятностях всегда нужно есть, и утверждает, что многие революционеры чахли от чахотки потому, что много нервничали и мало ели.

– Странно, что вы до сих пор не растолстели при таком подходе! – грустно улыбнулась она, скользнув взглядом по его животу.

– А я не революционер и никогда не нервничаю, – отшутился Леонид и подобрал живот, показывая, что у него кроме живота есть еще и пресс.

Она опять улыбнулась, и у него промелькнула мысль, что если она откликается на шутку, то ему удалось как-то отвлечь ее от того шока, в который она, видимо, была погружена целый день. Лично он в данный момент не хотел анализировать ситуацию, в которую она попала. Леонид гнал прочь мысли об ее происхождении, считая, что на это еще будет время, а пока ее потрясение было столь велико, что могло привести к непредсказуемым последствиям. Ведь недаром же она все это ему выложила. Ясно же: девушка нуждалась в психологической поддержке, а ему ей пока нечего было сказать. Просто так что-нибудь брякнуть – еще хуже будет. Лучше переключиться на что-нибудь другое.

«Та-ак... Есть она не хочет, а что же она хочет?..» Тут он поймал себя на мысли, что постепенно начинает сбиваться в свое любимое русло, ведь ему обычно хотелось либо есть, либо спать, либо... *спать*... Он вспомнил, как одна мудрая женщина сказала: «Переспать – это не значит спать очень долго...» «Как она права! – подумал он и тут же внутренне усмехнулся: – Да-а... Я, похоже, приближаюсь к опасной черте... Но, черт возьми, ведь это может помочь вывести ее из мучительных переживаний, хотя бы на время, ведь наслаждение – это лучшее лекарство от всех бед».

«Ты бухгалтер, Леонид Ярославович, ишь разложил дебет с кредитом, да ты ее просто хочешь, а не из милосердия, и нечего прикрываться высшими гуманными целями», – попытался урезонить его совестливый внутренний голос, которому он тут же возразил: «А может, я исследователь? Наверное, немногие могли бы сказать, что они занимались любовью с нерожденным человеком...»

Пока он пытался поприличнее обосновать свои отнюдь не приличные мысли, Есения, утомленная пережитым за день, уснула. Ему ничего не оставалось, как лечь на свое место.

Небо за окном уже начало терять свою густоту и быстро бледнело. Рождался новый день, в течение которого Леонид должен был доехать до Юрмалы, оформиться в санатории и приступить к активному отдыху.

Устроившись после института в одно солидное учреждение бухгалтером, он уже два года не был в отпуске. Ежедневное корпение над расчетами и бумагами, иногда разбавляемое поездками в банк и выволочками не в меру гневливого управляющего (который, впрочем, ценил «золотые мозги» молодого финансиста), – вот тот образ жизни, к которому он уже притерпелся. Правда, после работы, когда, закрыв контору и сдав ключи охраннику, он шел по вечерним улицам, в нем начинало оживать совершенно естественное человеческое стремление к общению. И тогда он отправлялся либо в гости, либо в кино, либо в театр, либо на худой конец в пивную. Его «культурные походы» частенько приносили ему довольно приятные знакомства, которые, впрочем, не были долговременными.

«Трудно долго общаться с человеком, который целыми днями только и делает, что считает!» – так сказала ему одна его знакомая. Интересная штучка была, между прочим, социолог, поэтому она без труда его проанализировала, синтезировала, конкретизировала и обобщила. По ее словам, его любимая сказка – про тельца, который всех считал. И не женат Леонид потому, что с девушками общается краткосрочно и постоянно меняет их для увеличения количества на своем счету. И когда он с ними развлекается в постели, то тоже считает количество... В общем, заела его окончательно. Кстати, насчет сказки... У него сразу же было возражение: ему всегда более импонировал господин Крот из «Дюймовочки», которому было *что* считать, чем какой-то нищий теленок, который просто не знал, куда девать время. На что его подруга-социологиня съязвила: «Ах, какой же ты начитанный!» Короче говоря, поскольку Леонид не любил общаться с девушками, которые относились к нему с пренебрежением и подозревали невесту в чем, – она стала девятнадцатой. Правда, осадок у него все же остался, так как теперь

при споре с очередной подругой – «чья очередь мыть посуду?» – он уже с опаской пускал в ход свою любимую, придуманную еще в детстве считалку:

Вот живот вам, вот и рот,
Обожающий компот,
А кому пить неохота –
Мой стакан из-под компота!

Кстати, Леонид обожал компот, мясо и пирожки. Впрочем, он, вообще, обожал поесть, а потому любимой фразой, поднимающей настроение в любых обстоятельствах, была фраза, которую произносила его мама, тридцать лет прожившая в России, но так и не забывшая родной украинский язык: «Сынку! Ходимо вечеряты! Компот з м'ясом вже ждуть!»

На этом вкусном воспоминании он и уснул.

Глава вторая

Вокзал встретил их скрежетом, покрикиванием редких носильщиков и долговыми фигурами прохожих. Несмотря на ясное теплое утро, в голове у Леонида было довольно туманно – ему так и не удалось выспаться. Только он уснул, как их дедуля решил, что уже пора вставать, и, видимо, решил вспомнить молодость. Поэтому он, по-молодецки крякнув, лихо спрыгнул со своей полки прямо... на живот Леониду, что вызвало у того спросонья вопль ужаса.

От его крика проснулась Есения. Ее лицо после сна было, как ни странно, свежим и безмятежным.

Догадавшись, в чем дело, она с сочувствием оглядела Леонида и спросила:

– Вы живы?

– По-моему, не совсем, – постанывая, ответил тот и, встав, поплелся умываться, хотя до прибытия было еще два часа.

И вот теперь, очумевший от недосыпа и жесткого «массажа» живота, он стоял с Есенией на перроне города Риги. Леониду нужно было купить билет на пригородный поезд, который доставил бы его в Юрмалу, а Есении... и только тут до него дошло, что он ни разу не спросил ее, куда она направляется.

– Ну что, пошли? – предложил он, поднимая со своим чемоданом и легкую спортивную сумку Есении.

– Куда это? – удивленно вскинула на него глаза Есения.

Его это тоже чрезвычайно интересовало, и он спросил:

– А ты что, собираешься здесь сидеть или тебя кто-то должен встречать?

– Да нет, никто встречать меня не должен, я просто собиралась погулять по городу.

«Теперь все ясно, – сообразил он, – она купила билет в первый пришедший ей в голову город, только чтобы уехать побыстрее из дома. Представляю, что сейчас творится с ее нареченными родителями: они, наверное, понять не могут – куда и почему она исчезла. Хотя, я думаю, по распотрошенному отчету они уже догадались о причине ее ухода».

– Если ты собиралась просто гулять, то прогулка тебе обеспечена! – твердо сказал Леонид и ринулся к пригородным кассам.

Догнав Леонида, Есения возмущенно стала вырывать у него свою сумку:

– Я не собираюсь гулять с вами. Какой вы самоуверенный! Хотя бы меня спросили!

– Ничего я не самоуверенный, а даже очень застенчивый, – не согласился тот. – Ты же приехала сюда погулять, так проводи меня до Юрмалы, ведь я здесь ни черта не знаю, а вдруг я заблужусь и уеду не в ту сторону?! Ничего себе благодарность за то, что я таскаю тут твою сумку... и...

– Ага-ага, и за пирожки. Не врите, не врите, по тому, как вы целенаправленно неслись к этим кассам, ясно, что вы тут не в первый раз. И только не надо мне врать, что вы не только бухгалтер, но еще и знаменитый сыщик, пограничник или на худой конец их собака!

– Я – собака?! – возопил Леонид, бросая ее сумку.

– Осторожнее! Вы что – с ума сошли?! – возмутилась она.

«И правда, чего это я раскипятился? – удивился он. – А-а, так я же голодный, как... как собака!»

– Идем завтракать! – почти приказал он. – А там разберемся!

– О Господи! Помяни царя Давида и всю кротость его! – возведя глаза к небу, патетически произнесла Есения и... согласилась.

Они плотно закусили в вокзальном ресторане манной кашей с лужицей растекшегося масла.

Завтрак проходил молча. Леонид чувствовал себя, как на дипломатическом обеде или, по крайней мере, думал, что так на нем себя чувствуют. Вокруг говорили не по-русски тихо и даже вообще не по-русски.

Стараясь держать спину ровно, чего Леонид терпеть не мог за едой (хотя мама всегда настаивала), он элегантно сдирал ложечкой по краям манную кашу и каким-то «голубым» движением отправлял ее в рот.

Есения, взглянув на Леонида, отвела глаза, но, не выдержав, прыснула в тарелку:

– О Боже! Прекратите паясничать, господин бухгалтер, вы мне мешаете есть!

– Не поминайте имя Гошпода нашего вшеу, – с полным ртом каши изрек Леонид, чтобы она догадалась, что бухгалтеры тоже знакомы со Священным Писанием.

Замершая сначала, Есения начала громко хохотать, привлекая укоризненные взгляды соседей.

Потом, вытерев слезы, она сказала:

– Пожалуй, я провожу вас до Юрмалы, а то как бы вы в монастырь не подались!

«А что, я против женских монастырей ничего не имею», – хотел сознаться Леонид, но решил, что подобное признание будет преждевременным. К тому же там мясо дают только по каким-то праздникам, а вот насчет компота – вообще не ясно. Кажется, там все запивают кагором... Не-ет... Эдак и спиться недолго!

После завтрака они купили билеты до станции Дубулты и сели в электричку.

Есения хотела оставить свою сумку в камере хранения на вокзале, но Леонид настоял, чтобы они ее взяли с собой – мало ли как все сложится... У него к тому времени уже созрел план... Оправдывая себя тем, что он, как настоящий мужчина, не может оставить девушку одну в трудной ситуации, и быстро прикинув размеры своей наличности, Леонид решил, что купит Есении курсовку и снимет ей комнату где-нибудь поблизости от санатория. Тогда она будет под его присмотром, а это уже немало! Но главное заключалось в том, что ему очень не хотелось с ней расставаться: было в этой девушке что-то притягательное...

Леонид грыз яблоко из припасов, заботливо собранных мамой в дорогу, и украдкой наблюдал за своей попутчицей, отрешенно смотревшей в окно, за которым пробежал прибалтийский пейзаж.

– Дубулты! – неожиданно рывкнул на весь вагон до сих пор молчавший динамик.

Леонид, закусив недоеденное яблоко, схватил вещи и, подталкивая ими Есению, бросился к выходу.

Едва они успели выскочить на платформу, двери с треском захлопнулись, и электричка умчалась дальше. И только умолк ее грохот, как на них снизошла удивительная тишина, подчеркнутая звонкими птичьими голосами и шумом крон огромных деревьев, обступивших насыпь. Теплый, напоенный сосновым ароматом воздух как бы раздался, принимая их. Огромное пронзительно-голубое небо распахнулось над ними во всю ширь. Леонид притянул Есению к себе. «Какая огромная тишина!» – хотел сказать он, но чуть не поперхнулся.

– Может, вы все-таки вытащите яблоко изо рта? – предложила Есения, отодвигаясь от него, и он понял, что же ему так мешало.

Но уже ничто не могло вывести его из блаженного состояния, в какое он погружался, впитывая окружающую красоту. Все здесь сулило прекрасный отдых.

Леонид зашвырнул огрызок коварного плода далеко в кусты, сгреб вещи и, взяв Есению под руку, скомандовал:

Вперед – к шоколадному морю!
К игривой звенящей волне,
К томлящему страстному зною,
Тоскующему по мне!

Они спустились с перрона и по указателю, притулившись у забора, отправились в сторону санатория и моря.

Санаторий они нашли без труда. Маленькие деревянные домики были разбросаны среди сосен в художественном беспорядке. По заасфальтированной дорожке они добрались до административного корпуса.

Есения присела на скамейку у входа, решив подождать на солнышке, пока Леонид будет оформляться.

Тощая сонная дежурная долго оформляла документы Леонида и в конце продала на его фамилию курсовку для Есени, которую Леонид почему-то назвал своей племянницей. Заодно ему пришлось поведать мудреную историю о похищении ее документов.

Еще не зная, как это преподнести Есени, но уже в превеселом настроении, забрав с собой ключи от своей комнаты, ворох талонов и еще каких-то бумаг, Леонид пошел к выходу, но, вспомнив, что забыл спросить о том, где можно снять жилье для Есени, вернулся.

Задремавшая было дежурная тут же проснулась и, предложив остановиться у своего деда, написала адрес, сказав, что это совсем недалеко от санатория.

– Хотя именно это и может не понравиться вашей племяннице, – хитро взглянув на Леонида, заметила она.

– Ну что вы! У нас с племянницей чудные отношения, и я не собираюсь мешать ей развлекаться, если вы именно это имели в виду. Скорее, наоборот: я ей в этом буду активно помогать.

Та недоверчиво улыбнулась. Поблагодарив ее за адрес, Леонид вышел на крыльцо.

Есения сидела с закрытыми глазами, подняв лицо к солнцу. Ее туфли лежали под скамейкой, а ноги были вытянуты и упирались в край клумбы с маргаритками. Юбка была приподнята чуть выше колен, и взгляду открывалось соблазнительное зрелище.

Леонид тихонько присел на скамейку рядом с ней, любуясь ее расслабленной позой и тем, как ее тело все целиком отдавалось солнцу. «Глазок» на ее колене устремил свой «взгляд» в сияющее лазурью небо. Сквозь капрон, обтягивающий стройные ноги Есени, нежно голубели вены.

«Реки синие вен...» – всплыла в памяти знакомая мелодия.

Есения почувствовала его взгляд. Повернув голову, она приоткрыла глаза и какое-то время молча и как-то таинственно всматривалась в Леонида.

«О чем это она думает?»

Леонид начал ерзать по скамейке, поправил галстук... воротничок... вытащил из кармана платок и вытер враз вспотевший лоб. В ее взгляде было что-то настолько манящее и загадочное, что у него перехватило дыхание.

Он протянул к ней руку:

– Есения...

Загадочность из ее взгляда моментально испарилась, а глаза приобрели жесткое выражение.

– Вас там беленой не накормили? – отстраняясь от него, спросила она.

Леонид перевел дух и, признав свою несдержанность, встал и отрапортовал по-военному:

– Белены не ел, это солнечный удар. Осознал, каюсь, больше этого не повторится! – «... в ближайшие два часа», – добавил он про себя, а вслух предложил: – Пойдем, отнесем вещи в мои апартаменты и – на море!

Она с сомнением взглянула на него, но потом взяла свою сумку и пошла рядом.

Домик, в котором должен был жить Леонид, спрятался в глубине территории, утопая в зелени. Они поднялись на крыльцо и вошли в коридор, из которого отходило несколько дверей – в ванную, туалет и четыре жилые комнаты. Дверь Леонида оказалась третьей.

Пока он возился с ключом, дверь в соседнюю комнату распахнулась, и их взору предстал огромный мужчина лет пятидесяти пяти, в широченных семейных трусах до колен и с утюгом в руке.

Увидев их, он потешно ойкнул и захлопнул дверь. Через секунду он появился вновь, уже без утюга и в импровизированной тоге из покрывала.

– Я вижу, нашего полку прибыло! – прогрохотал он, протягивая Леониду руку. – Очень рад, меня зовут Кузьма Григорович, я из Харькова.

Рука Леонида, которую он самонадеянно не считал маленькой, утонула в ладони гиганта и захрустела от его пожатия.

– А вас как звать-величать, соседи? – продолжая сжимать то, что осталось от руки Леонида, любопытствовал Кузьма Григорович.

– Леонид Ярославович, – простонал тот, вырываясь. – А это... – тут Леонид замялся, но решил играть до конца, – моя племянница, Есения, можно просто Сенечка, мы ее так дома называем – по-семейному.

У Есении округлились глаза, она уже было потянулась за своей сумкой, но Кузьма Григорович впал в такой восторг, что, забыв о своем экстравагантном наряде а-ля древние греки, налетел на нее, заставив вжаться в стену:

– Это ж надо! Имя какое у тебя, дочка, – Енисея! Что-то широкое, природное, вольное, от могучей реки – все тебе в жизни должно быть под силу!

– Не Енисея, а Есения, – поправил его Леонид, а сам заторопился открывать дверь: нужно было срочно объясниться с Есенией, вон какие взгляды бросает! Не дай бог сейчас развернется и уйдет! Хорошо, что Кузьма Григорович весь коридор перегородил.

– Все равно, что-то природное, родное! – продолжал восторженно грохотать Кузьма Григорович, совсем их оглушив.

«Теперь у него ассоциации с сеном, наверное», – подумал Леонид и, не удержавшись, хмыкнул.

Замок поддался, Леонид толкнул дверь и втащил их вещи в комнату. В это время Кузьма Григорович вдруг замолчал и потянул носом – откуда-то пахло паленым.

– Ох ёжики-ужата! Утюг! – взмахнув руками, возопил он, покрывало упало, и он, путаясь в нем, ринулся к себе в комнату.

Леонид, схватив за руку Есению, втащил ее в комнату.

Закрыв за собой дверь и привалившись к ней спиной на случай, если Есения попытается уйти, Леонид произнес:

– Вот здесь я буду жить и лечиться. Хорошая комнатка, правда? Присаживайся! – И, отделившись от двери, он стал подталкивать Есению к креслу.

Она нехотя села и обвела взглядом комнату.

– Действительно, очень мило, – согласилась она. – Жить здесь, наверное, будет хорошо, а лечиться – еще лучше. Кстати, а от чего вы собираетесь лечиться? Уж не от недостатка ли аппетита, дорогой дядюшка?

– О, я серьезно болен... – трагическим голосом произнес Леонид. – Но не будем о грустном! А вот час обеда близок, и я приглашаю тебя со мной отобедать – я все устроил!

– И когда это вы все успели, дядюшка? – упорно подвигала Леонида Есения к объяснению его посягательств на родственные связи с ней.

– О, к чему эти церемонии, можешь называть меня просто – Лёней, – пытался увильнуть он от ответа. – Предлагаю план: я сейчас быстро раскидываю вещи, потом обедаем, а дальше – идем гулять к морю, нет – сначала в гости к одному замечательному деду!

Его несло, он ведь понятия не имел, какой там дед у дежурной, предложившей снять у него комнату.

– Вы удивительный человек, Леонид! – произнесла Есения. – Не кажется ли вам, что я уже проводила вас до места? Заблудиться вы не заблудитесь, по крайней мере по дороге в столовую уж точно. А мне пора! – Она встала и протянула ему руку: – Спасибо за веселые минутки.

Почувствовав в своей руке ее теплые тонкие пальцы и увидев совсем рядом ее лицо и глаза, опять таинственно мерцающие, он понял, что не может ее вот так отпустить. Если она уйдет, он ее больше никогда не увидит. У него так часто бывало. Но от одной мысли, что это может случиться и сейчас, у него внезапно свело болью грудь.

Видимо, все это отразилось на его лице, так как Есения вдруг испуганно схватила его за руку:

– Леонид, что случилось? Вы так побледнели!

– Не уезжай, – севшим голосом попросил он. – Мне будет плохо. Я не хочу, чтобы ты уезжала. – И почти шепотом высказал поразившую его самую мысль: – Я не смогу теперь без тебя!

Есения изумленно посмотрела на него, потом смутилась и, покраснев, тихо сказала:

– Вы с ума сошли! Разве можно так?! Я вам не верю! Вы все преувеличиваете, но зачем?

Леонид, понимая, что может все потерять, но не в силах более сдерживаться, обнял ее за плечи и, крепко прижав к себе, как в горячке, зашептал ей на ухо:

– Не уезжай, не уезжай, не уезжай... Я не смогу, не смогу, не смогу без тебя... – и краем сознания понимал, что то, что он говорит, для него действительно очень серьезно. Впервые в его жизни... – Я все устрою, я уже купил тебе курсовку, снимем комнату, ты сможешь отдохнуть. Мы будем купаться, загорать, гулять... Я буду исполнять все твои желания... А потом... потом мы поедем вместе домой, моя мама будет тебе рада...

Есения подняла к нему пылающее лицо:

– Нет, вы определенно сошли с ума!

– Сошел! – горячо подтвердил Леонид. – И еще больше сойду, если ты уедешь! Да жить просто перестану!

– Прекратите! Вы меня едва знаете, а уже жизни собрались лишаться! Жили же вы как-то до меня, – смеясь, попыталась вырваться из его объятий Есения.

– Жил?! – почти возмутился таким кощунственным предположением Леонид, но потом согласился: – Может быть, и жил... Но плохо!

– А теперь вдруг хорошо зажили? – саркастически спросила Есения и, не выдержав, снова рассмеялась.

– Да, потому что сердцем почувствовал, что ты – моя половинка, – не обращая внимания на ее смех, ответил Леонид. – Ну что ты теряешь? Отдохнешь, наберешься сил. Я прошу тебя, останься! – Леонид умоляюще смотрел на девушку.

– Ну хорошо-хорошо, – смиростивилась наконец Есения.

У него от восторга сердце чуть не выскочило, он уже было потянулся, чтобы поцеловать Есению, но она уперлась ему руками в грудь и строго сказала:

– Я останусь, но не наседайте на меня так сразу, я должна прийти в себя. Обещаете?

– Обещаю! – воскликнул Леонид и уже хотел выпустить ее из своих объятий, однако, уловив на своем лице ее теплое дыхание, не мог заставить себя развести руки. В нем боролись дикое желание ее поцеловать и данное обещание «не наседать так сразу».

Леонид сжал зубы и, закрыв глаза, застонал, выпуская наконец Есению из рук. В этот момент раздался стук в дверь, и Есения отскочила от Леонида.

В дверь просунулось широкое лицо Кузьмы Григоровича.

– Соседи, на обед идем? – спросил он и удивленно уставился на них. – У вас тут что – разборки? На голодный желудок... да вы что?!

Есения рассмеялась и, повернувшись в Леониду, лукаво заметила:

– Дядюшка, я пропала – вы, кажется, нашли себе единомышленника!

– Не ехидничай! На голодный желудок это вредно!

Так, подтрунивая друг над другом, они пошли в столовую, куда со всех сторон уже стекался народ, среди которого мелькали молодые лица, но в основном здесь были пожилые люди. Леонид еще раз в душе порадовался, что ему удалось уговорить Есению остаться с ним.

Покормили их на удивление вкусным обедом. Кузьма Григорович грохотал на всю столовую комплименты поварам и как-то красиво, со вкусом уплетал все, что ему предлагали. И вообще, он производил впечатление человека, умеющего наслаждаться малым и восхищаться обыденным.

– А у вас жена есть? – поинтересовался у него Леонид.

– А как же?! – изумился тот. – Без жены нельзя! Все есть – и жена, и трое сынов, и пятеро внучат. Все живем в одном доме, только на разных этажах. Мы с Марией живем на первом. А чего лазить по лестнице туда-сюда? Да и вес мой... – Он добродушно похлопал себя по могучему животу.

– А кем вы работаете? – спросила Есения.

Кузьма Григорович перестал жевать, задумался и протянул:

– Та я-ак бы это... Не к столу будет сказано: тружусь на ниве удовлетворения естественных человеческих потребностей... Можно сказать, работаю, помогая голодающим...

– Это кем же? – не поняла Есения.

– Неужели поваром? – предположил Леонид.

Есения насмешливо посмотрела на него и опять повернулась к Кузьме Григоровичу:

– Ну а все-таки?..

– Ни, не поваром, хотя готовлю я хорошо. Мы с Марией частенько стряпаем удвох: вона – борщок, а я – что-нибудь з мяса. Другой раз такие котлеты заверну, что не токо пальчики, а и локти оближешь!

Хотя Леонид слушал его с большим интересом, Есении показалось, что Кузьма Григорович уклоняется от темы, поэтому она продолжала допрашивать Кузьму Григоровича:

– И как же вы этим голодающим помогаете?

– Я их лечу...

– Так вы врач!.. – воскликнула Есения и помрачнела.

– Ну да, конечно, – с облегчением кивнул Кузьма Григорович и принялся сосредоточенно доедать второе.

Леонид ничего не понимал: что за странные пациенты у Кузьмы Григоровича – какие-то голодающие! Может, жертвы диеты? Тогда точно больные – нормальный человек на диете сидеть не будет! В Леониде заговорил типичный Телец, обожающий вкусно поесть и не признающий голодовок и всяких там диет... Да, но Кузьма Григорович сказал, что он трудится «на ниве удовлетворения естественных человеческих потребностей», а с каких это пор голод стал естественной человеческой потребностью?! Голодному жрать хочется, его кормить нужно, а не лечить. А может, они уже есть не могут? Непроходимость вдруг какая-нибудь, желудок барахлит или там какой ливер не в порядке...

Леониду от этих размышлений аж не по себе стало. Он торопливо отхлебнул компота и с облегчением почувствовал, как тот заструился прохладой по привычному здоровому руслу.

Обед заканчивали в полном молчании. Есения уткнулась в свою тарелку. Видимо, опять задумалась о вчерашнем открытии. Кузьма Григорович сосредоточенно доедал, тоже не поднимая глаз. Потом, отставив пустые тарелки, спросил:

– Ну что, пойдемте домой, теперь неплохо бы соснуть часочек.

– Да нет, нам еще нужно посмотреть комнату для Есении, – отказался Леонид. – Мы пойдем в поселок.

– Ну ладно, а я пошел на боковую – люблю отдохнуть после обеда! – опять весело сказал Кузьма Григорович и уже на выходе пробасил в сторону кухни: – Спасибо, хозяйюшки, ублажили!

Леонид с Есенией следом за ним вышли из столовой и не спеша отправились по аллее в поселок – посмотреть комнату для Есении.

Глава третья

Улицу, указанную в записке, они нашли сразу, но дом искали долго. Он, как потом оказалось, стоял в глубине сада, а на заборе номера не было.

Наконец какая-то проходившая мимо старушка, спросив их, кого они ищут, озадачилась, а потом хмыкнула:

– А-а, так вам, наверное, Охмнетыч нужен... – и махнула рукой вправо.

– Ахметыч? – удивился Леонид и глянул еще раз на бумажку с адресом, там было написано: «Несмеянов Прохор Дмитриевич» – вроде совершенно русское имя-отчество...

Прочитав вслух, он вопросительно посмотрел на старушку.

– Ну, я и говорю: Охмнетыч нужен... – сказала она. – Идите вон туда, аккуратно в калитку упретесь.

Они поблагодарили ее и пошли по указанной дорожке, удивляясь странному прозвищу деда.

Забор, вдоль которого они шли, зарос кустами, и им не сразу удалось найти калитку. Толкнув ее, они попали в «лесосад» – все вокруг было какое-то дикое, запущенное. По едва приметной тропинке они начали пробираться между кустов и вдруг обнаружили прямо перед собой двухэтажный деревянный домишко.

На крылечке сидел совершенно рыжий дед с всклокоченными, дыбом стоящими волосами. Его «прическа» соответствовала окружающей обстановке.

Дед гладил примостившегося у него сбоку большого, тоже рыжего полосатого кота и приговаривал:

– Ох мне эти коты, все-то им спокойно не сидится! Нет бы в саду прибраться, травку пощипать. Так нет – все по кошечкам шастают! Вот и дошастался... Сиди теперь да раны зализывай! Вон как тебя твои кореша изорвали из-за этой беленькой Мисюси. И чего ты в ней нашел?.. Ох мне эта Мисюся...

И тут рыжие заметили их. Кот перестал вылизываться и уставился на пришельцев желтым немигающим взглядом. Дед перестал гладить кота и тоже уставился на них.

– Здравствуйте, – поздоровались Леонид с Есенией в один голос.

– Вот оно что... – сказал дед и заерзал, собираясь встать, потом, видно, передумал и остался сидеть. – Ну, идите сюда, чего стоять-то? Ох мне эта молодежь...

– Мы насчет комнаты... Нас прислала к вам ваша внучка, – подходя к деду, сказал Леонид.

– Ага... – сказал дед и, придвинув к себе ближе все еще рассматривающего их кота, предложил: – Садитесь!

Они сели на теплые деревянные ступеньки.

– Вот так и живем... – непонятно к чему заметил дед. – Ох мне эта жисть...

Есения смущенно привстала:

– Если вы не можете сдать комнату...

– Да при чем тут комната, вон их там штук пять сзади! Я про жисть говорю... Комната! Подумаешь! Ох мне эти... Чай будем пить! – неожиданно закончил дед свои вздохи, которые, наверное, и послужили причиной его странного прозвища, и лихо вскочил на ноги. – Будет вам и комната, будет вам и стол! – Дед хохотнул и убежал в дом.

Леониду стало не по себе. Чудной дед какой-то, ненормальный. Леонид подумал, что Есению оставлять с ним нельзя.

– Может, пойдем? – нерешительно предложил он.

– Вы торопитесь? – спросила Есения и тут же съязвила: – А как же чай? Неужели откажетесь?

Это было уж слишком! Леонид обиженно насупился.

Они молча сидели на крыльце, Есения задумчиво разглядывала заросший сад.

Рыжий кот, которому, видимо, надоело на них смотреть, принялся опять зализывать свои боевые раны. Но через несколько минут он остановился и уставился на руку Есени, которая машинально теребила поясок от платья. Кот встал, медленно потянулся, потом подошел к Есени и стал деловито ловить лапой конец пояса. Есения рассмеялась и погладила рыжего по спине. Тот зажмурил глаза, постоял, выгнув спину дугой, млея от удовольствия, потом нагло забрался к Есени на колени и заурчал.

Леониду захотелось добавить к его драным ушам еще пару-тройку шрамов на другом месте. Но тут из темных сеней выглянул дед:

– Ну и что вы там сидите? Проходите в дом, смотрите! Во, аж стихами заговорил! Ох мне!

Есения взглянула на Леонида:

– Пойдем посмотрим?

Она встала и пошла вслед за дедом в темные сени, Леонид нехотя поплелся за ней.

Войдя в большую комнату, они пораженно остановились: густой, тягучий запах свисавших с потолка трав нахлынул на них и поглотил.

Несмотря на тусклый свет из окошка, комната выглядела светлой и уютной. Вдоль ее стен были расставлены какие-то фигуры, вырезанные из коряг и корешков, а посреди комнаты стояли большой, из золотистого дерева стол, на котором пытел самовар, и длинная скамья, покрытая домотканой дорожкой.

– Прошу к нашему шалашу! – подмигнув, пригласил их дед к столу и засуетился.

Они сели на скамью. Дед Охмныч споро расставил на столе глиняные чашки, выставил большую миску с медом, достал увесистую ковригу хлеба, сбегал в соседнюю комнату и притащил немаленькую миску с маслом и здоровенный горшок с молоком...

– Ой, не надо, не надо, не беспокойтесь, мы только что пообедали... – начала было Есения, но, взглянув на Леонида, осеклась.

Дед положительно начинал нравиться Леониду: «Понимает, как к людям подходить надо... Ох, а стол-то какой вырисовывается, мать честная!»

Дед носился как заведенный, возвращаясь из разных углов с какой-нибудь снедью. Вскоре в густой травный запах ворвался аромат свежепросоленных огурчиков, благоухание квашеной капусты и копченого бока. И в довершение ко всему этому пиршеству, центральное место на столе, уставленном мисками и плошками с различной снедью, заняло блюдо с дымящейся вареной картошкой, рассыпчатой, посыпанной жареным луком и укропом.

– Начнем! – радостно потирая руки, сказал дед, присаживаясь к столу.

«А как же!» – мысленно согласился с ним Леонид.

– Ах да... Самое-то главное! Ох мне этот склярз... – опять вскочил дед, куда-то сбегал и приволок в одной руке бутылку с вином, а в другой – жбанчик пива.

«Ох мне...» – по-дедовски охнул Леонид про себя.

– Вам, барышня, наливочки, – наполняя стопку Есени темно-красным напитком, сказал дед. – А мы с вами, батюшка, пивком побалуемся, пиво-то собственного производства, да... Варфоломей Игнатьич, проходи, и тебе плесну...

Леонид оглянулся – никого не видно, с кем дед разговаривает?

И тут рыжий кот важно подходит к столу, забирается на лавку рядом с хозяином и, оглядывая стол, начинает довольно урчать.

– Варфоломей Игнатьич, с гостями тебя! – поднимая большую кружку с пенящимся пивом, торжественно произносит хозяин и выпивает ее до дна.

И началось...

***

– Кузьма Григорович, ну извини, что так поздно пристаю... давай выпьем, у меня коньячок есть... С собой привез, армянский, питерского разлива... ха-ха...

...

– Почему не хочешь, ты тоже на диете?..

...

– Как почему тоже? Ты же говорил, что лечишь народ от голодухи, ну тех, кто голодает? А кстати, что ты хотел этим сказать? Я что-то ничего не понял...

...

– Что? Ну ладно, ладно, не хочешь, не говори... Лучше наливай... О, хорошо... Не, ну а все же, чего ты скрытничаешь?..

...

– Что?.. Чего боишься?.. Кто будет к тебе бегать?..

...

– Какие пациенты? Ты что, собираешься и здесь их откармливать?..

...

– А-а, ну извини, я не понял... А что же ты тогда с ними делаешь?..

...

– Как понять – редкая профессия?..

...

– Кто-кто?..

...

– Секса... секса... патолог?! Не, постой, а разве так бывает? Не, ну «секса» я еще понимаю, а «патолог» тут при чем?.. А, понял – ты занимаешься теми, кто помер от секса!.. Как же ты их лечишь – им же уже твой секс, что мертвому припарки... Ха-ха-ха... «Был до секса путь наш долг, но помог сексopatолог!» Не, это придумать надо – «патолог секса»!..

...

– Все, все... Ну, не сердись... Понимаю... Конечно, понимаю – сложная штука... По опыту знаю... Иногда так вымотаешься!.. На вот лучше – выпей...

...

– Григорович, извини за любопытство, а сильно тяжелая у тебя работа?.. Не, ну я в практическом смысле спрашиваю... А, одни разговоры... Жаль... А то я думал, может, тебе молодой здоровый ассистент нужен...

...

– Ну вот, сразу – набрался! Не, ну выпили... пивка...

...

– Ой, что было... Словами разве расскажешь? Это было... ну просто: ой! А дед-то! Как забацал нам на гитаре «Комаринского», струну в запале порвал! Есения тоже... Наливочка на щеках как заиграла! На меня посмотрит-посмотрит – да как зальется колокольчиком! А Варфоломей Игнатьич, у-у, вражина рыжая, все мурчит да об бедро ее нежное обтирается – знает, паразит, где приложиться. Пива с нами за компанию нализался – тархтетъ начал, как Т-34...

...

– Что значит «куда я смотрел»? На него и смотрел!..

...

– Так, а что я мог поделаться? Он – животное, меньший брат наш, его обижать нехорошо...

...

– Почему добрый?... Не, не со всеми...

...

– Да какой он ухажер, рванина рыжая!..

...

– Да не, Григорович, ты не понял – это ж кот...

...

– Да не такой кот, а кот – с полосками, рыжий... Так я так и говорю...

...

– Понятно, не пришли – не до ужина нам было... Да кому он нужен этот санаторский ужин, когда тут такой рай на столе и в душе... О, кстати, плесни-ка маленько... О-то-то...

...

– Пели... Помню, хорошо пели... громко... А Варфоломей Игнатьич-то, оказывается, подпевать умеет! Нет, хоть и вызываясь себя ведет, но мужик что надо. Мы тут его Мисюсю видели, приходила – ничего такая, беленькая. А Варфоломей Игнатьич с достоинством так, и не взглянет на окошко, где ее белая мордочка страдает за стеклом. Ну, конечно, зачем ему белобрысая Мисюся, когда тут чернокудрая Есения бока его драные своей ручкой оглаживает! У-у, гад... Налей-ка еще... Ага... Ну, давай... За них, родимых!

...

– Но пиво-то у деда ох и забористое! О, какое слово интересное и, главное, правильное – потому и забористое, что пьешь – и все: то к забору тянет, то под забор. Могучий русский язык... Без бутылки и не поймешь, а поймешь, так у-у-у...

...

– Как я добрался, как я добрался? Добрался! Шел-шел, шел-шел, полз, не – шел-шел и дошел... и все... И завтра еще пойду! Дед – мировой мужик, знает, что людям надо, а ты говоришь – удовлетворение естественных потребностей... Жрали бы твои доходяги нормально, не померли бы от секса!.. Ха-ха-ха... Ну ладно, не кипятись, твое здоровье, секса... патолог!

***

Тот, кто знает, что такое тяжелое утро похмелья, поймет состояние Леонида...

Он не помнил, как называют смесь коньяка и пива, то ли «северное сияние», то ли «адмиральский коктейль», но она была покруче традиционного «ерша». Все утро он чувствовал себя ужасно, в голове что-то гудело и взрывалось, как при артобстреле. Ему даже не помогло зелье, которое приволок Кузьма Григорович, прибежавший после завтрака, полный сочувствия и лекарского энтузиазма. Правда, при этом сосед изрядно веселился, вспоминая Леонида вчерашнего.

Подробности Леонид помнил плохо, только ощущения – праздника и еще чего-то хорошего. Но за все надо платить, вот он и настал – час расплаты. Как сказал Кузьма Григорович, Есения к завтраку не пришла, видно, тоже плохо было, бедняжке. Ох и жалел ее Леонид! Потому что понимал и сочувствовал...

«Зато ей сейчас наверняка не до воспоминаний о стеклянной прародине... У нее сейчас, наверное, как и у меня, перед глазами другая тара стоит... – думал Леонид. – Ой, тошненьки...»

Кузьма Григорович утешал, что это пройдет, только потерпеть надо. Как будто Леонид сам этого не знал! Он в детстве так к зубному врачу ходил – представит, что через час все будет позади, и вроде веселее на душе, да вот только как час-то этот пережить!

В открытое окно тянуло прохладой и свежестью. Нужно было вставать, умываться и идти к деду – отнести сумку Есении. Как-то она там?

Утро выдалось теплое, солнечное.

На воздухе Леониду стало легче. По дороге он пытался разглядеть помятое лицо.

«Днем, наверное, даже жарко будет. Вон и народ, уже загорелый, спешит на пляж», – подумал он и с отвращением посмотрел на свои бледные ноги, мохнато выглядывающие из штанин длинных шорт. Ему было так плохо, что не хотелось думать ни о пляже, ни, что удивительно, о еде. Он вспомнил картину вчерашнего дедовского стола и поспешно отогнал видение.

Наконец Леонид добрался до знакомой улицы. Калитка была открыта, – видимо, он ее вчера впотьмах забыл закрыть.

В саду было тихо. Леонид не спеша побрел к домику.

Варфоломей Игнатьич сидел на крыльце и выполнял «водные процедуры». На нем не было заметно никаких следов их вчерашнего веселья, хотя к пивку он приложился тоже изрядно...

Увидев Леонида, кот вскочил и с криками: «Мя-яу, мя-яу», побежал к нему навстречу.

Леонид остановился, ему стало интересно, что тот будет делать. Варфоломей Игнатьич подбежал к нему и, подняв хвост трубой, весь выгибаясь, начал обтираться о его ноги. Шерстка у него оказалась очень мягкая, Леониду было щекотно.

Он присел и погладил кота:

– Ну, привет тебе, а где хозяин твой, дома?

Посмотрев на него своими желтыми глазами, Варфоломей Игнатьич мяукнул и пошел, подняв хвост, к домику, оглядываясь на ходу.

В доме царила тишина.

– Прохор Дмитриевич! – позвал Леонид, остановившись на пороге комнаты, где у них вчера проходила «вечеринка».

Со второго этажа раздался голос Есении:

– Леонид Ярославович, доброе утро! Прохор Дмитриевич ушел по делам, скоро будет. Подождите, я к вам сейчас спущусь.

И через несколько секунд Есения легко пробежала по скрипучей лесенке.

«До чего же хорошенькая! Похоже, только на мне лица нет после вчерашнего», – расстроено подумал Леонид.

– Вы принесли мою сумку, вот спасибо! – воскликнула Есения. – А то мне и переодеться не во что.

Подхватив сумку, Есения опять побежала вверх, крикнув на ходу, чтобы Леонид подождал – она быстро.

Он сел на скамью. Через несколько минут Есения вернулась, одетая в легкое пестрое платье, соблазнительно облегающее ее воздушную фигурку. Леонид наблюдал за ней с удовольствием, но через какую-то пелену отупляющей головной боли.

– Вы завтракали? Нет? А меня Прохор Дмитриевич разбудил. – Тут Есения взбила волосы на голове, встала в позу и произнесла: – «Барышня! Вы вставать собираетесь? Вижу, не собираетесь, ох мне эти сони, всю-то красоту на свете проспят! Идите завтракать, а потом спите хоть до обеда!»

Леонид рассмеялся – было очень похоже, но тут же схватился за голову.

Есения обеспокоенно посмотрела на него:

– Что это с вами, голова болит? Вы же вчера вроде только пиво и пили...

Леонид заколебался, но потом решил признаться:

– Да мы вчера с Кузьмой Григоровичем еще коньячку немножко добавили...

– А, все понятно... Так вы, кроме того что обжора, еще и пьяница!

Леонид принялся возражать, но Есения улыбнулась:

– Да ладно вам, я же шучу. Если честно, то и у меня немножко шумит в голове. А все равно вкусно было! Я наливки с детства обожаю. Была со мной одна история... Это когда я

единственный раз в жизни напилась... Мне тогда годика три только исполнилось. Нас с мамой пригласили в гости, и я там познакомилась с мальчиком – чуть постарше меня, вот с ним-то мы под шумок и наклюкались вкусенького сладенького «компотика». Потом нас с мамой пришлось провожать, потому что я была совершенно невменяемой и жутко скандалила. Дядя этого мальчика нес меня на руках, а я показывала пальцем на что-нибудь и громко ругалась: «Этот дом – плохой дом! Этот дядя – плохой дядя!». А дядя мальчика со мной во всем соглашался и уворачивался от моей мамы, которая бегала вокруг него, сердилась и пыталась меня ущипнуть, чтобы я утихомирилась. Теперь этот мальчик стал режиссером, снимает фильмы... Больше мы с ним не пили, да и, вообще, жизнь нас как-то развела...

Есения замолчала, задумавшись о чем-то.

Леонид поспешил отвлечь ее, боясь, что она вспомнит о своей неприятной находке в кабинете отца и опять впадет в депрессию:

– Может, на море пойдем?

– А у меня купальника нет, – развела руками Есения.

– Купим. Здесь наверняка есть какой-нибудь магазин, – успокоил ее Леонид. – Погода чудная, не сидеть же дома, когда море рядом!

Послышались шаги, в комнату вошел дед Охмнетыч:

– О, кого я вижу! Ярославич, как дела? Ну и вид у тебя! Поправить бы надо, сейчас я тебе холодненького принесу.

Он убежал и через минуту принес ковшик с пивом. Потом подскочил к столу и поднял салфетку, под которой в миске лежали помидоры, огурцы и хлеб.

Леонид отпил из ковшика и закусил хлебом с огурцом.

– Спасибо! – сказал он. – А мы вот на море собрались.

– Дело хорошее, только, Ярославич, скупнитесь, но на солнце не жарьтесь – совет ветерана... Хоть и не юга, но все же.

Леонид кивнул, и они с Есенией вышли из дома. Дед с котом пошли проводить их до калитки.

– Да, кстати, а где здесь галантерейный магазин? – спросила Есения. – Мне купальник купить надо.

– Да по пути, не доходя до вашего санатория, сверните в первую улицу налево, там недалеко.

– Спасибо! Ну ладно, мы пошли.

– Давайте, а ждать-то вас когда?

– Не знаем, как получится, – пожал плечами Леонид. – Хотим оглядеться для начала.

Дед махнул рукой, и они пошли с Есенией искать магазин.

Отойдя немного от дома, Леонид остановился – вспомнил, что самый главный вопрос, за которым они вчера приходили к деду, – не решили. Он попросил Есению подождать и побежал обратно.

Дед, как обычно, сидел на крыльце со своим котом.

– Ты чего вернулся? – удивился он. – Дороги не будет!

– Да я же совсем забыл, Прохор Дмитриевич! Мы же не сговорились насчет цены за комнату и прочих условий... – объяснил Леонид.

– Опять двадцать пять! Ну ты даешь, Ярославич, ты что, правда забыл?! Мы ж вчера все уговорили, теперь что – опять заново начинать? Ох мне эти квартиранты... – Дед укоризненно покачал головой.

– Постойте, я что-то ничего не помню, разве мы уже уговаривались?

– Ну да, я сказал, что не надо мне ваших денег – поможете по хозяйству: дровишек попиляем-порубим, картошку подкопаем, ну там, что на зиму засолим-заквасим, в саду яблоньки побелим... А ты ответил, что на свежем воздухе – это ты с удовольствием... Забыл? Еще про

мамашу свою рассказывал, что она хорошо помидоры маринует, обещал позвонить ей и рецепт взять.

У Леонида в голове что-то начало смутно мелькать, но, как он ни силился, вспомнить их разговор не мог. Но это уже не имело значения, и так все было ясно. Конечно, они старику помогут, Леонид считал себя мужиком крепким, да и Есении хозяйственная польза будет – она наверняка не занималась заготовкой на зиму. Так что ей это пригодится. «Да и мама любит хозяйственных девушек...» – добавил он про себя. Не отдавая себе отчета, Леонид уже думал о Есении как о будущем члене их маленькой семьи.

– О'кей, Прохор Дмитриевич, договорились! Вот вернемся с моря и сразу начнем.

– Да не, Ярославич, вы вначале в колею войдите, обживитесь недельку, жирку поднакопите. Я ж не помещик какой. Ребята вы хорошие, все сделаем. Ох мне эти торопыги!..

– Ну ладно, тогда я пошел...

– Отдыхай, Ярославич!

Море было прохладным. Покрывшись гусиной кожей, они лежали мокрые на песке и обсыхали. Солнце, правда, пекло исправно.

Есения в темных очках, которые они ей купили в магазине заодно с купальником, лежала на спине, подставляя себя солнечным лучам. Леонид старался на нее не смотреть. С того момента, когда она вышла из пляжной кабинки в купальнике, он понял, что погиб окончательно и безвозвратно...

Нет, он, конечно, предполагал, что она хороша, но никак не ожидал, что настолько. Она его волновала, и это еще мягко сказано... Поэтому Леонид лежал на животе, уставившись в песок, по которому ползали какие-то букашки. Недавно был шторм – на прибрежном песке валялись лохмотья водорослей и мелкий мусор, вынесенный волнами на берег.

Голова, вначале освеженная купанием, стала опять завлакиваться каким-то мерзким туманом. Леонида начало клонить в сон.

Есения перевернулась на живот, сняла очки и, тронув руку Леонида, сказала:

– Нам, наверное, не стоит в первый раз так долго быть на солнце. Пойдемте лучше в воду!

Ее прикосновение опять всколыхнуло в Леониде уже начавшее было улечься волнение... Придется еще полежать...

Есения тем временем вскочила и стала со смехом тащить его за руку:

– Поднимайтесь, поднимайтесь!

«Да как тут еще поднимешься, когда уже и так в "приподнятом" настроении? Да еще и народу на пляже полно...» – с досадой подумал Леонид.

Как можно серьезнее посмотрев на Есению, он отнял свою руку и строго сказал:

– Иди! Я сейчас тебя догоню.

Есения сделала большие глаза, потом развернулась и, с обиженно-гордым видом пошла к воде. Леонид на нее засмотрелся, а зря...

«Ох ты черт, теперь она посинеет в воде, дожидаясь меня... Вот ситуация! Нет, надо будет посоветоваться с Кузьмой Григоровичем – что это за зависимость во мне такая – от красивого?..» – пытаясь отвлечься от соблазняющего зрелища, думал Леонид.

Через пару минут он совладал с собой, вскочил и побежал к воде. Песок с него сыпался, как со старого рыцаря.

Он хмыкнул, вспомнив, как однажды подслушал во дворе разговор соседа, спившегося историка, с его собутыльниками. Тот, непонятно в связи с чем, разъяснял им смысл слов «с него песок сыпется».

– Вот вы говорите «с него песок сыпется», потому что он старый, что ли? Ни хрена к старости это выражение отношения не имеет, а знаете почему? Вот я вам сейчас расскажу.

Помните, в старину мужчины носили такие штанишки – круглые, надутые панталончики, а ноги были обтянуты то ли колготками, то ли лосинами? Еще та мода! Ну так вот, эти старинные мужики, чтоб доказать, что они самые крутые и самые-самые, старались выпятить свои мужские достоинства... ну понятно какие... А для этого они в свои штанишки, умора просто, подкладывали мешочки с песком... Ну а там понятно... Тут тебе и психология, и физиология... Ясно же, что кто больше всех говорит и заботится о своих мужских достоинствах – у того с этим делом, значит, проблемы, – вот и размерчик этих мешочков напрямую зависел от величины проблем его носителя...

Вспоминая сейчас об этом, Леонид подумал, что с этой патологической закономерностью и спец Григорович согласился бы – сосед, конечно, был прав. Потому что нормальному мужику, если он нормальный мужик, в голову не придет задумываться о величине своего мужского достоинства, он, скорее, о другом думает: как бы ему с этими мужским достоинством в ладу жить...

По рассказу соседа-историка получалось, что ходил себе этот старинный мужик, ходил, потрясал своими достоинствами всё и вся, а время шло и, так сказать, стирало и крошило даже камень. Вот и начинали эти накладные «достоинства» – то ли от ветхости, то ли от трения, то ли еще от чего – по песчинке просачиваться. Ну и народ, конечно же, начал брезгливо насмешничать. Вот отсюда, оказывается, выражение и пошло. Так что ни к старости, ни к почечным болезням с их песком оно отношения не имело.

Леонид с разбегу влетел в воду. Вдалеке на волнах покачивалась черноволосая головка Есени. Он поплыл к ней мощным брассом. Плавать он любил и умел. В ранней юности ему очень нравилось покрасоваться перед томно лежащими на песке девицами. Сколько это принесло ему приятных знакомств...

Леонид подплыл к Есени. Она лежала на спине, широко раскинув руки и ноги. Ее высокая грудь, туго обьятая купальником, то показывалась из воды, то погружалась в набегавшую на нее волну. Красиво...

Он поднырнул под Есению и обхватил ее за талию. Она испуганно взвизгнула и начала отбиваться. Потом, когда поняла, что это он, рассердилась:

– Ах вы гадкий! Да я вас после этого знать не хочу, меня из-за вас чуть кондратий не хватил! – И она, насупившись, поплыла вдоль берега.

Он пристроился с ней рядом:

– Не волнуйся, я бы тебя Кондратию не отдал.

– Да ну вас! – уже более миролюбиво отмахнулась от него Есени, бросая на него укоризненный взгляд. – Вы чего так долго? Я уже начала замерзать.

– Еще бы! Разлеглась на волнах, а надо двигаться! А ну, кто скорее – вон до того буйка. И начался «заплыв века»... Есениа пыхтела сбоку...

«Так, нужно будет заняться, дышит неправильно, – заметил Леонид. – Но все равно молодец, руками работает вовсю, вот тебе и воздушная фигурка!»

Конечно, Есениа отстала, но Леонид не стал вырываться вперед, и к буйку они подплыли вместе.

Обхватив буйка руками, они покачивались на волне. Несколько раз Леонид вроде как ненадолго прикасался бедром к бедру Есениа, и как же ему это нравилось! Есениа, понятно, заметила его якобы нечаянные касания, покраснела и стала всматриваться в морскую даль... А он вдруг размечтался – представил себе теплую ночь, море и себя с Есенией в нем вдвоем, и больше никого вокруг... Любовь в воде – непередаваемое ощущение!..

В этот момент более крупная волна подняла и толкнула их друг к другу. Есениа инстинктивно обхватила Леонида за шею, и он, еще не отошедший от своих мечтаний, крепко прижал ее к себе и поцеловал в мокрую щеку.

Она как-то сникла и прошептала:

– Вы же обещали...

– Есения, я только... – прошептал Леонид и прижал ее к себе сильнее.

«Как можно выпустить ее из рук, когда сама стихия вложила ее в мои объятия...» – подумал он, теряя голову.

Губы ее были мягкими и солеными...

Вырвавшись, Есения поплыла к берегу.

Леонид не стал ее догонять – ему нужно было успокоиться.

«Странное дело, – думал он, лежа на воде, – вроде уже давно не мальчик, а нахлынуло на меня что-то совсем юношеское, когда даже касание руки погружает в блаженство...»

Он удивленно прислушивался к себе, чувствуя, как теплые волны нежности и возбуждения прокатываются по его сердцу. Ему хотелось петь и кричать: «Она пришла! Та, Которую Я Не Отдам Никому!».

Когда Леонид выбрался на берег, Есении уже не было, – видимо, ушла домой к Охмнетичу. Но Леонид почему-то был спокоен. Одевшись, он не спеша пошел по берегу в сторону медкорпуса, решив показаться санаторскому врачу. Может, какие процедуры назначит...

Врач предложил ему бывать побольше на свежем воздухе, купаться, загорать, заниматься спортом. Потом, полистав его курортную карту, решил добавить к этим общим рекомендациям радоновые ванны, душ Шарко и кислородный коктейль.

Против первого и второго Леонид не возражал, а от коктейля наотрез отказался: глотать этот эфемерный коктейль, пахнувший шиповником, все равно что есть пену от шампуня.

Врач-старичок посмотрел на него поверх очков и сказал:

– Ну как знаете, батенька, заставлять я вас не буду.

Леонид поблагодарил его за это и отправился к себе.

Глава четвертая

Кузьма Григорович в большой белой панаме и тренировочных штанах сидел за столиком у их домика и увлеченно резался в шашки с дворником, убравшим территорию санатория. На дворнике был синий халат, надетый на голое тело. Его грабли и метла стояли, прислоненные к столику.

Кузьма Григорович выигрывал. Дворник вытирал синим рукавом потеющий лоб и тихо матерился, глядя, как его шашки одна за другой исчезают с доски.

Увидев Леонида, они прекратили игру, а Кузьма захохотал ему навстречу:

– Леонид Ярославович, живой? А то я уже беспокоиться начал. Как головушка? – и повернувшись к дворнику, объяснил: – Товарищ вчера немного перебрал.

– Бывает! – авторитетно заметил тот. – Надо бы помочь человеку, могу сходить.

– Не-не-не! – запротестовал Леонид. – Никаких «сходить», я пить больше не буду!

– Ну как знаете! Кузьма, спасибо за игру, мне пора работать. – И разочарованный дворник, прихватив свои орудия труда, пошел выскребать из углов притаившийся мусор.

– А ты чего один, Лёня? Где твоя небога?¹ – спросил Кузьма Григорович.

– Пошла домой. К обеду, наверное, придет, – ответил Леонид.

Они сыграли с Кузьмой Григоровичем несколько партий в шахматы. Кузьма Григорович играл хорошо, и Леониду никак не удавалось его победить. Он досадовал на себя, но ругаться, как это недавно делал проигрывавший в шашки дворник, ему было неловко.

Близилось время обеда.

Кузьма Григорович пошел одеваться, Леонид тоже сменил шорты на летние брюки, а потом решил на минутку прилечь.

Через полчаса Кузьма его разбудил:

– Слушай, Леонид, мы останемся без обеда, давай вставай. Я все ждал, что ты сам проснешься, но ты что-то серьезно увлекся.

Сон пошел Леониду на пользу. Он бодро вскочил, забежал в ванную сполоснуть лицо и через минуту уже стоял на крыльце.

Есении за столиком не оказалось.

«Вряд ли она уже пообедала, значит, тоже опаздывает», – решил Леонид. Аппетит у него сразу пропал, что бывало с ним крайне редко. Он весь извертелся, пытаясь увидеть за окном фигурку Есении.

Кузьма, заметив его нетерпение, озадаченно поглядывал на него.

– Слушай, Лёня, – отложив ложку, наконец сказал он, – ты так себе шею свернешь! Ну куда она денется, не маленькая же, успокойся и ешь, а то от тебя в глазах рябит, ажно укачало.

– Да тут у нас небольшой инцидент вышел... – попытался ему объяснить Леонид, но продолжать передумал. Не мог же он ему сказать, что приложился к губам собственной племянницы и этим вызвал у нее отрицательную реакцию. Кузьма поймет девушку, а на Леонида будет смотреть как на прелюбодея-кровосмесителя. А рассказывать ему правду Леониду сейчас не хотелось – долго, да и ни к чему пока.

Есения все не шла. Леонид начал глотать еду, уже не разбирая ее вкуса.

– Кузьма Григорович, ты меня прости, но я что-то беспокоюсь, – сказал он, поднимаясь из-за стола. – Пойду к ней, узнаю, не случилось ли чего...

---

¹ Небога – племянница (укр.).

Прохор Дмитриевич сидел на крыльце со своим неизменным спутником-котом, как будто их приковали к этому месту навеки.

Увидев Леонида, он удивился:

– Ярославич, а вы что – разминулись? Барышня ваша час назад прибежала, схватила сумку, сказала, что вы всем санаторием на экскурсию в город едете, и улетела. А тебя, значит, не взяли... Ох мне эти девы...

Леонид обессиленно опустил рядом с дедом на крыльцо: «Вот идиот, самоуверенный кретин! Все! Она больше не вернется! Ну почему я ее не догнал, почему не остановил?!»

– Э-э, паря, чё стряслось? – всполошился дед. – Ты чё это зеленеешь, а? Да вернутся они к вечеру, никуда не денутся. Есения ваша веселая была. Ну чё ты киснешь? Ох мне эти страдатели...

Леонид поднял голову:

– Веселая?

– Ну да. Варфоломею Игнатьичу всю морду обцеловала, он теперь даже вылизываться не хочет.

Леонид с ревностью посмотрел на кота, а тот (гад!) ему так доброжелательно в ответ сощурился...

– Прохор Дмитриевич, где твои дрова?

– Какие дрова? – не понял дед.

– Да которые «попилять-порубить» надо. Чего откладывать! Мне сейчас что-нибудь «порубить» как раз по состоянию духа.

– Ну как хочешь, Ярославич, да я говорил тебе – не к спеху это. Ну ладно, пошли, покажу. Дед потрусил за дом. Леонид пошел следом.

Позади дома обнаружился сарайчик с навесом, под которым очень аккуратно был сложен не один кубометр бревен...

– Вот это все перепилить?! – ахнул Леонид.

– Да ты что! – захохотал дед. – Ты ж у меня тут дромадером станешь!

– Прохор Дмитриевич! Не обзывайтесь!

– Так ты сам думай, что говоришь! – продолжал веселиться дед. – Ты ж пилять это будешь до своей пенсии, а у меня по хозяйству еще и другие дела есть! – И, увидев вытянувшееся лицо Леонида, добавил: – Не бойсь, Ярославич, не заезжу, вернешься к мамаше в лучшем виде. Ох мне...

Леонид подошел к штабелю бревен и озадаченно почесал в затылке: с какого конца к ним подступиться?

Дед открыл сарай и чем-то там загремел в темноте, потом позвал Леонида:

– Ярославич, иди-ка сюда, дам тебе инструмент.

Леонид представил себе большую ржавую пилу, но, когда подошел к дверям сарая, поразился: дед пытая волок на животе новехонькую бензопилу «Дружба».

– Вот! Обращаться умеешь? – поставив пилу на порог и отдуваясь, спросил дед. – Уже заправлена, хоть сейчас начинай пилять!

Леонид осмотрел пилу и, поскольку в стройотряде ему приходилось такими работать, запустил ее без проблем. Пила истошно завизжала. Перепуганный Варфоломей Игнатьич с диким мявом взлетел на дерево и затаился там, раздувшись от ужаса. Леонид выключил пилу. Теперь нужно было приготовить рабочее место. Дед уже предусмотрительно подкатил два чурбана и притащил из-под навеса козлы.

– Выбирай, как будем действовать, – сказал он.

– Козлы пока не нужны, – заметил Леонид. – Буду пилять на чурбане. Переодеться бы вот только...

– А, счас, счас, – засуетился дед и побежал в дом.

Через несколько минут он вернулся со старой рубахой и штанами в руке.

– На вот, надень, это сына моего, только рукава и штанины придется подвернуть – мой Ваня повыше тебя будет.

«Да уж, повыше!» – хмыкнул про себя Леонид деликатности деда, прикладывая штаны к телу, – если бы он их надел, пояс пришлось бы застегивать на шее... А в боках хоть дырки для рук вырезай – готовый комбинезон получится. Славный сынишка у дедушки!.

Леонид молча переоделся и закатал штанины – на ногах внизу получилось что-то вроде толстых бубликов.

Дед, рассмеявшись, протянул ему веревку:

– На вот, вставь вместо ремня, а то портки потеряешь!

Это точно – Леонид мог эти штаны обернуть вокруг себя чуть ли не два раза. Взяв веревку, он продернул ее вместо ремня и завязал узлом на животе. Дед опять залился расщепчатым смехом. Вид у Леонида был как у того бурлака на Волге. Рубаху он надевать не стал – жарко.

Скатив несколько бревен на землю, Леонид поднял одно и положил его концом на чурбан. Дальше – дело техники.

– Прохор Дмитриевич, печь-то большая? Вам как пилить – покороче или подлиннее?

– Ярославич, пилай блинчиками.

– Это как – блинчиками? – не понял Леонид.

Тут дед отмерил на бревне длину примерно с метр и попросил, чтобы Леонид из этого метра напилит штук десять «блинчиков», ну вроде как колбасы кружочками нарезал.

– Так это ж ювелирная работа! – изумился Леонид.

– А мне так топить удобней! – капризно заявил дед. – А какой блин чересчур толстый будет, так я его располовиню.

«Нет, дед все-таки точно странный, – подумал, улыбаясь, Леонид. – Даже дрова у него какие-то ненормальные! Полешками ему, видите ли, топить неудобно! Всем на свете удобно, а ему не очень! Ну да ладно, хозяин – барин!»

Завывая пилой, он принялся «печь» деду «блинчики». Сам дед Охметыч присел на другой чурбан, заложил ногу на ногу, подпер подбородок рукой и умиротворенно наблюдал, как из-под визжащей пилы опадают дрова его любимой формы...

Скоро у Леонида под ногами все было завалено кругляками «деревянной колбасы», он выключил пилу и стал их собирать.

– Где складывать-то будем? – спросил он, оглядываясь.

Дед соскочил со своего чурбана и потрусил в сарай. Там, в дальнем темном углу, Леониду и пришлось выкладывать поленницу из этих чудных дров. Сарай скоро стал похож на гастроном, где вот так же на прилавке высятся пирамиды рыбных консервов. Леонид почти затосковал по обычной, привычной, нормальной поленнице.

Вскоре он втянулся в работу и опять вернулся мыслями к Есении. Значит, она взяла сумку и уехала. Это плохой знак. Но, с другой стороны, дед говорит, что она была веселая, даже вон того рыжего обормота поцеловала. Леонид косо взглянул на кота, но, представив, как потом Есения всю дорогу отплевывалась от его рыжей шерсти, развеселился.

– Ты чего смеешься, Ярославич? – с улыбкой спросил дед.

– Да вот – работа радует, – ответил тот и отпилил очередной кругляк.

Варфоломей Игнатьич, привыкший к визгу пилы, потихоньку сполз с дерева и уселся рядом с хозяином, уже с интересом наблюдая за действиями Леонида. Потом он настолько осмелел, что стал гоняться за кругляками, которые, падая на землю, откатывались в сторону. Работа спорилась.

– Пойду пивка принесу, – сказал дед, – больно жарко сегодня.

И он пошел в дом. Варфоломей Игнатьич побежал за ним. Вот уж точно – неразлучная пара!

Леонид опять задумался: «Что же делать теперь, где искать Есению? А если она не вернется, разве в Питере я смогу ее найти?..» Ему почему-то стало себя очень жалко.

Но тут вернулся дед с пивом:

– На-ка, Ярославич, выпей, а то ты как бульдозер без остановки пашешь.

Леонид отключил и устало поставил пилу на землю. Выпрямившись, он почувствовал, как заныли утомленные работой поясница и плечи.

Присев на чурбан рядом с дедом, Леонид взял у него кружку с пивом.

– Слушай, Ярославич, а может, баньку наладить? – спросил дед. – А то ты намаешься и завтрева помирать зачнешь.

– Помирать нам рановато... Банька – это хорошо. А где она?

– Да там, – дед махнул рукой куда-то в сторону, но за кустами ничего не было видно.

Леонид подумал, что не лишним будет обойти весь участок деда – вдруг еще что-нибудь интересное обнаружится.

– А огород с картошкой где?

– А, это не здесь. Надо на поле идти, да тут недалеко.

В это время раздался женский голос:

– Дедуля, ты дома? – Из-за угла показалась женщина, в которой Леонид узнал дежурную из санатория, оформлявшую его.

– Вот те раз, ты уже человека припахал! – воскликнула она, останавливаясь и окидывая взглядом «наряд» Леонида. – Он же лечиться да отдохнуть приехал, а ты! И не стыдно тебе, дедуля! Что мы тебе – не помогли бы, что ли?

– Цыц, Раиса! Ох мне эти пигалицы! Деда корить вздумала! Человек, может, жить без спорта не может – мышцу накачивает, а ты сразу – «припахал»! Квартиру он отрабатывает, за племяншку свою. Она-то в город на экскурсию укатила, да и не ей же дрова пилять!

Раиса хитро посмотрела на Леонида:

– А что же это ваша племянница вас с собой не взяла, вы же хотели активно помогать ей отдыхать?

– Вот заноза! – возмутился дед. – Иди-ка лучше нам пополдничать собери, чем в чужие дела соваться! Варфоломей Игнатьич – проводи!

Кот, давно отиравшийся у ног Раисы, взглянул на деда и, мяукнув, побежал к дому.

– Вот человек, несмотря что кот! – ласково глядя вслед своему любимцу, воскликнул дед. – А на Раиску ты не обращай внимания, она любит побурчать да поехидничать. От нее и муж потому сбежал в прошлом году. И мужик-то покладистый был, а и то не выдержал...

Дед было загрустил, но потом, вспомнив о бане, опять повеселел:

– Ладно, Ярославич, пойду огонек раздую да веники запарю, а ты работай, это полезно. Человек ты здоровый, красивый, тебе не помешает, и мне, старику, польза. Чем с Раиской связываться, лучше своими силами управимся.

Намахался Леонид – будь здоров! Умудрился даже задремать в бане, пока дед охаживал его березовым веничком. Дед вроде пытался растолкать Леонида, а потом, подумав, что тот сомлел, притащил ковшик холодной воды и окатил его с головы до... до одного выдающегося места. Ожил Леонид моментально, с воплем подскочив на полке.

– Фу-у, чтоб тебя! Я думал, ты упарился, а ты тут ухо давишь! – с облегчением воскликнул Охмнетыч. – Первый раз вижу, чтобы под моим веником засыпали!

Действительно, перед тем как задремать, Леонид чувствовал, как дед с «хорошим притиром подметал» его веничком, да, видно, интеллигентское тело, умаявшееся на непривычной работе, не выдержало и уснуло.

– Ну ладно, вставай, негоже в бане спать, тут мыться-париться положено да бабам рожать, – сказал дед.

– Ой ли, Прохор Дмитриевич, и только? А я что-то такие рассказы слышал... – со смешком намекнул Леонид.

Дед хмыкнул, сел на полок и стал ожесточенно хлестать себя веником по бокам. Намокшие волосы его потеряли свою пушистость и растеклись по голове рудыми подтеками, как будто на него сверху вылили красную краску. Все его тело было покрыто веснушками, отчего смотреть на него было весело.

– Прохор Дмитриевич, ну чего вы молчите? – пытался вызвать его на откровенный разговор Леонид.

– А чего говорить-то? Ты, я вижу, и сам можешь много рассказать. Ох мне эти охальники... – покачал головой дед, продолжая охаживать себя веником.

– Да неужели и вспомнить нечего? – не отставал от него Леонид.

– Почему... Вспомнить всегда есть чего... Много чего было за мою жисть... Да рассказывать-то не все можно, хотя развратничали мы меньше, чем сейчас...

– Вы еще и сейчас?! Ну вы даете – в вашем-то возрасте! – поразился Леонид. Он не сразу понял, что это дед, как все старики, начал рассуждать: «Вот, мол, в наше время...»

Но Охмнетыч тут же откликнулся на его вопрос, насмешливо посмотрел на Леонида и сказал:

– И-и-и, милай... Любви все возрасты покорны, слышал? А старые коты, чтоб ты знал, как соберутся вместе, кричат громче, чем молодые... Тут у меня сосед по огороду есть, мы с ним иногда в картишки перебрасываемся после пахоты, иной раз и другие мужики подтягиваются, так разговоры знаешь какие, у-у! Так вот, этому моему соседу лет так около семидесяти пяти, а все озабоченный!.. Об чем не скажет – все о бабах! Чувствуется – мужик наголодался. Ну мы ему не раз говорили: «Женись, Федотыч, что ты маешься?» Ну и сошелся он тут с одной наконец. Приходит, аж светится весь! Нас, конечно, любопытство разбирает – что это его так осчастливило? Мы же все примерно одного возраста, так сказать, способны разве что на воспоминания – у кого не сильный склероз... Свеженького вроде уже и быть-то не может... Ну мы его так сурьезно и спрашиваем: мол, что – оприходовал молодую? А он так же отвечает: «И не говорите – всю ночь сексом занимался!» Мы аж ошалели! «Это как же ты им занимался?» – спрашиваем. «Да, – говорит, – положил ей руку на живот – и всю ночь балдел!» Молодой-то тоже под семьдесят набежало... Вот такой разврат, Ярославич! – Дед рассмеялся, а потом добавил: – А вообще, я тебе скажу, мужик – он до старости мужик! Баба что? Ласку любит, доброту. Кто ж мне мешает ее приглубить? Опять же – руки на месте остались, губы – тоже, и хватит, и достаточно, ежели с умом подойти. А то что уже не можешь на нее свои килограммы завалить, значит, время такое пришло, а то завалишь, а снять и мочи не будет, так и помрешь на ней. Нехорошо!

– Во-во, – поддержал деда Леонид, – есть тут у меня один спец знакомый, я вас познакомлю, мужик – золото, так вот он как раз этими проблемами занимается, ну теми, кто от любви помирает.

– А чего ими заниматься? – удивился дед. – Тут уж плотник или столяр ими заниматься должен – обмерить, гроб хороший состругать.

– Да работа у него такая! – пожалел Леонид заочно Кузьму Григоровича.

Дед помолчал, лениво хлестнул себя еще раз по бокам веником и спросил:

– Слушай, Ярославич, Есения-то твоя, сдается мне, никакая тебе не племяшка? Больно ты в лице переменился, как узнал, что она уехала...

– Угадали, Прохор Дмитриевич, – вздохнул тот. – Да только она мне дороже, чем три племянницы вместе взятые.

– Да, девка хорошая... – задумчиво согласился дед. – И какие виды у тебя на нее?

– Женился бы, Прохор Дмитриевич! Только бы вернулась!
– А что у вас с ней вышло-то?
– Да ничего такого. Раненная она, вот в чем проблема!
– Куда?! – подскочил дед. – Я ничего не заметил.
– В душу она раненная, – пояснил Леонид.
– А-а, а я-то подумал. Ох мне... – облегченно вздохнул дед, но тут же добавил: – В душу – это беда... И чем ты ее ранил?

– Да не я, – сказал Леонид и неожиданно для себя выложил деду всю историю Есенин.

Тот слушал, открыв рот и сокрушенно покачивая головой, а услышав про ее рождение, всплеснул руками и крепко выругался, помянув ученых и их ближайших родственников по женской линии...

– Вот теперь и не знаю, как подступиться к ней, как помочь... – сетовал Леонид. – Была бы обыкновенная девчонка, а тут... Она себя считает кем-то вроде изгоя на земле, вроде как нерожденной, как бы нелюдь... Что делать, ума не приложу! Мы с ней на эту тему только в поезде и поговорили. Но она же ждет. А я к ней с обычным набором влюбленного подбираюсь... – обличал он себя.

– Ярославич, ну ты погоди, – остановил его дед. – Ну что ты такого особого сделал? Ну потискал ее маленько, так это полезно, у нас в деревне говорили, что девки от этого только соком больше наливаются. Если бы ей не пондравилось, она б злая пришла. А тут веселая прибежала, вся аж звенит! Вон Варфоломея Игнатъича чуть в грех не ввела, он уже готов был своей Мисюсе украшение на голову пристроить. Да не ревнуй ты, не ревнуй, давно заметил, какие ты взгляды на него кидаешь. Он хоть и мужеского полу, но безобидный. Не, Ярославич, думаю, что подождать тебе надо. Вернется она, должна вернуться! Мужик ты видный. – И он оценивающе посмотрел на Леонида.

Тот смущенно прикрылся веником:

– Прохор Дмитриевич, ну чего вы меня как племенного быка оглядываете!

В это время раздался стук в дверь, а потом послышался голос Раисы:

– Эй, мужчины, вы там себя до дыр не протерли? У меня уже все готово!

– Не гони лошадей, Раиса, дай мужикам от работы отойти! – закричал в ответ дед.

– Ну как знаете! – сердито отозвалась та. – Греть себе сами будете! Я тут не прислуга, да и дел у меня полно, так что я домой пошла.

Дед с досады сплюнул, промахнулся и попал себе на ногу, из-за чего еще больше расстроился.

– Вот заноза! И в кого характер такой? Мать ее, покойница, царствия небесного, хорошей женщиной была. Это все Ваня мой – после смерти жены совсем дочку избаловал, язычок-то ей вовремя не подровнял, а теперь уже поздно... – Дед махнул рукой.

– А что случилось с ее матерью? – осторожно спросил Леонид.

– Ох, Ярославич, и вспоминать-то тошно об этом! – Дед помолчал. – До сих пор не могу смириться я с ее смертью, а уж про Ваню и говорить нечего. Она ему такой женой была... Всем подходила, не только по хозяйственности. Ты же понял, что Ваня мой – мужик дородный, так жениться ему цельная проблема была: девки его габаритов боялись, да и не столько девки, как их мамы... Мы тут к одной присватывались, уже и в невестах-то засидевшейся, так и ее мать наотрез отказала. Как завела: «Задавит он нашу курочку...» Я тогда, помню, аж взбеленился – треснул кулаком по столу и как заорю: «Ну так и щупайте вашу курочку сами, пока перья от старости не вылезут!» – и ушел, хрястнув дверью. Соседка потом рассказывала, что у них там что-то даже обвалилось... Не прав был, конечно, да за сына обидно стало: парень спокойный, работающий, непьющий – чего еще желать! Ну вот, после этого случая мы решили на время отложить сватовство, все равно толку никакого. Но тут опять же случай помог, приехала сюда

к своим родственникам на Лиго² одна девушка, а Лиго тогда под строгим запретом был, да у нас здесь все равно собирались – мало ли кто к кому в гости зашел! Позвали и нас, мы хоть и не латыши, но отношения у нас с соседями хорошие были. Вот так и встретились мой Ваня и Марта. Он как увидел ее – так глаз с нее и не спускал весь вечер, да и она на него – нет-нет да и стрельнет своими серыми глазищами. Гости это заметили и сначала вроде посмеиваться начали, а потом, когда смекнули, что такие переглядки чем-то серьезным обернуться могут, вроде как притихли. И хозяева посмурнели, что-то тихо по-латышски сказали Марте, та как вспыхнет! И убежала. Дружбу-то народов у нас все восхвалять умеют, да вот как до дела доходит, тут сразу свое, племенное, вылезает! Я в Латвии остался после войны, служил здесь и язык их выучил, так что понял я, что они бедной девушке сказали... Ваня мой как туча грозовая стал – тоже понял. Вижу, не праздник у нас получается, а не пойми что. Подошел я тогда к хозяину и говорю ему:

«Йоганн, мы же с тобой столько лет бок о бок живем, не раз друг другу помогали, дети наши на глазах выросли – играли вместе, а теперь мой Ваня для тебя русским медведем стал? Да чем же они не пара, посмотри: где Марта еще такого мужа найдет? Он велик, так и она не маленькая, да ее стать только такой молодец удовлетворить и может. Уж она-то его роста не убоится!»

А Йоганн отвел глаза и отвечает:

«Рановато, сосед, о свадьбе говорить. Они первый раз друг друга видят. Марта одна осталась, отец ее недавно умер, так мы ей самые близкие. Да... И будем сами решать, что ей лучше».

Ушли мы тогда с сыном из этих гостей с тяжелым сердцем. А на другой день и Марта вдруг уехала. Что было с Ваней – передать не могу! Сгорбился, осунулся, есть перестал. Думаю, зачах бы, если бы через неделю не пришло ему от нее письмо. Я так и не узнал, что она ему написала, но только подхватился он, попросил у меня денег и уехал. Я его удерживать не стал.

А вернулись они через три недели, уже мужем и женой. Йоганн сначала раскипятился, прибежал к нам сюда, кричал Марте по-латышски, что он ее теперь знать не хочет и не пустит на порог своего дома. Марта слушала, слушала, а потом так спокойно ему по-русски и говорит:

«А я и не к вам приехала, дядя, а к мужу своему. И порог мне ваш не нужен, у меня теперь свой есть. И вообще, мне ничего от вас не нужно, я теперь замужем и зовут меня Несмеянова Марта Карловна – латышская медведица русского медведя!»

Сказала, развернулась и ушла в дом. Так и звали мы ее потом Медведушка, была она сильная, статная и красивая такой степенной красотой, от которой мужу сладостно, а другим – радостно. А когда родилась Раиска, так она с ней как настоящая медведица с медвежонком возилась. Раиска-то в детстве круглявой была, не то что сейчас – всю от ехидства иссушило. Ну вот... И жили-то они с Ваней душа в душу, сердце у меня успокоилось, нарадоваться на них не мог. Жена моя не дожила до тех светлых дней, у нее характер хоть и твердый был, да и она бы порадовалась. А может, она и радовалась, там, на небесах... – Дед поднял глаза к потолку и покачал головой. – А может, наоборот, хорошо, что не дожила, потому что потом... – Дед вздохнул, помолчал, пригорюнившись, и продолжил: – Так вот, прожили они вместе шесть лет, за эти годы никто от нее и слова плохого не слыхивал. Дом она вела чисто, рачительно. Еще и соседям помогала – жила у нас тут рядом старушка одна, дети уехали в город, да и забыли про мать. С дядькой своим она помирилась, часто ходила к ним – проведать, помочь. Йоганн вскорости и думать забыл, что накричал на нее тогда. Хозяйкой она была отменной, сад у нее был не

---

² Лиго – языческий праздник – Иванов день в Латвии, празднуется 24 июня. Название праздника связано с традицией в этот день петь песни, имевшие припев «лиго» (от *ligoties* – колыхаться), обращенные к солнцу, чтобы оно поднялось над нивами. Ритуальное угощение – сыр с тмином и ячменное пиво. На Лиго собирают травы и цветы, вяют венки из дубовых листьев и цветов, украшают полевыми цветами и растениями дворы, постройки и домашних животных, вечером жгут костры, через которые прыгают, гадают о свадьбе и поют особые песни «лиго». Танцы и песни «лиго» звучат в эту самую короткую ночь года до утра. В советские времена праздник был под запретом.

то что сейчас – причесывала его как дочку свою, только что ленточки не вплетала. Когда мы с сыном огород распахали на общем поле под картошку – она ту землю своими рученьками чуть ли не всю размяла да перетерла, картошка уродилась – все сбегались смотреть!.. Вот на том огороде все и случилось. Ваня с утра поехал в Ригу по делам, к обеду должен был вернуться. Марта по дому работу сделала, да ей же никогда спокойно не сиделось, вот она и говорит мне: «Не буду я, папа, ждать Ваню – пойду на огород, начну картошку копать. А вы с Раечкой побудьте. Ваня приедет, пусть поест и ко мне идет». И знаешь, Ярославич, я как чувствовал, что не надо ей было идти на этот треклятый огород, провались он пропадом! До смерти буду помнить, как поцеловала она тогда Раю, посадила ее мне на колени и пошла через сад своей степенной походкой. А потом так на ходу оглянулась, улыбнулась и рукой помахала... Раиса ей в ответ ручонками тоже замахала... Ей в ту пору только четвертый годок шел. Откуда ж нам было знать, что видим мы нашу Медведушку в последний раз... – Дед судорожно вздохнул и быстрым движением смахнул со щеки слезу. – А где-то через полчаса услышал я сначала один взрыв, а через какое-то время – второй, посильнее, аж земля всколыхнулась. У меня все внутри оборвалось, я как будто уже знал, что случилось... Схватил я Раиску на руки – и к соседке! Отдал ей внучку да на улицу выскочил. Смотрю – народ к полю бежит, никто ничего не знает, все кричат, спрашивают: «Что случилось?» К полю подбежали, видим: мальчишки бегут нам навстречу, тоже что-то кричат. А над полем, недалеко от нашего участка, вроде как дым застыл... Ноги у меня ватными стали, иду и не чувствую их. Люди кричат, обгоняют меня, спешат вперед. И тут слышу, что крики вроде стихать стали. Поднял я голову, смотрю – народ впереди столпился, молчит и на что-то на земле смотрит. И голос чей-то резанул криком и оборвался. Подошел ближе, все молча расступились и тут я увидел, что осталось от нашей Медведушки... Ой, не забыть мне этого вовеки, – застонал дед, обхватив голову руками. – Мальчишки, видишь ли, костерок на меже запалили – картошки напечь, обычное дело. Да они, паразиты, в этом костерке потом еще и гранату с миной решили испечь. Этого добра и сейчас хватает – только копни! Интересно им, видите ли, было, что получится. Попрытались они в канаве, что отделяет участки один от другого, и ждут. А в костре ничего не слышно. Тогда Янек, внук моего соседа через три дома, решил, что надо пойти – в костре пошурудить. Только он подошел, тут и рвануло в первый раз. Оглушенные пацаны с криками бросились бежать, а тот так и остался на земле – накрыло парня, всего осколками нашпиговало. Не знаю, зачем Марта побежала к костру, может, увидала лежащего Янека, может, поняла, что нет его среди убегающих ребят, но она оказалась рядом с ним как раз в тот момент, когда раздался второй взрыв, – откуда ей было знать, что в костре еще мина осталась. И не разорвалась же сразу, подлюга, будто поджидала! Марту изуродовало и кинуло на Янека, так мы их и нашли... Нет, не могу больше об этом! Пошли обмываться. – Дед сполз с полка и вышел из парилки.

Леонид полежал еще немного, приходя в себя после рассказа деда. Ему вспомнились похожие истории из его детства. Ленинградская земля до сих пор хранит в себе подобные смертоносные игрушки. Вон, когда стали активно разбивать на Синявинских болотах дачные участки, так тоже – чего только не находили! Бывало, и подрывались. А сколько всего еще в земле лежит, готовит чей-то смертный час...

Бедный дед... И что же с его Ваней было? Это же не представить себе, что человек испытал, когда вернулся домой и узнал, что нет больше его любимой, нет больше его родной, его единственной!.. Как после этого жить?! И тут Леонид на секунду словно увидел, как приходит он домой и видит лежащее на полу изуродованное тело Есении... и черный ужас захлестнул его невыносимым ощущением потери.

«Ой, не допусти, Господи...» – застонал он. И в этот миг щемящей боли он понял Ваню... и это понимание скрутило его и, охватив жгучим спазмом горло, вырвалось в потоке слез... Он плакал так, как никогда не плакал и как нельзя плакать мужчинам... Он сотряслся от

рыданий, оплакивая погибшую Марту, ее мужа и дочку, и деда, и всех, кто погиб, и тех, кто пережил их гибель...

Глава пятая

Притихшие, сидели они с дедом на крыльце и пили горячий чай. Дед время от времени обтирал пот со лба белым полотенцем, висящим у него на шее. Раиса все-таки дождалась их и накормила ужином, а потом принесла на крыльцо самовар. Она все поглядывала на них с недоумением, потом не выдержала и спросила:

– Вы чего такие? Словно и не из бани пришли, а с похорон!

Дед коротко взглянул на нее, вздохнул, а потом попросил:

– Спой нам, внученька. Так на душе погано! Спой мою любимую.

– Опять о маме и бабушке вспоминал? – тихо спросила Раиса. – Тебе же нельзя волноваться, что же ты с собой делаешь...

Дед махнул рукой и отвернулся. Раиса села рядом с ними на ступеньку и посадила на колени запросившегося к ней Варфоломея Игнатьича. Поглаживая его, Раиса запела. Ее высокий голос звучал нежно и протяжно. Мягко окая, Раиса пела одну из многочисленных вариаций на тему «русских страданий»:

За рекою мне соловушка поет,
Ко мне милый что-то нехотя идет.
Лучше вовсе ты ко мне не приходи –
Мое сердце понапрасну не буди.

Спелой вишней раскраснеется закат,
Я же вижу – встрече нашей ты не рад!
Лучше вовсе ты ко мне не приходи –
Мое сердце понапрасну не студи.³

Дед слушал, подперев голову рукой и закрыв глаза. Леонид посмотрел на Раису: худенькая женщина, брошенная мужем из-за ее плохого характера, вдруг исчезла, а на ее месте сидела совсем другая и пела о неутоленной любви...

Отзвучала и затихла песня... Дед, очнувшись, повернулся к Леониду и сказал:

– Поверишь, Ярославич, за голос все готов ей простить. А песню эту пели в нашей деревне – я родом-то из-под Костромы. Мы с Раисой ездили туда в гости лет десять назад, родни там хватает, вот она и переняла эту песню. Мне эта песня памятна еще и потому, что в молодости пела ее моя супружница, царствия ей небесного. Рае-то голос от нее достался.

– Дедуля, ты опять начинаешь! Давайте лучше вместе что-нибудь споем, а то что-то вы совсем приуныли.

И в сумрак вечеряющего сада понеслись песни, которые уже не одно десятилетие пелись за любым русским столом: «Ой, мороз, мороз!», «Рябинушка», «Катюша», «Степь да степь кругом», «Дорогой длиною», да разве их все перечислишь!

Шло время, а они все пели... Раиса, не переставая петь, включила над крыльцом лампу и несколько раз подливала им горячего чая. Дед вроде отошел от горестных воспоминаний и уже бодро подтягивал ей надтреснутым голосом.

Леонид расхрабрился и исполнил соло несколько украинских песен, которые любила его мама. Раиса тоненько подпевала ему там, где женский голос был отвечающим: «Я ж тэбэ, молодого, з ума з розума звэла!»

---

³ Песня Н. Лыняночки.

Неожиданно Варфоломей Игнатьич поднял голову. Мякнув, он соскочил с крыльца и побежал по тропинке в темноту. Все удивились и перестали петь.

– Ну и кто там к нам идет? – спросил, вставая, дед.

– Это мы, Прохор Дмитриевич, – раздался голос Есении, и она вышла на свет.

За ней шел, неся на животе огромный арбуз, Кузьма Григорович.

– А у вас тут весело! – как всегда, захохотал он. – Что ж ты, Лёня, пропал, на ужин не пришел? Я уж думал и вправду что случилось с Есенией, а она вот – цела-невредима, полчаса назад прикатила по земле вот этого красавца. – Кузьма Григорович похлопал арбуз по полосатому боку. – Тебя, между прочим, порадовать хотела...

– Ага, я как увидела его в куче на рынке у вокзала, так сразу и влюбилась! – явно про арбуз сказала Есения. – Заплатила, а когда поднимать стала, поняла: не под силу, пришлось бежать на вокзал – носильщика нанимать. Я его когда подвела к арбузу... нет, это надо было видеть... он посмотрел на меня как на ненормальную, да и в вагоне тоже уставились, когда мы его выгружали. Хорошо, мне со станции до санатория один парень его дотащил, а там мне уже самой пришлось его по земле катить.

Кузьма Григорович, отдуваясь, положил арбуз у крыльца:

– Фу, пуд целый, наверное...

– Почти – пятнадцать килограммов! – весело подтвердила Есения и посмотрела на Леонида.

А у того с момента ее появления, казалось, сердце застряло в горле, он молча смотрел на нее и не верил, что ему ее вернули. «Приеду в Питер, свечку Спасителю поставлю», – благодарно подумал он, вспомнив, что именно так говорила его бабушка, когда в ее жизни происходило что-то хорошее.

Охмнетич вскочил, засуетился, от его печали не осталось и следа. Раиса сбегала в дом и вынесла тарелки, а потом, взглянув на выющую вокруг лампы мошкар, сказала:

– Нет, лучше пойдемте уже внутрь, сядем по-людски.

Через полчаса все с мокрыми от арбузного сока щеками сидели, выпятив животы, и отдувались. На столе высилось блюдо с огромными арбузными корками, напоминающими ребра обглоданного зверя. Двигаться никому не хотелось...

Еще через полчаса Кузьма Григорович, поблагодарив за гостеприимство, встал, бережно пожал руку деда и вопросительно посмотрел на Леонида.

Дед моментально среагировал:

– Ярославич, проводи гостя и возвращайся, дело есть!

Есения вскочила:

– Я тоже пойду с вами.

Проводив Кузьму Григоровича почти до ворот санатория, Леонид с Есенией возвращались обратно. Есения молча шла рядом, иногда поднимая взгляд на Леонида, будто собиралась что-то сказать и не решалась. Споткнувшись обо что-то на дороге, она чуть не упала, Леонид поддержал ее под руку и уже не отпускал ее.

Вечер был дивный, яркая луна освещала землю не хуже фонарей у шоссе.

– Почему вы такой грустный? – неожиданно спросила Есения.

Леонид даже опешил: сама где-то пропадала целый день, а теперь еще и спрашивает, почему он такой грустный!

– Потому что ты уехала, – ответил он.

– Но я же вернулась, – тихо сказала она и остановилась.

Леонид тоже остановился.

Они смотрели друг на друга, ее рука подрагивала в его ладони. Вдруг она придвинулась к нему вплотную и, встав на цыпочки, поцеловала его куда-то в уголок рта, потом отпрыгнула и быстро пошла вперед.

Леонид догнал ее, обнял за плечи и сказал:

– Все, никуда тебя больше не отпускаю!

Она повернулась и, прильнув к нему, едва слышно прошептала в ответ:

– А я уже никуда от тебя не уеду.

«Тебя! Она сказала: тебя!» – возликовал Леонид.

Он подхватил Есению на руки и закружил ее быстро-быстро. Звезды с луной закружились вместе с ними. Есения засмеялась и обвила его шею руками. Но он тут же поспешно опустил ее на землю – его руки и поясница возмутились, напоминая, что сегодня он с ними обошелся безобразно, заставив пилить сумасшедшие дрова.

Обняв друг друга за талию, они не спеша направились к дому деда.

Есения, прижавшись к Леониду теплым плечом, сказала:

– Вы так хорошо пели там, на крылечке. Мы вас издалека слышали... – Помолчав, она продолжила: – Я тоже петь люблю, иногда даже сама песни под гитару сочиняю, но бог не дал мне голоса, чтобы эти песни хорошо петь. А в детстве я еще и слуха совсем не имела. Была у меня в четыре года любимая песня: «Три танкиста», ее-то я пела более или менее хорошо, но при этом умудрялась и все остальные песни петь на ее мотив. Мы тогда жили на канале Грибоедова, и наш сосед, парень лет пятнадцати, с хорошим голосом – он солировал в каком-то ансамбле, все время восхищался, слушая мое пение, и восклицал: «Я – почти профессионал – и то не сумею спеть "Катюшу" на мотив "Трех танкистов", а у нее с ходу получается!»

– Да, я тоже как-то с трудом представляю подобный шлягер, – улыбнулся Леонид.

– А это дело привычки, ничего сложного! Попробуй сам, увидишь, – засмеялась Есения. – Ну так вот, наш сосед даже ставил эксперименты, разучивая со мной слова разных песен, а потом слушал, как я из какого-нибудь романса делала строевую песню, и хохотал как безумный. Однажды он выдвинул теорию, из которой следовало, что медведь, наступивший мне на ухо, в этот момент, видимо, маршировал под «Трех танкистов», потому что это единственное, что я успела запомнить. В общем, подтрунивал надо мной всячески. В конце концов мои родители возмутились, заявив, что он надо мной издевается, и запретили нам общаться. Но это не мешало ему при встрече каждый раз меня спрашивать: «Ну, как там твой Винни поживает?» Это он так намекал на того медведя... Кстати, я подумала, не дать ли мне телеграмму своим, чтобы не волновались... – неожиданно сменила тему Есения и вопросительно посмотрела на Леонида.

Тот растерянно пожал плечами:

– Это ты сама должна решить, но думаю, что тебе действительно нужно дать о себе знать. Они, наверное, извелись там от тревоги после твоего исчезновения, – и, испугавшись, что Есения переведет разговор на свои беды, заторопил ее: – Ну-ну, и что дальше было с твоим пением?

– А что было... Я страшно злилась, мне очень хотелось научиться правильно петь. Мама отвела меня к своей приятельнице в музыкальную школу. Та, послушав мои бодрые взывы, уныло взглянула на нас и отрицательно покачала головой. Вот тогда я решила для себя окончательно – я должна научиться петь! С этого дня я часами слушала радио, гоняла пластинки и подпевала во все горло всем услышанным голосам подряд, не разбирая на женские и мужские. Мне казалось, что чем громче я пою, тем лучше – горло быстрее натренируется! Кончилось тем, что через неделю я совершенно охрипла, и мама меня лечила, отпаивая теплым молоком, которое я ненавижу. И все равно я победила! В четвертом классе я наконец правильно спела одну песню! Не догадаешься какую...

– Ну и какую? – с улыбкой спросил Леонид.

– «Варшавянку»...

– Да уж, какую угодно, мог ожидать, только не эту... – рассмеялся он. – Так ты у нас еще и революционерка!

– И еще какая! – усмехнулась Есения. – Как сейчас помню, это было на уроке пения. Мария Гавриловна, наша «певичка», меня уже на уроках и не вызывала, потому что ей потом было не унять разыгравшийся патриотизм хохочущих мальчишек. А тут я вызвалась сама, сказав, что хочу спеть. Мне тогда жутко нравилась «Варшавянка». Когда я ее в первый раз услышала, она поразила меня своей мощью и печалью. И вот я запела. Представь: класс, приготовившийся в очередной раз повеселиться, просто вздрогнул! А я пела и представляла себя Гаврошем, собирающим под градом пуль патроны для революционеров. «На бой кровавый, святой и правый!» – пела я, высоко подняв голову, а класс пораженно молчал. Это был мой звездный час...

– Представляю... – покачал головой Леонид с улыбкой.

– А когда я закончила, никто даже не шелохнулся... Мария Гавриловна, открыв журнал, вздохнула и тихо сказала: «Спасибо, Вербицкая, садись, пять». Я села на место, а двоечник Васка Дроздов с задней парты, наклонился ко мне и протянул: «Ну ты дае-е-шь, Верба!..» Это у меня прозвище такое было в школе, ничуть не обидное, по фамилии. Дома верить не хотели, что я смогла получить пятерку по пению. А когда я похвасталась соседу, к тому времени уже отслужившему в армии, он, ухмыльнувшись, заявил: «Видно, у твоего медведя не один марш в запасе был, а два!»

Леонид расхохотался: ну и язва был этот ее сосед!

– Ну вот, – продолжила Есения, – потом прошло несколько лет. Я, кажется, была уже в девятом классе, когда к нам приехал один мамин знакомый, который показал мне, как играть три аккорда на гитаре. С тех пор я стала тихонько подбирать и петь песни, а потом даже сочинять свои. И знаешь, что удивительно? Мой детский метод сработал: чем больше я пела, тем лучше у меня стало получаться, и через какое-то время и слух, и голос у меня более или менее развились. Теперь мои друзья даже не верят, что я когда-то была не способна ничего спеть, хотя я, конечно, и сейчас не особенно обольщаюсь на свой счет.

За разговором они не заметили, как дошли до дома деда Охмнетыча.

Он сидел на крыльце и, отгоняя мошкарку, поглаживал по боку неизменного Варфоломея Игнатьевича.

– О, вы уже! – воскликнул он, завидев их. – А я думал, вы еще погуляете, вечер-то какой романтический! Я, бывало, в такие вечера с какой-нибудь кралей под березой или ивушкой сидел, разговоры разговаривал...

Есения, смущенно взглянув на Леонида, улыбнулась.

– Да поздно уже, – сказала она.

– Тю, тебя что, кто-то домой загоняет? – удивился дед и добавил с уважением: – Видно, строгие у тебя родители, коли так воспитали.

Леонид напрягся: не надо бы сейчас вспоминать ее родителей...

– Может, действительно пойдем еще погуляем? – поспешно предложил он Есении.

– Я бы с удовольствием, – виновато сказала та, – но я так уходилась в Риге, что меня ноги не держат, давай завтра, а?

– Ну хорошо, – великодушно согласился Леонид, хотя в душе испытал некоторое разочарование. Ему не хотелось оставлять ее сейчас, особенно после томительного ожидания и безызначности, в которой он пребывал почти целый день.

Дед деликатно ушел в дом, чтобы не мешать им прощаться.

Есения стояла на ступеньке крыльца, отчего ее лицо было почти на уровне лица Леонида, и смотрела на него застенчиво, словно чего-то ждала. Он не стал ничего говорить, а только шагнул к ней и, крепко прижав ее к себе, поцеловал в губы. Утром они были солоноватыми

от морской воды, сейчас же у них был свежий и сладкий арбузный вкус. У него перед глазами вдруг возникла картина, как Есения аккуратно вгрызалась в сочную спелую арбузную мякоть, а по ее губам и подбородку стекал розовый сок, и его это вдруг бешено взволновало. Он, видимо, сделал ей больно, сильно впившись в ее губы, потому что Есения вдруг застонала и отстранилась.

– Не целуй меня так! – выдохнула она и, круто развернувшись, убежала в дом.

Леонид озадаченно посмотрел ей вслед и потрогал свои губы, хранящие ощущение прикосновения к ней. Сердце его бухало в груди, как кузнечный молот. Выровняв дыхание, он пошел к себе в санаторий, надеясь, что сможет со временем преодолеть застенчивость Есени и это позволит не ограничивать их общение одними лишь поцелуями.

Глава шестая

Зайдя на следующий день за Есенией, Леонид обнаружил ее уже сидящей на крыльце при полном параде. Она нервно теребила поясok своего платья.

Завидев его, она поднялась и пошла к нему навстречу.

– Леонид Ярославович... – сказала она, подойдя к нему, и тут же поправилась: – Леонид, я хочу вас попросить...

– Опять «вы»? – недовольно поморщился тот. – Мы же вчера вроде перешли на «ты»!

– Ну хорошо, хорошо, – покорно согласилась она. – Леонид, я хочу тебя попросить... Мы же с тобой договаривались, что ты не будешь на меня наседать, но ты...

– Разве ж я наседаю?! – воскликнул Леонид. – Я только поцеловал тебя и все!

Есения слегка покраснела и возразила:

– Возможно, для тебя это и «только», для меня же это много значит...

– Ты так говоришь, как будто раньше никогда не целовалась, – улыбнулся Леонид, подходя к ней вплотную. – Что тебя так беспокоит? Тебе было неприятно?

– Нет, что ты, наоборот! – поспешно возразила она и тут же залилась краской. – Но меня это ко многому обязывает... а я бы не хотела сейчас брать на себя обязательства и принимать какие-либо решения. Давай договоримся, что мы с тобой вместе отдыхаем, но в пределах определенных рамок... Иначе я буду вынуждена уехать, хотя мне этого, честное слово, совсем не хочется...

– Раз это так для тебя важно, – сказал Леонид, – то я готов сделать все, чтобы ты чувствовала себя в безопасности. Постараюсь держать себя в руках, хотя мне этого, честное слово, совсем не хочется...

Он вовсе был не намерен шутить, но, повторив слово в слово ее же слова и осознав это, рассмеялся и попросил Есению:

– Послушай, давай все упростим, а то я чувствую себя неловко. Я буду держать себя в руках, но прошу тебя – ты со своей стороны этого, пожалуйста, не делай! Как только ты почувствуешь, что хочешь, чтобы я тебя целовал, – так сразу и скажи мне! Пообещай мне это... или... – Леонид огляделся, – ...или я от отчаяния и безнадежности заберусь вон на то дерево и спрыгну оттуда вниз головой!

– Ох мне, какие страсти! – раздался вдруг насмешливый голос деда Охмнетыча, вышедшего из дома на крыльцо. – И кто это тебе, Ярославич, позволит у меня в саду смертоубийством заниматься! – И строго добавил: – Не наседай на девушку, а то придется тебя закопать живьем под тем же деревом без всяких прыжков.

– Прохор Дмитриевич, да вы что! – в шутку ужаснулась Есения, поворачиваясь к нему. – Это же слишком жестоко! Никак не ожидала от вас!

– Ну вот... – проворчал дед, скрывая улыбку. – Думал заступиться и тут же получил отповедь! Идите завтракать, у меня уже все готово.

– Нет, нет, спасибо, Прохор Дмитриевич, не беспокойтесь, – поспешно возразила Есения. – Мы позавтракаем в санатории.

– Ну смотрите. – Похоже, старик немного обиделся, потому что вернулся в дом, не дожидаясь, пока они уйдут.

Больше они с Есенией к разговору, прерванному Охмнетычем, не возвращались, но Леонид действительно изо всех сил пытался сдерживаться в проявлении своих чувств. Давалось ему это с большим трудом, поэтому он вынужден был наполнить их совместный отдых огромным количеством занятий. Они много купались, играли в волейбол, ездили в Ригу на экскурсии и концерты, то есть постоянно были на людях и в каких-то хлопотах, что несколько сни-

мало эротическое напряжение между ними. Но вечерами Леониду было по-прежнему очень тяжело провожать Есению до дома.

Теплые вечера действительно навевали романтическое настроение, и Леонид порой ловил себя на мысли, что невольно присматривается по пути к деревьям, выбирая то, под каким бы ему хотелось устроиться вместе с Есенией «разговоры разговаривать».

Есения, словно чувствуя, какие мысли его одолевают, слегка отстранялась, но Леонид мрачно притягивал ее за руку обратно.

Впрочем, его спасало еще и то, что они с ней постоянно о чем-нибудь беседовали. Леонид никогда не думал, что простое словесное общение может доставлять столько удовольствия. Он рассказывал Есении о себе, о своем детстве, о любимом Ленинграде. Она хоть и выросла в этом же городе, но многого о нем не знала и потому слушала внимательно. А Леониду это было очень приятно.

Однажды, гуляя по Риге, они набрали на маленькую православную церквушку, утопающую в зелени и обнесенную по кругу высокой оградой.

– Смотри, она мне чем-то напоминает одну необычную церковь у нас в Питере... – заметил Леонид. – Ты видела церковь «Кулич и Пасха» на проспекте Обуховской Обороны?

– Нет. А что в ней такого необычного? – спросила Есения, с интересом оглядываясь на церковь.

– Форма, – ответил Леонид. – Вот приедем домой, я тебя к ней обязательно свожу.

– Давай посидим здесь, тут так тихо, а то у меня ноги немного устали, – предложила Есения. – Расскажи мне о «Куличе и Пасхе».

Они присели на лавочку, скрывавшуюся в тени. Леонид взял ногу Есении и, не обращая внимания на ее протесты, снял туфельку и начал массировать ступню, одновременно рассказывая ей о церкви. Есения затихла, прислушиваясь и к своим ощущениям, и к его словам.

– Эта церковь связана с именами Екатерины Великой, князя Вяземского и архитектора Львова. Когда князя Вяземского назначили директором Императорского фарфорового завода, он свою резиденцию перенес в имение, находившееся недалеко от завода. В этом имении он устраивал балы и «маскерады», на которые стекалась вся петербургская знать. «За хорошее поведение и труды великие» Екатерина Вторая выписала князю Вяземскому немалую премию. На эти деньги он и построил домовый храм, повесив над входом мраморные доски со словами благодарности и восхваления своей благодетельнице. Архитектором храма был знаменитый Львов, который построил петербургский почтамт и вообще был энциклопедической личностью – и композитором, и поэтом, и геологом, и археологом, et cetera, et cetera. Кстати, этот же Львов нашел под Петербургом бурый уголь и настоятельно предлагал им отапливаться. Но министры, как водится, отклонили поданную об этом отечественную записку и закупили такой же уголь у иностранцев, кажется у англичан... Комментарии, как говорится, излишни... Что касается храма, то в то время Львов чрезвычайно увлекался пирамидами и всяческими ротондами, увиденными им в Риме, поэтому и своим храму с колокольной придавал вид ротонды и пирамиды. А русский народ сразу же узрел в них родное – кулич и пасху. Эта церковь действительно выделяется своей необычной формой, особенно сейчас – на фоне промышленного окружения. Представь себе среди зелени круглое, в форме кулича, белое здание церкви, рядом с которым в виде пасхи возносится в небо серебристая колокольная. Многие, кстати, путают и почему-то кулич называют пасхой, а пасха на самом деле это блюдо, приготавливаемое из творога и подаваемое к пасхальному столу в виде конусообразной горки.

Рассказывая, Леонид вспомнил, как его бабушка, жившая в деревне недалеко от Белой Церкви, учила его готовить вареную пасху. У нее была доставшаяся ей еще от матери, прабабки Леонида, деревянная форма, с которой она за долгие годы пользования отскребла изрядный слой. На форме были вырезаны фигурки голубков, крест и буквы «Х. В.», что означало «Христос воскрес». Бабушка сажала Лёню на лавку, ставила ему на колени кастрюлю с ситом, и

он принимался деревянной толкушкой протирать творог через сито. Работа была не из легких, потому что творога бралось много – не меньше двух килограммов, но Леонид, росший в семье, в которой почитались традиции, пытался и выполнял свое дело с удовольствием, осознавая всю важность поставленной перед ним задачи. Потом бабушка забирала у Лени протертый творог, добавляла в него четыре сырых яйца, пол-литра сливок, триста граммов сливочного масла и все это перемешивала с сахаром и солью по вкусу. Затем они с бабушкой опускали кастрюлю с этой массой в еще большую кастрюлю, наполненную водой, которую ставили на огонь. Лёня залезал на табурет и мешал содержимое деревянной ложкой, а бабушка одной рукой держала его, а другой – кастрюлю, чтобы он ее на себя не вывернул и сам не сверзился. Главное в этом процессе заключалось в том, чтобы масса начала загустевать, но ни в коем случае не закипала. Как загустеет, они убирали кастрюлю с огня, ставили ее в холодную воду, и Лёня уже самостоятельно продолжал мешать в одном направлении, пока творожок не остывал. Ну а дальше, как все остынет, он брал ложку и тщательно выкладывал творожную массу в форму. Бабушка выносила форму в погреб, клала на нее тяжелый камень вместо пресса и оставляла на день в холоде. Пасха получалась замечательная, на ее бело-желтых бочках проступали и целующиеся голубки, и крест с «Х. В.». Такая пасха хранилась дольше, чем обычная сырая. Правда, у них она и в сыром виде не успевала испортиться... Куличи у бабушки получались тоже замечательные, но в процессе их изготовления Леонид не участвовал, потому что бабушка пекла их рано-ранехонько. Он помнил только, как она его, сонного, обкладывала горячими, завернутыми в рушники куличами, чтобы они «доходили». Потом она покрывала их глазурью и посыпала цветным маком. Мальчиком Леонид обожал эту поджаристую веселую верхушку. Наверное, этими детскими воспоминаниями и объяснялось то, что он, уже взрослый, любил приходить к церкви «Кулич и Пасха».

– Ты так вкусно об этом рассказываешь, что у меня даже слюнки потекли, – сказала, улыбаясь, Есения и, услышав шум, оглянулась.

К воротам церкви подъезжал свадебный кортеж, впереди которого торжественно катила черная свадебная «Чайка».

– Ой, смотри, свадьба! – обрадовалась Есения. – А мы можем зайти посмотреть? Я никогда не была на венчании...

– Конечно, – сказал Леонид, надевая на ее ногу туфельку. – Пойдем!

Из машин высыпала толпа нарядных людей с букетами в руках, устремляясь в церковь за женихом и невестой.

Леонид с Есенией вошли внутрь вслед за гостями и встали недалеко от входа. Прохладный сумрак церкви таял в мерцающем свете свечей. Старушки в черных платочках деловито сновали вокруг, подготавливая народ к венчанию. Самому народу, чувствовалось, вся эта церемония была в новинку. Впрочем, это и неудивительно. После стольких лет нерелигиозного уклада жизни возврат к старым традициям, ставшим вдруг модными, часто приводил в церковь людей, совершенно от нее далеких. Вот и стояли они, озираясь, перешептываясь и не зная, как ступить, какой рукой, как и когда перекрестить лоб.

Мимо Леонида прошелестела юбкой одна из церковных старушек. Зыркнув из-под темного платка в сторону притихшей Есени, она буркнула:

– Хоть бы голову прикрыла, чай не в клуб пришла!

Есения вспыхнула и беспомощно посмотрела на Леонида. Но тот успокаивающе улыбнулся ей и шепнул:

– Не обращай внимания. У тебя очень красивые волосы, и ты, как чистая незамужняя девушка, имеешь право голову не покрывать.

– Что ж я ей паспорт должна показывать, что ли? – обиженно спросила Есения.

– Да Бог с ней! – махнул он рукой. – Смотри, уже начинают.

Обряд венчания Леонид считал одним из самых красивых и волнующих обрядов в православной церкви. Его мама тоже каждый раз умилялась и не могла удержаться, истекая слезами, пока жениха с невестой не выводили из храма. Она говорила, что ей в это время было так хорошо на душе: с одной стороны – радостно, а с другой – почему-то всех жалко. И вот пока она за всех не поплачет – не успокоится.

Леонид вспомнил, какие свадьбы после венчания в церкви закатывались на Украине... Гуляли все – от мала до велика! Бывало, только грянут цимбалы с дудками, как какой-нибудь захмелевший дед хватал медный таз, в котором, может, еще вчера мать невесты варила варенье, да и давай в него бухать деревянной ложкой (ну чем не бубен?) – и все вокруг пускались в пляс:

Гоп! Кума, не журыся,
Туды-сюды повернися!

А как все к этим свадьбам готовились! Задолго до срока! По домам ходили сваты и раздавали «шишки» – такие сдобные румяные булки, напоминающие сосновую шишку, – булка состояла из множества маленьких булочек. Вот такую булочку, размером с пряник, отламывал от «шишки» приглашенный на свадьбу и начинал к ней усердно готовиться. Свадьба на Украине – дело не только веселое и сытное, но и прибыльное, потому что хоть ты и несешь жениху с невестой свой подарок, но в ответ-то тоже получаешь гостинец – за то, что уважил, пришел порадоваться и выпить за молодых. Ну а выпить всегда было вдоволь! Леонид нигде больше не встречал таких чудовищных бутылей, как те, в которых держали горилку на Украине его детства. Его бабушка гнала горилку из угорок – слив-венгерок, а иногда из буряков – сахарной свеклы. И горилка у нее получалась отменная и без того тошнотворного запаха, который обычно присущ самогонке. Бабушка выкапывала спрятанный на огороде самогонный аппарат и поздно ночью начинала колдовать над ним. Это были единственные ночи, когда Леониду разрешалось не спать: во-первых, чтобы он своими недовольными воплями не будил соседских собак, во-вторых, чтобы он своими чуткими ушами слушал, не идет ли кто по их преступные души... В то время за самогонование преследовали покруче, чем сейчас, а милиция определяла дома, в которых варили самогонку, по дыму из трубы: раз ночью печку топят – ясно же, что не чай кипятят! И являлись с проверкой... Да и днем тоже приходили. Уж сколько лет прошло, а Леонид до сих пор помнит, как к нему, пятилетнему, пристал один молодой милиционер, обещая за показ, где «баба заховала змеевик», дать пять кило халвы, которую Леонид обожал. Лёня слюну сглотнул, но бабушку героически не выдал. Тогда милиционер, цепляясь уже к мелочам, схватил Лёню за руку и стал допытываться: «А може, у бабы е воронка?» Лёня тут же с радостью притащил ему большущую воронку, через которую бабушка наливала постное масло, и сунул ее ему в руки, щедро полив маслом милицейские портки. Матерился «милицай» мастерски... Короче говоря, хотя все боялись, но варить – варили, потому что в деревне без самогонки никак не обойтись, это была сверхконвертируемая валюта: что приобрести, или починить, или нанять огород вспахать – все за самогонку.

Лёня обожал эти «самогонные» ночи. Когда горилочка начинала потихоньку из краника капать в жерло торчащей из бутылки воронки, бабушка брала столовую ложку и, уперев одну руку в бок, другой подносила ложку ко рту и осторожно пробовала горячую жидкость, потом, крикнув, поджигала ее от горящей лучинки, и наблюдала, как самогонка горит красивым синеватым огоньком. Так горилка и получалась – чем лучше сама горит, тем сильнее горит потом от нее внутри у питейщика. Лёня, как истинный ученик бабушки, подлезал с маленькой ложечкой к кранику и ждал, тоже уперев одну руку в бок, пока та наполнится. Обычно до стадии пробы, не говоря уже о горении, он доходить не успевал: бабушка твердой рукой брала его ручонку и, разворачивая, выливали прозрачную водицу из ложечки в «жадное» горлышко воронки. Это тогда ему казалось, что оно жадное.

Когда он смотрел на бабушку в момент снятия пробы и слышал, как она крикает, ему казалось, что она пьет что-то очень-очень вкусное. К тому же он видел, как гости, маханув стопочку бабушкиной горилки, всегда ее хвалили. Естественно, ему и самому хотелось попробовать и по-бабушкиному крикнуть. И однажды он ухитрился!

В один прекрасный день бабушка, натопив печку и накормив внука, ушла по делам. Лёня остался один. Тикали ходики, поскрипывали полы, хотя по ним никто не ходил. Ему было скучно, и он решил зайти в свое любимое место, в камору – большую кладовую рядом с кухней, где хранились съестные припасы. Бабушкина камора ему нравилась потому, что с ней у него был связан образ сытости и достатка. Когда Леонид читал сказки, заканчивающиеся словами: «И стали они жить-поживать да добра наживать...» – он сразу вспоминал бабушкину камору.

Ему нравилось смотреть на полки, заставленные банками с вареньем, солеными огурцами и маринованными помидорами, на лежащие с осени большущие гарбузы-тыквы, на свисающие с потолка копченые колбасы и окорока – бабушка говорила, что их подвешивают, чтобы не достали мыши. Ему всегда было жалко бедных мышек, он представлял, как они, голодные, подпрыгивают-подпрыгивают, а дотянуться до еды не могут, и приносил им кусочек хлеба с маслом, который тайком клал в уголок. Хлеб обычно уже на следующий день исчезал, и Лёня ходил очень довольный, не зная, что бабушка, каждый раз выметая засохший хлеб из угла, ворчала, что внук приваживает мышей, а те пожрут муку и картошку. Но он об этом не подозревал и был спокоен за накормленных мышек.

И вот стоял он тогда на пороге своей любимой каморы и любовался. Света в ней, правда, не было, так что все находящееся внутри освещалось только через дверной проем. Пошевелившись, он заметил из угла какой-то блеск – это тускло отблеснула бутылка недавно сваренной горилки. Тут-то Леонид и пал...

Осознав, что час пробил и он может без помех испробовать недостижимого ранее напитка, он отправился за стопкой, стоящей у бабушки на полке на кухне. С бутылкой пришлось повозиться, пробка была тугая, из кукурузного початка, и он ее еле-еле вытащил ее зубами.

В нос дало так, что в голове сразу загудело! Но дело нужно было довести до конца. Осторожно наклонив бутылку, Лёня плеснул горилки в стопку и попытался засунуть пробку обратно в горлышко, но это уже было ему не по силам. Поэтому, просто поставив пробку сверху на горлышко, он поспешил на кухню, чтобы выпить как полагается – с закуской, то есть отрезал кусок хлеба и накрыл его шматком сала. Ощущение неуютности все-таки оставалось, – наверное, не просто так бабушка не давала ему испробовать горилки, но любопытство победило.

Усевшись за стол, он взял в одну руку наполненную стопку, в другую – хлеб с салом и, не раздумывая, вылил одним махом содержимое стопки в рот и сунул разом хлеб под нос, как это делали взрослые.

На какую-то долю секунды его охватило недоумение – он сидел, крепко стиснув зубы и не понимая, что с ним происходит, потом дикий спазм сжал его рот и горло. Он не мог ни вздохнуть, ни сглотнуть, ни выплюнуть... Сало прилипло где-то под носом. Во рту полыхало так, что ему казалось: если он его откроет, то из него вырвется пламя, как у Змея Горыныча, и бабушкин стол сгорит вместе со скатертью. В этот момент ему почему-то особенно жалко было скатерть. Когда он подрос и впервые услышал выражение «зелёный змий», он сразу понял, о чем идет речь...

Он еще сильнее сжал зубы. Наконец его сгоревший напрочь язык «пришел в себя», задержался-задержался, пытаясь через стиснутые зубы вытолкнуть «огненную воду» наружу. Почти задыхаясь, Лёня выплюнул обратно в стопку то, что так хотел выпить, но не смог. Теперь *это* выглядело не так красиво, как раньше.

Молча отложив хлеб и отлепив от носа кусок сала, Лёня полез на печку. Пережить разочарование было тяжело. Ощупывая опухшим языком покрывшееся пупырышками нёбо, он думал о несправедливости жизни. Ему припомнилось и то, что запах хлеба, например, вкуснее,

чем сам его вкус, и то, что крапива на вид красивее, чем на ощупь... В общем, жизнь представилась чередой обманов. К тому же, поскольку мозг ото рта никакой костью не отделяется, а горилку во рту он подержал изрядно, его, само собой, начало на теплой печке «развозить». И к бабушкиному возвращению на печке уже лежало, по ее словам, «мерзкое кошени засмоктанное»... Он этого уже не помнит, а она потом рассказывала, как он стонал и на все ее вопросы только причитал: «Ой, бабуся-бабусю! Ой, не пей же ты никола той горилки!»

Воспоминания Леонида прервались каким-то непонятным звуком. На фоне хора и голоса батюшки прозвучало что-то странное. Вот опять...

Он недоуменно посмотрел на Есению, которая тихонько постанывала, зажимая себе ладонью рот и показывая глазами на жениха и невесту.

Сначала он ничего не понял, но когда жених с невестой тронулись вслед за священником вокруг аналоя, сам едва удержался от хохота... Дело в том, что шаферы, то ли по недоумию, то ли по незнанию, решили не держать венцы над головами жениха и невесты, как принято, а надели их им на головы. В итоге картина получилась такая: невесте, у которой была пышная прическа, венец был мал и торчал на голове каким-то немыслимо кособоким сооружением. А жениху, наоборот, венец оказался велик и нахлобучился ему на голову по самый нос, задержавшись только на ушах, загнутые кончики которых торчали из-под края венца. Видеть, естественно, жених уже ничего не мог. Пока они стояли, вся дикость этого еще не бросалась в глаза, но когда они пошли!.. Невеста, боясь уронить венец, семенила мелкими осторожными шажками, как африканка с каледасом на голове, а ослепший жених шел с ней рядом, при этом венец на его голове раскачивался и бился то об его лоб, то об затылок – бум-бум-бум!..

Леонид не помнил, как они выскочили из церкви, но за оградой они еще минут десять корчились от смеха.

«Господи, прости нас, грешных, но это ж мы сами, человеки, устраиваем из святого обряда посмешище, – думал Леонид, пытаясь успокоиться. – Ведь для того же шаферам и дают держать венцы, чтобы венчающиеся не отвлекались!»

– Ой, мамочки! Я теперь не смогу венчаться, такое ведь не забудешь! – стонала Есения, держась за грудь.

– Когда будешь сама венчаться, тебе будет не до смеха, – утешил ее Леонид.

– Вот спасибо! – воскликнула Есения, перестав смеяться. – А что же я делать буду? Плакать, что ли?

– Может, и плакать, у каждого по-разному бывает... – улыбнулся он.

– Нет, на своей свадьбе я буду самая счастливая! – твердо сказала Есения. – И плакать ни за что не буду!

– Некоторые люди и от счастья плачут, – заметил он.

– Да ну! Мелодрама какая-то... – поморщилась Есения. – Ну, я готова, пойдем дальше?

И они пошли к вокзалу, чтобы поспеть в санаторий к ужину и посидеть на скамеечке у пляжа на вечерней зорьке.

Глава седьмая

Давно подмечено, что дни, проводимые в работе, тянутся как недели – медленно и томительно, зато дни отдыха летят с космической скоростью. Леонид даже не заметил, как пролетела первая неделя отпуска, а за ней вскачь промчались вторая и третья.

Дней за пять до отъезда они были с Есенией на органном концерте в Домском соборе. Выйдя после концерта на площадь перед собором, они увидели фотографа.

– Давай сфотографируемся на память, – предложил Леонид.

Есения почему-то замялась.

– Ты чего, не хочешь? – удивился он. – Выглядишь ты прекрасно, если тебя смущает прическа или еще что-то...

– Нет, меня смущает не это. Говорят, что фотографироваться вместе – плохая примета, вроде как к разлуке, – сказала она.

– Здра-а-сьте... – протянул Леонид. – А как же быть с семейными фотографиями? Люди всей семьей снимаются на память о каком-нибудь событии и не расходятся же потом, живут себе годами счастливо...

– Но мы-то с тобой не семья... – тихо заметила она.

– Это поправимо... – рассмеялся он и, не удержавшись, привлек ее к себе. – А ты бы вышла за меня замуж? – спросил он, глядя ей в глаза.

Есения сначала растерялась, а потом с полуулыбкой спросила:

– Ты шутишь?

– Да нет, зачем же! Я говорю совершенно серьезно, – возразил Леонид. – Я бы хотел, чтобы ты до нашего отъезда определилась с этим вопросом.

– Ага... «По какому вопросу плачете?..» – опустив голову, задумчиво произнесла Есения.

– Что-что? – не понял он.

– Это один из примеров канцеляризмов в обыденной речи, – пояснила она, насмешливо взглянув на него. – Значит, ты хочешь, чтобы я «определилась с этим вопросом»? А ты не мог бы сформулировать его более конкретно?

– Иронизируешь? – расстроился Леонид. – Тогда я не буду спрашивать, а просто скажу: я хочу, чтобы ты вышла за меня и стала моей женой, супругой, суженой и еще этой... второй половиной. Так лучше?

– Леонид, ну куда ты так торопишься? – тихо спросила она, не принимая его шутливый тон. – Мы же еще так мало знаем друг друга!

– Понимаешь, я почему-то очень боюсь тебя потерять, – честно признался он. – Поэтому и хочу привязать тебя к себе всеми возможными узами. Примерно вот так... – Он быстрым движением снял у нее с шеи шарфик и обмотал им их руки.

Есения рассмеялась, и в этот момент вдруг блеснула вспышка.

Опустив фотоаппарат, к ним виновато спешил фотограф.

– Извините, ребята, но вы так красиво смотрите вместе, что я не мог удержаться и сфотографировал вас. Приходите завтра сюда же вечером, я подарю вам вашу фотографию, – сказал он.

– А можно тогда сделать две? – спросила Есения, вздохнув – от судьбы, мол, не уйдешь: чему быть – того не миновать.

– Можно, будет вам две, приходите завтра, – ответил фотограф.

– Обязательно придем, – пообещал Леонид и, подхватив Есению под руку, побежал с ней к санаторскому автобусу, на котором их привезли на концерт. Водитель уже нетерпеливо сигнализировал, потирая лоб, задержавшихся отдыхающих.

Последние дни отпуска пролетели вообще мгновенно. Леонид очень привязался к старику Охмнетычу, к Дубультам, и было грустно, что нужно отсюда уезжать. Все хорошее всегда когда-то заканчивается... Единственное, что его утешало, так это то, что домой он ехал вместе с Есенией и у них с ней, наоборот, все еще только начиналось.

Их поезд уходил на следующий день вечером, и они решили оставшееся время провести на пляже, наслаждаясь последними часами ничегонеделания. Правда, Есения стала какой-то грустной и задумчивой. Леонид так и не решился за все эти три недели завести с ней разговор о ее рождении и родителях, а наоборот, пытался отвлечь ее от этой темы. Но сегодня, видимо, ему уже не удастся уйти от обсуждения. Есения была уже вся там, в Питере, вместе со своими проблемами. На его попытки развеселить ее она отвечала вяло и в конце концов сделала вид, что дремлет. Ему ничего не оставалось, как взяться за книжку, в которой он за время отпуска прочел лишь пять страниц.

Вечером, перед тем как идти на ужин, Есения вдруг решила, что все-таки нужно дать телеграмму родителям.

Собрав пляжные принадлежности и закинув их к Леониду в комнату, они направились к почте, которая находилась на окраине поселка.

На почте было безлюдно.

Скусающая над кроссвордом почтовая служащая оторвалась от своего занятия и подняла на них любопытный взгляд.

– Лабас динас, – приветствовала она их.

– Здравствуйте, – поздоровались они, а Леонид добавил: – Нам бы хотелось отправить телеграмму.

– Пожалуйста, нет никаких проблем, – улыбнулась женщина и протянула Есении бланк.

Сев за стол, Есения попросила у Леонида ручку и принялась заполнять бланк, вписывая свой домашний адрес.

– Смотри-ка, а номер вашей квартиры зеркален нашему: у нас – тринадцатый, а у вас – тридцать первый, – заметил Леонид, глядя ей через плечо.

– Ну и как тебе живется под таким номером? – поинтересовалась Есения, поднимая на него грустные глаза.

– Чудесно живется! – заверил ее он. – Думаю, и тебе тоже понравится...

Она быстро опустила взгляд и продолжила заполнять бланк телеграммы.

Леонид несколько раз после их разговора у Домского собора пытался вернуться к своему вопросу: выйдет ли она за него замуж, – но она всячески избегала обсуждения этой темы под предлогом, что ей нужно сначала вернуться домой и разобраться с родителями.

Отправив телеграмму, они вернулись в санаторий, поужинали, а потом решили в последний свой вечер в Юрмале погулять еще у моря.

Вечер был превосходный, солнце уже село, и лишь алевшая кромка неба подкрашивала волны, отражаясь в них розовыми бликами.

Они не спеша брели с Есенией под руку по песку, с удовольствием подставляя лица дувшему с моря свежему ветерку. Идиллию нарушали комары, шлейфом тянущиеся за ними.

У кромки леса на берегу стояли скамеечки.

По дороге лесной
Шел с красавицей милой,
И деревья вослед
Мне шептали: «Прощай!» –

вспомнились Леониду строчки неизвестного поэта.

Они присели на скамейку. Есения тут же принялась что-то чертить палочкой на песке. Да, завтра они едут домой, и там все будет по-другому... Возможно, сложнее, чем здесь. Ощущение перемен уже витало в воздухе.

Леонид, помня свое обещание, старался держать себя в руках, хотя ему это давалось все труднее.

Есения приподняла голову и долгим взглядом окинула Леонида. Он взял ее за руку, отобрал палочку и зашвырнул ее куда-то далеко за голову.

Он не пытался сам придвинуться к Есении и не притягивал ее, а просто сидел, держа ее за руку, и глухо наливался желанием и отчаянием. Видно, он сильно сжал ее пальцы, потому что она поморщилась и вдруг сама придвинулась к нему.

– Ты так мучаешься, неужели ты... тебя так сильно ко мне... тянет? – спросила она смущенно.

– Да, меня очень к тебе тянет, – честно признался Леонид, наклоняясь к ней и зарываясь лицом в ее волосы. – Скажу больше: я безумно хочу тебя...

Она вздохнула и прислонилась к нему, не поднимая головы. Он тихонько поцеловал ее в шею. Она вздрогнула. Прикосновение к ее коже словно током пронзило его губы, а руки отчетливо ощутили сквозь легкую ткань кофточки ее тело. Как в тумане, он начал осыпать поцелуями ее шею, плечи, волосы, не думая о последствиях и пытаясь добраться до губ, которые она все время от него прятала. В этот момент, проводя по ее спине рукой, он не почувствовал под тканью традиционной застёжки, и ему стало жарко, когда он понял, что это означает...

Быстрым движением усадив Есению к себе на колени, он прижался лицом к ее груди и, почувствовав уже знакомую упругость, почти обезумел, целуя ее прямо через ткань. Его губы мгновенно наткнулись на что-то еще более упругое – это потревоженный сосок с готовностью откликнулся на его ласку, приподнимаясь ему навстречу. Леонид крепко обхватил его губами и сжал.

Есения вздрогнула, тело ее напряглось, а руки судорожно прижали голову Леонида к груди.

«О боже, она не против!» – безумная надежда налила тело Леонида несгибаемой силой. Чуть не оборвав все пуговицы, он одним движением расстегнул ее кофточку, и освобожденная грудь скользнула по его губам. Не в силах больше сдерживаться, он припал к ней в страстном поцелуе.

Есения, запрокинув голову, прерывисто вздохнула и, выгнувшись ему навстречу, сильнее прижала к его губам нежную вершину своей упругой груди. Чем неистовее он ласкал ее, тем сильнее она прижимала его голову к себе.

Через несколько сумасшедших мгновений он почувствовал, как шевельнулись и ожили ее бедра, инстинктивно ищущие более тесного контакта с ним. Едва сдержав стон, он скользнул рукой вверх по внутренней стороне ее бедра. Но тут ее тело среагировало совсем не так, как он ожидал: Есения резко вскочила с его колен, чуть не вывернув ему руку, и молча кинулась от него прочь.

Оторопев на секунду от неожиданности, Леонид рванулся за ней следом.

Несколько раз он догонял ее, но она вырывалась с каким-то обреченным упорством. Ее обнаженная грудь, невысказанно красивая, вздымалась не то от страха, не то от бега.

Есения мчалась по берегу у самой кромки воды и вдруг, споткнувшись обо что-то, упала в воду.

Здесь он ее и настиг.

Барахтаясь на мелководье, он обхватил Есению за талию и, удерживая ее на месте, пытался успокоить:

– Да что с тобой?! Если не хочешь – я не буду принуждать тебя! Ты чего испугалась? Или... у тебя этого никогда не было?

И уже предчувствуя ее ответ, но еще боясь его спугнуть, он начал таять от счастья и нежности к этой девочке...

Едва слышно она выдохнула:

– Да...

Он прижал всю мокрую и дрожащую Есению к себе, покрывая ее лицо поцелуями, и шепотом поклялся ей на ухо:

– Я никогда не возьму тебя силой, любовь моя, и никогда не сделаю тебе больно!

Есению била дрожь.

– Дуреха, ты же вся вымокла, еще не хватало, чтобы ты простудилась! – сказал он, обхватив ее плечи и стараясь согреть своим телом.

Никакой речи о том, чтобы она шла в таком виде к Охмнетычу, не могло и быть. Они выбрались из воды и побежали вдоль берега к санаторию.

Все уже спали. Леонид тихонько открыл окно, оставленное незапертым днем, и помог Есении вскарабкаться на подоконник.

Быстро стащив с себя мокрую одежду, Леонид остался в одних плавках и повернулся к Есении. Она стояла у окна не двигаясь и только подрагивала от озноба.

– Есения, тебе нужно раздеться, ты простудишься, – сказал Леонид и начал снимать с нее мокрые кофточку и юбку, складывая их на журнальный столик.

Когда на Есении остались лишь кружевные трусики, он нерешительно остановился. Свет луны, пробивающийся сквозь ветви деревьев в комнату, окутал серебристым сиянием тело девушки.

Накинув на Есению большое пушистое полотенце, Леонид коснулся края ее трусиков и предложил:

– Сними и это и ложись под одеяло – тебе нужно согреться. Я тебя не трону... Если хочешь, я даже могу поспать в кресле.

Последнее предложение было большой жертвой с его стороны, к тому же он всегда был согласен с северной традицией, считающей, что лучшим средством при переохлаждении является не одеяло, а «грелка во все тело».

Есения молча сняла трусики и положила их на горку мокрой одежды.

У Леонида побежали мурашки по телу. Он старался не смотреть на Есению, хотя это было очень нелегко.

«Да, усну я сегодня, пожалуй!» – усмехнулся он про себя, ощущая недвусмысленную реакцию своего тела.

Есения подошла к нему вплотную и тихо сказала:

– Ты тоже можешь простыть. Ложись со мной, я больше не боюсь... И это сними, – она легонько коснулась краешка его плавков.

– Ложись, я сейчас, – прерывающимся голосом ответил Леонид и, схватив полотенце и халат, пулей выскочил в коридор.

Переведя за дверью дух и стараясь тише шлепать босыми ногами, он пробрался в ванную комнату.

Сев на краешек ванны, он уставился на свои подрагивающие руки. Потом перевел взгляд на свои плавки – в их мокрой неволе томился готовый к восстанию узник... Пожалев его, он стянул влажные, холодные и прилипающие к телу плавки и, не рискуя в эдакой тишине включать душ, пустил в ванну из крана тихую струйку горячей воды.

Машинально намыливая свое тело и ополаскивая его теплой водой, он пытался оттянуть момент принятия решения. Одно дело – предаваться страстным поцелуям на берегу моря, другое – лечь с Есенией в постель, чувствовать ее тело рядом и, зная о ее невинности, бояться собственной несдержанности...

Когда через десять минут Леонид смывал мыло с в сотый раз намыленного тела, уже начавшего поскрипывать под руками, он понял, что дальше тянуть нельзя.

Выбравшись из ванны, он насухо вытерся, накинул халат и вернулся на цыпочках в комнату.

Было тихо. Если Есения и не спала, то лежала молча.

Леонид подошел к кровати, постоял, потом быстрым движением скинув халат, отогнул край одеяла и скользнул под него.

Через несколько долгих секунд Есения повернула к нему лицо и остановила на нем свой характерный долгий взгляд.

– О чем ты думаешь? – спросил Леонид, приподнявшись на локте.

– О нас, о том, что я сегодня стану женщиной и, возможно, зачну, как положено, ребенка, который будет расти во мне – там, где предназначено природой, – и родится, как все нормальные дети...

– О господи, Есения! – простонал он, откидываясь обратно на подушку. – С такими мыслями ты никогда не станешь женщиной...

– Почему?

– Да потому, что они не хуже ледяного душа остужают... Ты не можешь хотя бы сейчас не думать об этом? Посмотри на себя – ты же совершенно нормальный человек, и какая разница, как тебя зачали!

– В том-то и дело, что меня не зачинали, а...

– А отпочковали, – закончил он за нее. – Ну и что? Значит, ты родилась, как настоящая таукитянка.

– Кто-кто? – переспросила Есения.

– Дед Пихто! – передразнил Леонид и слегка куснул ее за плечо. – Песня об этом у Высоцкого есть.

– Ты чего кусаешься? – Она со смехом отпихнула его и села на кровати, натянув одеяло себе до подбородка.

– А ты думала, я тебя просто в постель затащил? Вот и нет! Моя мания в другом – вот покусаю тебя сейчас немножко, а потом вообще съем... – пошутил Леонид.

– Насчет того, чтобы съест, – это очень на тебя похоже, – насмешливо заметила Есения, вернувшись к своему обычному подтрунивающему тону. – Помнишь, как в том мультике: «Обожрся и помру молодой». Так это про тебя...

– Про меня, про меня, – согласился он и обнял ее.

Есения слегка напряглась, но потом, вздохнув, опять легла рядом и, прижавшись к нему, затихла, уткнувшись носом в его шею. Ее подрагивающие ресницы слегка щекотали кожу.

– Жабы поют... – вдруг тихо сказала она.

– Где, какие жабы? – удивился Леонид, прислушиваясь.

И действительно, в тишине откуда-то издалека доносился характерный многоголосый жабий хор.

– Наверное, в каком-нибудь пруду собрались на концерт и заливаются... – предположила Есения.

«Замечательно страстная ночь у нас! То проблемы зачатия обсуждаем, то жаб...» – подумал Леонид и, не выдержав, хмыкнул.

– Ты чего? – подняла голову Есения.

– Ничего... Можно я тебя поцелую?

– Не знаю, наверное, можно...

Но он, не дослушав, уже завладел ее губами, которые на этот раз охотно встретили его и были теплыми и податливыми.

– Что это? – прервав поцелуй и, отодвигаясь от него, спросила Есения, пытаясь понять, что же это так сильно прижимается к ее боку...

– Я тебе сейчас объясню, – несколько севшим голосом пообещал он и, почувствовав, что на этот раз его уже не остановят, снова приник к ее губам...

Утро он встретил совершенно счастливым и уставшим самой замечательной усталостью в мире. Есения, свернувшись клубочком, сладко посапывала у него под боком.

«Родная моя!.. – думал он, прижимая ее к себе и глядя на ее нежное лицо с залегшими под ресницами тенями. – Господи, за что мне такое счастье! Спасибо Тебе...»

Глава восьмая

Поезд прибыл на Варшавский вокзал Ленинграда без опоздания.

Протолкавшись через узкий коридор, Леонид с Есенией вышли вслед за другими пассажирами из вагона.

– Странно, – сказала Есения, растерянно оглядывая людей на перроне. – Мы же дали телеграмму моим родителям, почему они меня не встречают? Может, подождем чуть-чуть?

– Конечно подождем, только чего здесь стоять, пойдем к вокзалу, они же все равно с той стороны подойдут, если опаздывают, – предложил Леонид.

Взяв вещи, они пошли по перрону. Мимо них спешили люди, отовсюду слышались радостные оклики встречающих.

Есения напряженно всматривалась в лица идущих навстречу людей, но ее родителей среди них не было.

Подойдя к началу перрона, они остановились.

– Ну, что будем делать? – спросил Леонид.

– Давай подождем минут пять; если они не появятся, я пойду позвоню, – ответила Есения, расстроенно посмотрев на него. – Наверное, они на меня очень рассердились.

– А чего ждать? Давай я им позвоню, а ты стой здесь, чтобы вам не разминуться, если они все-таки придут, – предложил он.

– Хорошо, – согласилась Есения и, нацарапав на листочке бумаги два телефонных номера – домашний и рабочий, отдала ему. – Вот, спросишь Виктора Ивановича Вербицкого... или Веру Евгеньевну, это моя... мама.

– Понял. Я мигом, ты не волнуйся, – постарался успокоить ее Леонид.

Она грустно кивнула.

Разыскав работающий телефон-автомат, Леонид набрал сначала рабочий номер отца Есении – был вторник, будний день, – но ему никто не ответил.

«Странно, там что, никого нет рядом? – удивился Леонид, вслушиваясь в длинные гудки. – Хотя, возможно, у ее отца отдельный кабинет».

Постучав по рычагу, он набрал домашний номер. Результат был тот же: никого нет дома... Может быть, они выехали сюда и опаздывают? Для верности он еще раз набрал рабочий номер, но там было по-прежнему глухо.

Тогда он позвонил к себе домой и доложил обрадовавшейся маме, что он уже на вокзале и будет дома, как только разберется с Есенией. Она тут же заинтересовалась, о ком это он говорит, но он пообещал ей все подробно рассказать по приезду, заочно чмокнул в щеку и повесил трубку.

Вернувшись к Есении, с волнением ожидавшей его, он покачал головой:

– Ни там, ни там не отвечают. У тебя есть ключи от дома?

– Конечно, – ответила она.

– Боюсь, что тогда нам придется самим добираться к тебе, – сказал Леонид. – А может, ты к нам поедешь, я тебя с мамой познакомлю? Я ей о тебе уже сказал.

– Нет-нет, я поеду домой, нужно как-то ситуацию разрешить, потом уже... – покачала головой Есения.

– Ну хорошо, но я тебя провожу, ты не возражаешь?

– Не возражаю, – грустно улыбнулась она. – Тем более что ехать нам недалеко, на Васильевский остров.

– Я помню, ты же писала адрес на телеграмме. Поехали?

– Поехали, только знаешь что... – Есения замаялась, – подожди меня еще немного, мне нужно зайти... в одно место.

Он деликатно улыбнулся, сообразив, что она имеет в виду.

– Ну, пойдем, поищем тебе «комнату милосердия».

Подхватив вещи, они направились к залу ожидания, но в этот момент к ним подскочил водитель-частник с предложением подвезти «куда надо».

– Есения, ты иди, я тебя догоню, – сказал Леонид и, повернувшись к водителю, назвал адрес.

В ответ тот заломил такую цену, за которую можно было доехать до Выборга. Объяснив, что он местный, к тому же бухгалтер и хорошо знает расценки, Леонид послал зарвавшегося водителя гораздо дальше, чем тот собирался их везти, и поспешил за Есенией, которую успел потерять из виду.

В зале ожидания ее не оказалось.

Спросив киоскершу «Союзпечати», где здесь женский туалет, Леонид отправился по ее подсказке в дальний угол зала и сел так, чтобы увидеть Есению, когда она будет выходить.

Через десять минут он уже начал недоумевать, почему ее так долго нет. Очередь у них там, что ли, или у Есении какие-нибудь проблемы?

Через полчаса Леонид начал нервничать. Подойдя к двери в туалет, он попытался заглянуть внутрь помещения поверх головы очередной посетительницы, вызвав у той брезгливо-негодующий взгляд.

Ему пришлось поспешно ретироваться, чтобы его не приняли за какого-нибудь извращенца.

Постояв несколько минут в ожидании, он заметил, как к туалету направляется толстая, расфуфыренная дамочка в ярко-красном примодненном платье, и решительно направился к ней. Та испуганно остановилась, уставившись на него маленькими круглыми глазками.

Изобразив на лице обольстительную улыбку, Леонид обратился к дамочке:

– Прошу прощения, мадам, вы не можете мне? Моя жена пошла в туалет и вот уже полчаса не выходит. Посмотрите, пожалуйста, не случилось ли с ней чего-нибудь плохого? Ее зовут Есения. А то мне самому туда нельзя...

– А, хорошо, хорошо, посмотрю, – согласилась та с явным облегчением и, заулыбавшись ему в ответ, поспешила скрыться за дверью.

Минут через пять она вышла и сказала:

– Нет там никакой Есении.

– Как нет? – опешил он.

– Так и нет, не смыло же ее в унитаз... – усмехнулась дамочка, поводя плечами, отчего ее грудь, затянутая в тиски явно маленького бюстгальтера, вспучилась над декольте, как убегающее тесто, грозя вывалиться наружу.

– А тут другого туалета нет, может, она в другой пошла? – спросил Леонид, вконец растерявшись.

– Послушайте, молодой человек, у меня нет ни желания, ни времени выяснять, в какой туалет пошла ваша жена. Так что извините и дайте пройти, – поджав накрашенные губы, процедила мадам и гордо понесла мимо него свое удовлетворенное тело.

Леонид побежал обратно к киоскерше, но та сказала, что ближайший туалет есть только на Балтийском вокзале.

«Есения, куда же ты подевалась, не могли же мы с тобой разминуться?» – недоумевал Леонид.

Выйдя на улицу, он огляделся. Пассажиры уже разъехались, на перроне перед вокзалом народу было мало. Одни частники-извозчики кучковались сбоку у стоянки машин.

Он задумчиво направился к ним.

– Что, сбежала твоя краля? – раздался вдруг за его спиной насмешливый голос.

Леонид повернулся. Сзади, улыбаясь, стоял давешний бомбила.

– А вы что, ее видели? – спросил Леонид.

– Видел, девка она у тебя приметная. Буквально через несколько минут после того, как мы с тобой расстались, – он насмешливо осклабился, – она вышла из зала с каким-то высоким мужиком, села в «Волгу» с государственными номерами и... фьють.

– Это отец, наверное, за ней приехал, – предположил Леонид и удивился: – Что же она вещи-то у меня не забрала?

– Да не похоже, чтобы отец, – хохотнул водила. – Скорее, любовник: молодой, высокий.

– В морду хочешь? – моментально взъярился Леонид.

– Ну ты, полегче! – тут же в ответ окрысился водила. – А то я тебе тоже монтировкой харю-то отрихтовать могу. Рогац хренов... – И презрительно сплюнув ему под ноги, он отошел к настороженно наблюдавшим за ними другим водителям.

С трудом удержавшись, чтобы не броситься за ним, Леонид раздраженно глянул на часы и вконец разозлился: проторчал, как дурак, в ожидании Есении почти час, а она уже, поди, давно дома.

Нащупав в кармане монетку, он направился к телефонному автомату. Набрав домашний номер Есении, он напряженно прислушался. Там долго не отвечали, потом кто-то снял трубку.

– Есения, – закричал Леонид. – Что же ты уехала, ничего мне не сказав?

В ответ раздались щелчок и зуммер отбоя.

«Вот так так, ничего не понимаю! – растерялся Леонид. – Почему она бросила трубку? А может, это была не она? Нужно еще раз позвонить».

Порывшись в карманах, он попытался нащупать двухкопеечную монету, но мелочи больше не оказалось.

Решив, что позвонит из дома, он пошел к метро на Балтийский вокзал.

Дома его встретила мама, отпросившаяся в этот день с работы. Судя по запаху, витавшему в квартире, на столе его ожидали любимые пирожки с мясом, но аппетита на этот раз у него не было никакого. Мама даже всполошилась, не заболел ли он, глядя, как Леонид без обычного энтузиазма садится за стол.

Торопливо выпив кружку чая с шестью пирожками, он засобирався.

– Ты куда, сынок? – спросила мама.

– Мне нужно кое-куда заехать, вещи отдать, – сказал он, кивнув на сумку Есении.

– Да чего такая спешка? – удивилась мама. – Завтра нельзя, что ли? Ты же только с дороги, отдохни.

– Не устал я, вернусь, расскажу все, – пообещал Леонид и, схватив сумку Есении, направился к двери, но, вспомнив о рабочем телефоне отца Есении, решил уточнить организацию.

Набрав справочную службу «09», он назвал дежурной номер телефона и попросил ее посмотреть, какой организации принадлежит этот номер и где она находится. Та переключила его на платную справку, где ему ответили, что такого номера в их базе данных нет, но похоже, что это где-то на Васильевском острове, точнее они сказать не могут, и утешили тем, что «зато вам не нужно оплачивать эту справку». Слабо утешившись этим обстоятельством, он, совершенно озадаченный, покинул свой дом.

Доехав до станции «Василеостровская», Леонид вышел из метро и решил еще раз позвонить Есении. На этот раз трубку вообще никто не снял, и он пошел пешком к ее дому, подумав, что, может быть, у них там что-нибудь случилось с телефоном.

Пройдя по Среднему проспекту до 1-й линии, Леонид перешел дорогу и, углубившись в проходные дворы, добрался наконец до дома Есении, который стоял на углу набережной Макарова прямо напротив Академии тыла и транспорта. Увидев его, он опешил – вид у дома был явно не жилой. В некоторых окнах зияли провалы разбитых стекол, вокруг стояла техника и сустились рабочие, а до второго этажа были установлены строительные леса.

Судя по номеру, квартира Есении должна была находиться на третьем этаже. Он, задрав голову, посмотрел на темные окна и направился к подъезду.

Дорогу ему преградил выходящий из подъезда рабочий:

– Куда вы? Сюда нельзя!

– Тут у меня знакомые живут, – ответил Леонид и попытался его обойти, но тот снова заступил ему путь:

– Никто тут уже не живет, дом отправлен на капитальный ремонт.

– Когда? – попытался уточнить Леонид.

– Да уж неделю тут ковыряемся...

– А жильцов куда переселили? – спросил Леонид, впадая в отчаяние, потому что начал понимать, что они с Есенией уже не просто разминулись, а растерялись.

– Слушайте, не знаю, спросите в ЖЭКе, – нетерпеливо сказал рабочий.

– Спасибо за совет, – поблагодарил Леонид, решив больше не испытывать его терпение.

Перейдя дорогу, он медленно побрел по бульвару в сторону университета. Вдруг какой-то неприятный холодок прокатился у него между лопаток, как будто кто-то смотрел в спину.

Он обернулся, но ничего подозрительного не заметил, только в машине, припаркованной у обочины на набережной Макарова, кто-то изнутри закрывал темное тонированное стекло, одновременно трогаясь с места.

«Наверное, показалось», – подумал Леонид и пошел дальше, хотя неприятное ощущение в спине еще какое-то время сохранялось.

Выйдя на Менделеевскую линию, он пошел вдоль здания Двенадцати коллегий, как вдруг, бросив взгляд на другую сторону улицы, он увидел комплекс Института акушерства и гинекологии, в просторечье называемого «Институтом Отто», и его осенило: «Да ведь здесь же, наверное, работают родители Есении! Она говорила, что они врачи-гинекологи и работают недалеко от дома. Может быть, Есения сейчас у них? Она, похоже, ничего не знала об отправке их дома на капремонт, иначе сказала бы мне».

Ободренный этой догадкой, Леонид быстро перебежал по газону на другую сторону улицы, честно выполнив просьбу озеленителей: «По газонам *не ходить* », и, открыв тяжелую старую дверь, ворвался в холл института.

Сидящая на вахте пожилая женщина в белом халате, испуганно посмотрела на него, но тут же, вспомнив о своих обязанностях, грозно поднялась со своего места:

– Вы куда, мужчина?

– Лично к вам, Мария Ивановна! – выпалил Леонид, поднимаясь по ступеням к ней.

– Не Мария Ивановна, а Мария Петровна, – недовольно поправила та. – А в чем дело?

– Извините, Мария Петровна, за оговорку. Меня направили к вам, сказав, что вы очень душевный человек, всех здесь знаете и обязательно поможете мне в моих поисках.

Вахтерша, усевшись на место, недоверчиво посмотрела на него, а потом спросила:

– А в чем дело?

Леонид в двух словах объяснил ей, что здесь работает отец его подруги и что, скорее всего, разминувшись с Леонидом на вокзале, она поехала сюда и он хотел бы найти ее, чтобы отдать ей сумку, которую она забыла забрать. Высоко подняв в руке, Леонид продемонстрировал ей спортивную сумку Есении.

– Может быть, вы позвоните ее отцу? Его зовут Вербицкий Виктор Иванович. Вот его телефон... – попросил Леонид.

Взяв у него бумажку с телефонами, вахтерша посмотрела на нее, потом, поелозив пальцем по институтской телефонной распечатке, озабоченно произнесла:

– Странно, телефон вроде похож на наш, цифры рядом, но именно такого номера у меня нет. Вербицкий, говорите? Что-то не помню я такого врача... Ну, давайте, позвоним.

Набрав номер, вахтерша поднесла трубку к уху и, чуть приподняв белую шапочку, прислушалась. Потом, покачав головой, положила трубку на рычаг:

– Не отвечает.

– Может быть, у кого-то можно узнать, вдруг он на каком-нибудь совещании или... как это... консилиуме? – спросил Леонид, умоляюще взглянув на Марию Петровну.

Та недовольно посмотрела на него, потом, смягчившись, махнула рукой и опять взялась за телефон.

Набрав какой-то номер, она сказала:

– Алё, Светлана Фёдоровна, здравствуйте, это Мария Петровна с вахты. Вы не подскажете, тут одного нашего работника разыскивают, Вербицкий его фамилия... Где он у нас работает?.. Да очень нужно, ага, я подожду... – Прикрыв рукой трубку, она прошептала Леониду: – Сейчас в кадрах посмотрят...

Он приложил руку к сердцу и благодарно поклонился Марии Петровне. Она отмахнулась: мол, не стоит благодарности.

– Да-да-да, – сказала она, когда в трубке послышался чей-то голос. – Ясно, спасибо, Светлана Фёдоровна... Ой, здравствуйте, Иван Антонович. Что? А, понятно-понятно, извините.

Положив трубку, она сердито посмотрела на Леонида:

– Никакой Вербицкий тут не работает и никогда не работал! А из-за тебя меня обругали, сказали, что мы вообще не имеем права давать такие справки.

– Но ведь телефон?.. – робко напомнил Леонид.

– Я ж тебе сказала, что у меня такой номер не значится; может, папаша твоей подружки просто где-то поблизости работает. Все, давай иди, ищи в другом месте, а то мне попадет. Позвони в справочное.

– Да звонил я, – обреченно махнув рукой, сказал Леонид. – Спасибо и на этом, Мария Петровна, до свидания.

Выйдя на улицу, он остановился в нерешительности: что же теперь делать? Единственный путь найти Есению – разыскать ее родителей. А для этого нужно выяснить, где они работают. Или, может, действительно, для начала попробовать обратиться в ЖЭК, там ведь должны знать, куда переселили жильцов ремонтируемого дома.

«А вдруг Есения мне уже позвонила, а я здесь околачиваюсь?» – всполошился он и затопил к метро, по пути высматривая телефонные автоматы. Как назло, во всех встретившихся ему будках были либо неисправны аппараты, либо отсутствовала трубка, вырванная с корнем какими-то фанатами – последнее время их излюбленным занятием стало крушить светофоры и телефонные будки.

Добежав до метро, он набрал свой домашний номер, но мать сказала, что ему никто не звонил.

– Мама, я скоро буду, если меня будет спрашивать девушка, запиши, куда мне ей перезвонить, – попросил Леонид.

– Запишу-запишу, не волнуйся, – заверила его мать.

Он спустился в метро, утешая себя тем, что Есения обязательно позвонит ему и все будет хорошо.

Приехав домой, он остаток дня и весь вечер ждал звонка Есении, которого так и не последовало. Мать кругами ходила вокруг него, пытаясь расспросить об отдыхе. Занятый своими мыслями, он отвечал ей невпопад.

– Лёнька! – рассердилась наконец мать. – Да что случилось-то? Ты чего сидишь как в воду опущенный?

– Мама, понимаешь, я познакомился с замечательной девушкой, а она пропала, мы с ней разминулись на вокзале.

И Леонид объяснил ситуацию внимательно слушавшей его матери.

– Наверное, родители не приехали ее встречать, потому что просто не знали о ее приезде, – предположил он в конце. – Видишь, дом-то их поставили на капремонт, и телеграмму они, скорее всего, не получили.

– А кто же тогда ее встретил? – перебила его мать. – Откуда тот человек узнал, что она приезжает этим поездом? – И она осторожно предположила: – Может, она тебя... ввела в заблуждение?

– Мама, да ты что! Мы же с ней собирались пожениться, – воскликнул Леонид и, увидев вытянувшееся лицо матери, принялся поспешно объяснять: – Я хотел тебя с ней сегодня познакомить и все рассказать, но видишь, как все получилось... Ну мама... Она бы тебе очень понравилась... Ты же сама хотела, чтобы я женился!

– Хотела и хочу, просто ты это так неожиданно сказал, – ответила мать и отвела в сторону подозрительно заблестевшие глаза.

– Мама, только не плачь! – бросился он к ней.

– Ничего, ничего, сынку, это я так, зараз пройдет, – сказала та, вытирая глаза уголком фартука. – Так куда же твоя дивчина сгинула, а?

– Ой, не знаю, мама, я даже не видел, кто ее встречал и как ее увозили, и не понимаю, почему она уехала, ничего мне не сказав... И даже сумку свою у меня оставила! А про капремонт их дома, мне кажется, она и сама ничего не знала, иначе зачем просила позвонить ей домой? Мне сказали, что работы по ремонту начались только неделю назад, значит, уже после ее отъезда, ее ведь в городе не было три недели. Хотя тоже странно, почему такая спешка, обычно за две недели не переселяют, их должны были предупредить заранее...

– Ну не похитили же ее! Кому нужна простая девушка? – попыталась успокоить Леонида мать.

И тут он похолодел: простая-то она простая, да не совсем... А что, если отъезд Есении вызвал переполох не только в ее семье? Она же секретные фотографии с собой увезла... Да и сама была, если верить ее словам, отнюдь не обычным человеком...

Он бросил взгляд на ее сумку. У Есении была еще одна, которую она носила через плечо, с ней она и ушла. Интересно, фотографии из отчета у нее с собой или здесь?

Он подошел к сумке и, присев на корточки, осторожно пощупал ее мягкие бока. Открывать ее он счел неприличным.

В сумке вроде бы лежали только мягкие вещи, никаких папок в ней не прощупывалось.

– Сынок, ты чего? – спросила мать, удивленно наблюдавшая за его действиями.

– Мама, у нее было кое-что, что могли искать, да и саму ее искать могли, – задумчиво сказал он и замолчал.

– Ну вот что, сынок, а ну рассказывай мне все с самого начала! – решительно сказала мать. – А то вдруг ты попал в какую-нибудь историю...

– погоди, мама, – судорожно соображая, остановил ее Леонид.

«Конечно же! Это наверняка была милиция! – осенило его. – Родители после ее исчезновения обязательно бы всполошились и заявили в милицию. Ее должны были искать, ведь почти месяц прошел, как она для них пропала. И почти могли проверить, вот и узнали, что она приезжает. Надо идти в милицию, если это они за ней приезжали, то знают, где она сейчас».

Схватив абонентский справочник, он нашел телефоны отделений милиции Василеостровского района. Не зная, в чьем ведомстве находится дом Есении, он решил позвонить на удачу в шестнадцатое отделение.

– Шестнадцатое отделение, дежурный Комаров слушает, – ответил ему приятный баритон.

– Добрый вечер, товарищ Комаров, вы не подскажете, дом номер десять по набережной Макарова относится к вашему отделению или нет?

– Какой дом, десятый? – уточнил дежурный.

– Да-да, десятый...

– Да, это наш дом, а что случилось?

– Я разыскиваю девушку, которая жила в этом доме. Мы сегодня с ней приехали из Юрмалы и разминулись на вокзале. Я хотел бы узнать, не у вас ли она сейчас?

Дежурный удивился:

– А почему она должна быть у нас?

– Понимаете, – Леонид замялся, – она три недели назад уехала из дома, никому не сказав куда, и я подумал, что ее родители могли обратиться к вам. Сегодня ее кто-то встретил на вокзале и увез на машине с государственными номерами. Вот я и подумал, что она может быть у вас.

– Нет, никаких девушек мы сегодня не задерживали... – сказал дежурный. – Как ее фамилия?

– Вербицкая Есения Викторовна.

– Нет, – после паузы сказал дежурный, – в нашей книге происшествий такая не проходит.

– А что же делать? Дом ее отправили на капитальный ремонт. Как мне ее теперь разыскать? Вдруг с ней что-нибудь случилось! – Допустив подобную возможность, Леонид почувствовал, что ему становится нехорошо.

– Для начала – успокойтесь! – сказал дежурный, услышав, как у Леонида дрогнул голос. – Может, она скоро появится, такое часто бывает... Звонят, прибегают: «Пропал человек!» – а он потом объявляется – пил где-то три дня с друзьями.

– С какими друзьями?! – возмутился Леонид. – Вы что, не понимаете, что я вам говорю – ее кто-то увез с вокзала, она даже вещи у меня не успела забрать!

– Так, ну вот что, такие дела по телефону не решаются! – В голосе дежурного появились металлические нотки. – Приезжайте завтра утром в отделение, расскажете все обстоятельно, мы разберемся.

– Хорошо, – согласился Леонид. – Скажите адрес.

Дежурный продиктовал ему адрес отделения и, порекомендовав не дергаться раньше времени, положил трубку.

Легко сказать: «не дергаться»... Да для него сейчас не было ничего хуже ожидания! И вообще, Леонид никогда не отличался терпением. Кстати, работать он тоже любил быстро, за это его и ценил управляющий, хотя в плохом настроении мог на него и «полкана спустить».

Перед сном Леонид попробовал отвлечься, достал недочитанную в отпуске книжку, но тут из нее выпала фотография, на которой они с Есенией снялись на площади у Домского собора, где он в первый раз сделал ей предложение, связав их руки ее шарфиком.

Увидев их счастливые смеющиеся лица, Леонид почувствовал, как болезненно дернулось и защемило сердце.

«Я не могу, не хочу ее терять!» – в очередной раз подумал он, твердо решив утром отправиться в милицию и сделать все, чтобы разыскать Есению.

Глава девятая

Ночь Леонид провел ужасно, провертевшись без сна почти до рассвета. Перед глазами все время стояло расстроенное лицо Есении и ее удаляющаяся фигурка, когда она уходила от него на вокзале.

Утром мать едва растолкала его.

– Вставай, сынок, ты же хотел ехать в милицию.

– Да-да, – поднял тяжелую голову от подушки Леонид. – Сейчас встаю.

– Ну ладно, я пошла на работу, завтрак на столе, поешь перед уходом.

– Хорошо, мама, не беспокойся.

С трудом поднявшись с постели, он пошел в ванную принимать холодный душ – горячую воду традиционно отключили из-за летней профилактики котельной.

В десять часов утра он уже стоял у шестнадцатого отделения милиции на набережной Лейтенанта Шмидта с сумкой Есении в руках.

Открыв дверь, он вошел внутрь и оказался перед застекленной стойкой, за которой сидел крупный милиционер с большими пшеничными усами и ежиком коротко стриженных волос. Подняв на Леонида голубые глаза, милиционер кратко спросил:

– Проблемы?

– Так точно! – почему-то вытянувшись перед ним по стойке смирно, ответил тот. – Нужна помощь.

– Рассказывайте, – предложил милиционер и откинулся на спинку стула, внимательно оглядывая Леонида.

– Пропала девушка, – начал Леонид и быстро ввел его в курс дела.

– А кто вы ей будете? – выслушав его, спросил дежурный.

– Пока никто, – честно признался Леонид, – но надеялся в ближайшем времени стать ее мужем. И меня очень беспокоит, куда она пропала и не случилось ли с ней беды.

– А вы уверены, что она пропала, а не просто...

– Боюсь, что да, – перебил его Леонид, догадываясь, что тот хочет сказать. – Видите ли, некоторые детали наводят меня на мысль...

– Так, ну про мысли и детали лучше рассказать оперуполномоченному, идите по коридору до конца, последний кабинет направо.

– Спасибо, – поблагодарил его Леонид. – А кого там спросить?

– Капитана Копылова.

Пройдя указанным маршрутом до нужной двери, Леонид постучал.

– Заходите! – пригласил чей-то сиплый голос.

Леонид вошел в тесный кабинет, где вплотную друг к другу стояли два стола, несгораемый сейф и четыре стула, на двух из которых сидели сотрудники милиции – один молодой, другой постарше.

Закрывая за собой дверь, Леонид поздоровался и вздрогнул, услышав в ответ оглушительный чих.

– Будьте здоровы! – сказал Леонид, взглянув на старшего сотрудника, который утирался большим носовым платком.

– Да не мне желай, а ему, – указав на своего соседа, проворчал тот.

Заметив покрасневшие слезящиеся глаза молодого сотрудника, Леонид понял, что чихнул и правда он – вид у него был очень простуженный.

– Всю физиономию мне обчихал, – продолжал ворчать старший сотрудник, складывая платок и убирая его в карман. – Шел бы ты домой, Миша, а то и я из-за тебя в соплях ходить буду.

– У меня обычная простуда, Василий Петрович, это незаразно, – попробовал оправдаться тот, прикрывая рот рукой.

– Слушаем вас, – обратился к Леониду тот, кого Михаил назвал Василием Петровичем.

– Вы капитан Копылов?

Тот утвердительно кивнул.

– Тогда я к вам.

– Садитесь, – пригласил он, указывая на стул, и окинул Леонида цепким взглядом.

Присев, Леонид нерешительно посмотрел на капитана, не зная, с чего начать.

– Ну, я вас слушаю, – поторопил его Копылов.

– Апчхи! – прокатился на весь кабинет чих Михаила, который тут же виновато зажал рот рукой.

Копылов недовольно покосился в его сторону.

– Понимаете, товарищ капитан, я очень беспокоюсь за одного человека, Вербицкую Есению Викторовну, проживающую в вашем районе на набережной Макарова, в доме номер десять, – сказал Леонид и повторил ему то, что уже рассказал дежурному.

Капитан слушал его, не перебивая, подперев подбородок рукой, и слегка поморщился, когда Леонид признался, что разыскивает Есению, потому что очень любит ее и не мыслит без нее своей жизни.

– И вот представляете, мне говорят, что видели, как ее с вокзала кто-то увез на машине с государственными номерами, – рассказывал Леонид. – Я сначала подумал, что это ее встречал кто-то из подчиненных ее отца, но позже предположил, что ее могли увезти ваши ребята. Короче говоря, не дозвонившись до Есении, я решил поехать к ней домой, чтобы передать ей сумку. Приезжаю, а ее дом пошел на капитальный ремонт, всех жильцов выселили, а куда – неизвестно. На работу ее отцу звонил – никто трубку не берет; где он работает, выяснить тоже не удалось – в «09» его номер не числится. Как мне теперь ее разыскать – не представляю!

– Ну и что вы от нас хотите? – неожиданно спросил его капитан.

– Как что? – удивился Леонид. – Чтобы вы нашли ее.

– Ага, – сказал Копылов, – чтобы нашли, значит, – и замолчал, глядя на него испытующим взглядом.

Леонид тоже уставился на него, недоумевая по поводу его странной реакции.

А тот, поглядывая на Леонида, потянулся к телефону, набрал номер и сказал в трубку:

– Коля, глянь-ка, есть у нас что-нибудь по Вербицкой Есении Викторовне?

Выслушав ответ, он положил трубку и, оценивающе разглядывая Леонида, спросил:

– Ну а если ты, мил человек, гонишь мне тут про вашу любовь и свадьбу-женитьбу? А может, девушка от тебя попросту сбежала? Может, ты ее домогаешься или что-нибудь плохое против нее замыслил... Я тебе ее найду, а ты ее потом грохнешь...

– Что?! – оторопел Леонид и, буквально потеряв дар речи, уставился на него.

– Ну или еще проще, может, у вас это был просто курортный роман... Кончился отпуск, кончилась и любовь... – В тоне капитана проскользнула ирония, но лицо его осталось серьезным. – А ты знаешь, что я тебе никаких справок давать не должен и даже заявление от тебя не приму? Ты, как я понял, ей не родственник и даже не близкий знакомый, вот если бы ее родители обратились к нам – другое дело...

Леонид молчал, лихорадочно подыскивая аргументы, способные убедить капитана, что он должен поверить ему и помочь.

– Я говорю вам правду, – не найдя ничего лучшего, сказал Леонид.

– Апчхи! – раздалось со стороны Михаила.

– Вот видите, Василий Петрович, и Михаил считает, что я говорю правду, – пошутил Леонид.

– Мишка, черт, брысь из кабинета! – рассердился капитан.

Михаил, прикрывая рот рукой, еще раз чихнул и опрометью выскочил за дверь, не дожидаясь повторения приказа.

– Василий Петрович, – обратился Леонид к капитану, когда за Михаилом закрылась дверь. – Я понимаю ваши правила, но прошу вас: поймите и вы меня – я волнуюсь. Очень волнуюсь! Есения весьма ранимая девушка, к тому же за ней стоит какая-то непонятная история. Она и из дома сбежала, пребывая в растрепанных чувствах... Я должен ее найти и поддержать – у нее сейчас очень тяжелый период. Не принимайте у меня заявления, не говорите мне, где она находится, только найдите и убедитесь, что с ней все в порядке. И если будет возможность, пожалуйста, передайте, что я очень жду ее звонка, вот мой номер телефона, и еще отдайте ей, пожалуйста, ее сумку.

– Вот что парень, тут тебе не брачная контора и не бюро добрых услуг «Невские зори». – Капитан сложил руки на груди и, глядя на Леонида с усмешкой, принялся раскачиваться на стуле. – У нас куча дел и посерьезнее, чем ваши растрепанные чувства...

– Но послушайте! – в отчаянии воскликнул Леонид. – Вам ведь так легко узнать по своим каналам, куда переселили жильцов этого дома, и убедиться, что с Есенией и ее семьей все в порядке! Я не могу поверить, что она бросила меня, выбрав такой странный способ, не верю, что она притворялась там, на вокзале! Если с ней все хорошо, она обязательно позвонит мне. Но даже если вы правы и она решила со мной больше не встречаться, мне будет легче смириться с этим, зная, что с ней ничего плохого не случилось. Ну пожалуйста, товарищ капитан, Василий Петрович, будьте человеком, вы же наверняка тоже любили и знаете, каково это, когда переживаешь за дорогую тебе женщину.

– Слушай, хорош, не дави мне на психику! – поморщился капитан. – Устроил мне тут Ромео и Джульетту!..

Он помотал головой, сердито перекладывая какие-то бумажки на столе, потом раздраженно толкнул Леониду чистый лист бумаги:

– Ладно, напиши мне ее имя и адрес, возраст, приметы, в общем, все, что знаешь о ней... Попробую помочь тебе, но официального дела я заводить не буду. Если найду твою деваху, выставишь мне бутылку коньяка.

– Само собой! Десять выставлю, только найдите ее! – обрадовался Леонид, быстро записывая данные Есении и ее родителей.

– Сказал – бутылку, значит – бутылку! У меня печень больная, я много не пью, – урезонил его капитан. – Кстати, у тебя нет ее фотографии?

– Как же, есть! Правда, одна... – ответил Леонид и вытащил из нагрудного кармана их с Есенией фотографию. – Только не потеряйте ее, пожалуйста, она у меня единственная.

Взяв фотографию в руки, капитан с любопытством взглянул на нее и сказал:

– Красивая девушка! – и, положив фотографию в папку, пообещал: – Не волнуйся, не потеряю.

– Спасибо! – искренне поблагодарил его Леонид.

– Пока не за что, оставь мне свой телефон, – сказал капитан.

Записав свой номер телефона, Леонид протянул ему лист и спросил:

– А что делать с сумкой Есении?

– Забери с собой, найду девушку – сам отдашь, – ответил капитан, вставая. – Ну все, бывай, а то у меня дел невпроворот!

– Спасибо и до свидания. – Леонид протянул ему руку на прощание.

Капитан ответил ему крепким рукопожатием и ободряюще хлопнул по плечу.

Из отделения Леонид вышел в приподнятом настроении. Капитан оказался мировым мужиком. Леонид теперь был уверен, что скоро увидит Есению и все его нынешние волнения рассеются как дым.

Направившись к метро, он принялся насвистывать, помахивая сумкой Есении. Погода была хорошая, светило солнышко, краснолапые голуби сновали по тротуару, подбирая хлебные крошки, высыпанные из пакетика заботливой старушкой, которая гуляла по набережной Лейтенанта Шмидта с маленькой и такой же старой, как и она, болонкой.

Какое-то движение привлекло внимание Леонида. На другой стороне улицы медленно отъезжала машина, показавшаяся ему смутно знакомой. Сначала он не мог сообразить, почему она ему кажется знакомой, и только, когда машина уже завернула за угол, он вспомнил, что такую же черную «Волгу» с тонированными стеклами видел вчера напротив дома Есении...

Ощувив, как по спине моментально пробежал холодок, он отругал себя: «Ну, Леонид Ярославович, так ты скоро манию преследования заработаешь!...»

Вернувшись домой, Леонид поел и завалился на диван с книжкой. Ему опять оставалось только ждать, но теперь он это переносил гораздо спокойнее. От отпуска у него оставалось еще четыре дня.

На следующий день он спокойно занимался домашними делами, не подозревая, что маховик обстоятельств, разлучивший его с Есенией, начал раскручиваться далее, вовлекая в вызванный им водоворот не только его, но и капитана Копылова.

***

Рано утром капитан Копылов, явившись на работу, открыл папку и, наткнувшись на листок с данными по Вербицкой Есении Викторовне, решил не откладывать дело в долгий ящик и для начала подтвердить адрес ее прописки. Нужно было позвонить в ЦАБ⁴, потом выяснить, куда переселили семью пропавшей девушки, если она действительно жила в доме, поставленном на капитальный ремонт.

Узнав у дежурного пароль на тот день, капитан набрал цабовский номер и представился:

– «Привет из Перми». Капитан Копылов, шестнадцатое отделение милиции.

– Слушаю вас, – нетерпеливо откликнулся на том конце провода девичий голос.

– Меня интересуют адресные сведения на Вербицкую Есению Викторовну, примерно тысяча девятьсот шестьдесят третьего, шестьдесят четвертого года рождения, уроженку Ленинграда... – заторопился Копылов.

– Не так быстро, – сухо остановила его оператор. – Я вам не машина.

Копылов еще раз, уже помедленнее, повторил сведения и попытался подлизаться к нелюбезному оператору:

– Посмотри, голуба, с меня шоколадка за усердие.

– Все вы так говорите, да не все довозите! – фыркнула девушка и добавила, смягчаясь: – Ладно, подождите...

– Спасибо, красавица, – поблагодарил ее капитан.

– Не за что, – ответила она и вдруг кокетливо поинтересовалась: – А откуда вы знаете, что я красавица?

– По голосу чувствую, – ответил Копылов.

– Ну надо же! – уже смеясь, воскликнула девушка. – Да вы просто ясновидящий! Ладно, повисите на телефоне, я пойду посмотрю в картотеке.

Вернувшись через минуту, она вдруг произнесла прежним официальным тоном:

– Товарищ Копылов, дайте мне ваш телефон.

Копылов продиктовал ей номер своего телефона и очень удивился, услышав: «Вам перезвонят» – с тут же последовавшими за этим короткими гудками. Ему и в голову прийти не могло, что оператор ЦАБа вместо карточки на Вербицкую Есению Викторовну обнаружила

---

⁴ ЦАБ – Центральное адресное бюро.

в картотеке запись о том, что «информация о данном адресате закрыта. Обо всех интересующихся сообщать по телефону №...».

Положив трубку, Копылов посидел несколько минут в ожидании, гадая, что все это значит, а потом, отодвинув телефон, развернулся на стуле, достал из сейфа папку с делом, над которым работал уже две недели, и, раскрыв его на середине, принялся читать.

Когда через десять минут на столе громко затрезвонил телефон, он вздрогнул от неожиданности и поспешно снял трубку:

– Капитан Копылов, слушаю...

– Капитан, это вы интересовались Вербицкой? – раздался в трубке незнакомый мужской голос.

– Да, я, – подтвердил Копылов. – Я хотел...

– Зачем она вам? – перебив его, требовательно спросил голос.

Копылов опешил:

– А с кем, простите, имею честь?

– Майор госбезопасности Круглов, – нетерпеливо представился голос. – Ну так я повторяю вопрос: зачем вам гражданка Вербицкая?

– Ее разыскивают, – нехотя и уже чувствуя неладное, ответил Копылов.

– Кто разыскивает? – спросил гэбэшник и взорвался: – Б...дь! Что я из тебя клещами тянуть должен?! Отвечай на поставленный вопрос!

Копылов сжал зубы: «Говнюк, явно молодой, а туда же – строить меня пытается!» – и, не сдержавшись, рявкнул в ответ:

– А ты не ори, я постарше тебя буду, хоть ты и майор!

На том конце провода повисло возмущенное молчание. Капитан не стал дожидаться, когда оно взорвется потоком мата, и уже спокойно объяснил:

– Обратился тут ко мне вчера один гражданин, сказал, что приехал вместе с Вербицкой в город, а на вокзале они друг друга потеряли. Он беспокоится – подозревает, что с ней что-то случилось. Ее, похоже, кто-то с вокзала увез.

– А ты его самого-то проверил, кто он, чем занимается? – опять перебил его гэбэшник таким тоном, словно разговаривал не с опытным оперативником, а с зеленым курсантом.

«Учить меня вздумал!» – разозлился Копылов и коротко ответил:

– Пока не счел необходимым... – и, сделав паузу, пояснил: – Заявление я у него не принял, но сигнал решил проверить... сам... Дом, адрес которого Вербицкая дала парню, пошел на капремонт. По его словам, она этого не знала. Вот я и решил проверить, проживала ли такая вообще по этому адресу, не напарила ли она парня. А если проживала, то хотел найти ее и убедиться, что с ней все нормально, с людьми всякое случается...

– Заботливый, мать твою, тебе что, делать не хер? – выругался гэбэшник. – И когда ты ему ответ давать собрался?

– Да вот, как выяснил бы, где она и что с ней, так бы и позвонил. Зачем человека заставлять лишний раз переживать, жизнь и без того не подарок...

– Ну вот что, – оборвал его гэбэшник, – слушай меня внимательно: с этой девочкой не все так просто, и я тебе не советую даже пытаться влезать в это дело. Хочешь спать спокойно – лучше вообще забудь о ней, понял?

– Я-то понял, да вот парень звонить будет, он-то вряд ли о ней забудет. У них там, похоже, к свадьбе дело шло, – возразил Копылов и твердо добавил: – Он ее точно искать будет. Девушка она очень симпатичная.

– А ты откуда знаешь? – настороженно спросил гэбэшник.

– Парень оставил мне ее фотографию, – ответил Копылов.

Снова выругавшись, что Копылова уже начало порядком раздражать, гэбэшник помолчал, а потом сказал:

– Значит, делаем так: через три дня позвонишь этому кадру и вызовешь его к себе к пятнадцати часам. Это будет пятница. Я подъеду к тебе минут за десять до него. Представишь меня как сотрудника девятого отдела УУР⁵, а дальше будешь сидеть молча. Я сам с ним поговорю. А фотографию девицы я у тебя изыму. Понял?

– Чего уж тут непонятного, – мрачно ответил Копылов, ощущая себя предателем по отношению к Леониду. – Мне перезвонить?

– Не надо, я буду точен, – хмыкнул гэбэшник. – Главное, чтобы ты обеспечил явку этого «следопыта». Но если что, то я сам тебе перезвоню. И помни, что я тебе сказал... Сделашь лишнее телодвижение, двигать будет нечем, верь моему слову. – И он повесил трубку.

– Черт! – грохнул кулаком по столу Копылов и, взяв красный фломастер из стоящего на столе стакана, жирно перечеркнул крест-накрест лист со сведениями по Есении.

---

⁵ Девятый отдел УУР – отдел Управления уголовного розыска по розыску без вести пропавших.

Глава десятая

Проснувшись на следующий день довольно поздно, Леонид позавтракал и, помыв посуду, взялся за уборку – пылесосить квартиру было его обязанностью еще с детства.

Пропылесосив все ковры и мамины вязаные половички, он вытер пыль и сел у окна, наблюдая, как во дворе гуляют дети.

Погода стояла хорошая, можно было тоже пойти погулять, но он не хотел уходить из дома, боясь пропустить звонок Есении или капитана Копылова.

К обеду он уже начал маяться. Попытался еще раз дозвониться отцу Есении по рабочему телефону, но там по-прежнему никто не отвечал.

Днем позвонила мама, на звонок которой Леонид бросился буквально со всех ног и испытал немалое разочарование, услышав ее голос вместо голоса Есении.

Несколько раз он порывался позвонить Копылову, но в последний момент отходил от телефона, понимая, что времени прошло еще мало и дергать капитана не стоит, он и так взялся ему помочь из любезности.

Но когда к вечеру не последовало никаких звонков, у него начало назревать нехорошее предчувствие, превращаясь в темный ком, разбухающий с каждой минутой ожидания. Если даже капитан Копылов, имея милицейскую возможность беспрепятственно и быстро выяснить, куда переселили семью Есении, до сих пор этого не узнал и не позвонил ему, значит, там что-то на самом деле произошло.

«В кои веки встретил девушку, которую захотел видеть своей женой, и, черт возьми, ее тут же отбирают у меня! – думал он с досадой и тревогой. – И главное, непонятно, кто это сделал...»

Но сидеть и ждать сложа руки было не в его характере. Ночью у него созрел план действий.

Утром, поднявшись пораньше, он взял телефонный справочник и, открыв его на странице медицинских учреждений, попытался прикинуть, какие из них находятся на Васильевском острове и в каких могли работать родители Есении.

Он надеялся, что, найдя ее родителей, найдет и Есению. И пусть она ему тогда в лицо скажет, что не хочет больше с ним видеться, если это действительно так. В душе он не хотел верить в это, хотя если предполагать другую причину ее исчезновения, то в голову лезли только тревожные мысли. Леонид безуспешно пытался их отогнать, молясь про себя: «Господи, только бы с ней ничего не случилось!»

Не найдя в справочнике ничего конкретного, кроме Института акушерства и гинекологии, он пригорюнился, но потом подумал, что нужно посоветоваться с Марией Ивановной, их Скорой Машей. Она наверняка подскажет что-нибудь дельное.

Поднявшись этажом выше, Леонид позвонил в квартиру Марии Ивановны, надеясь, что та сегодня не на дежурстве. Ему повезло: где-то из глубины квартиры послышались ее шаги, и, погромев замком, она распахнула дверь.

– Мария Ивановна, вы почему не спрашиваете, кто пришел? – пожурил ее Леонид. – А вдруг бы это были бандиты!

– Заходи давай, я тебя в глазок видела, – ответила Мария Ивановна, отступая от двери и приглашая его войти. – Бандиты так рано не встают, да и лифта не было слышно, значит, кто-то из своих пришел.

– Ой, нарветесь вы когда-нибудь... – покачал он головой.

– Ты мне еще накаркай! – проворчала Мария Ивановна, закрывая дверь и направляясь на кухню. – Позавтракал уже? А то давай со мной кофейку со сливками, я еще не садилась...

Леонид с удовольствием присоединился к Марии Ивановне и за чашкой кофе коротко ввел ее в курс дела.

Услышав про то, что Есения была получена методом клонирования, Мария Ивановна недоверчиво посмотрела на него и, хмыкнув, сказала:

– Ой, что-то я сомневаюсь... В нашей-то нищей науке да чтобы такие дорогостоящие эксперименты... Ты только представь, сколько на это нужно денег! Больницы вон разваливаются... К тому же если бы это было правдой, то, думаю, это моментально стало бы мировой сенсацией.

– Да я тоже вначале сомневался... А вы что, хотите сказать, у нас этим никто вообще не занимается? – спросил Леонид.

– Ну так уж однозначно я бы не стала утверждать... – ответила Мария Ивановна задумчиво. – Этими проблемами, скорее всего, могут заниматься учреждения, проводящие цитогенетические исследования.

– Какие исследования? – переспросил Леонид, поскольку был очень далек от сферы медицинских и других естественных наук.

– Цитогенетические... – повторила Мария Ивановна и, посмотрев на него, процитировала лекторским голосом: – «Цитогенетика – наука, изучающая закономерности наследственности во взаимосвязи со строением и функциями различных внутриклеточных структур». Короче говоря, изучает хромосомы и все, что с ними связано.

– Ну, для меня это темный лес! – признался Леонид. – Но если все-таки предположить, что родители Есени действительно занимаются этими проблемами, где они могут работать?

– Наверное, это должен быть какой-нибудь научно-исследовательский институт, что-то типа Института цитологии или Института экспериментальной медицины, там, где есть кафедры генетики.

– У нас в городе есть такие? Где они находятся?

– Не знаю, но могу узнать, – сказала Мария Ивановна.

– Когда? – нетерпеливо спросил Леонид.

Глянув на него, Мария Ивановна улыбнулась и, отставив чашку с недопитым кофе, сказала:

– Ну коли тебе так не терпится, то могу сейчас позвонить и узнать...

– Мария Ивановна, вы золото!

– Еще какое! Высшей пробы! – подтвердила та и, смеясь, вышла из кухни.

Леонид налил себе еще кофе, разбавив его жирными прибалтийскими сливками, и приготовился ждать.

Мария Ивановна вернулась минут через десять, держа в руке листок бумаги и очки.

– Кроме того что я тебе назвала, – с порога сказала она, – к списку можно добавить Институт генетики и разведения сельскохозяйственных животных в Пушкине и Биологический научно-исследовательский институт нашего университета в Петродворце. Вот адреса, которые ты просил.

Просмотрев адреса, Леонид покачал головой:

– Нет, это все далеко! Есения говорила, что ее родители работают недалеко от дома, но рядом у них только Институт Отто. Я туда уже заходил. К сожалению, там они не числятся.

– Ну не знаю, чем еще тебе помочь, – развела руками Мария Ивановна. – Попробуй, съезди туда, зайди в отделы кадров, хотя, боюсь, там тебе не захотят ответить.

– Пожалуй, все-таки стоит попробовать... Спасибо, Мария Ивановна, за помощь. И за кофе тоже, – поблагодарил Леонид.

Спустившись домой, он написал маме записку, что уехал по делам и будет вечером.

Уже почти собравшись в дорогу, он решил позвонить Копылову – предупредить его. Однако в отделении он его не застал – тот был на выезде, и дежурный пообещал, что все ему передаст.

Мария Ивановна оказалась права. В Институте цитологии, куда Леонид направился в первую очередь, с ним даже не стали разговаривать, заявив, что не дают подобных справок неофициальным лицам. И никакие уговоры, что Леониду нужно только знать, работают ли тут такие или нет, не помогли.

Расстроенный, он поехал в Институт экспериментальной медицины на улице академика Павлова. Там пожилая, но очень приятная начальница отдела кадров, внимательно выслушав рассказ о причине поисков Леонида, молча ушла в соседний кабинет и, вернувшись, сказала, что среди сотрудников их института Вербицких нет и не было.

Поблагодарив ее за хлопоты, он решил ехать дальше – в Петродворец, в Биологический институт. Поездку в Пушкин, где находился Институт генетики и разведения сельскохозяйственных животных, он отложил на завтра, рассудив, что если родители Есении искусственно вывели и исследовали человека, которого с трудом можно причислить к сельхозживотным, то вряд ли они работают в этом институте.

В Петродворце, куда Леонид почти час добирался на электричке, ему без проблем удалось разыскать институт, а потом и самого начальника отдела кадров. Им оказался мужчина средних лет с типично коммунистическо-партийной внешностью. Разговаривать с ним оказалось нелегко – он слушал молча, по всей видимости, очень внимательно, но на его лице абсолютно не отражалось никаких эмоций. Леонид, привыкший, что люди обычно хоть как-то реагируют в разговоре, например машинально кивают, поддакивают или улыбаются, почувствовал себя так, словно он разговаривает в вакууме. В какой-то момент его монолога у него даже возникло желание помахать перед глазами кадровика рукой, чтобы проверить, реагирует ли тот вообще на мир... С трудом удержавшись от этого жеста, Леонид постарался побыстрее объяснить кадровику свою проблему и замолчал в ожидании ответа.

– А почему вы решили, что они должны работать у нас? – спросил кадровик.

– Дело в том, – попытался объяснить ему свои резоны Леонид, – что, по рассказу их дочери, они занимаются чем-то, связанным с искусственным оплодотворением или клонированием. Они и Есению, оказывается, не просто родили, а вывели искусственно и вырастили, всю жизнь отслеживая ее развитие. Она показывала мне фотографии, взятые из отчета об их работе. У нее был шок, когда она узнала, что она не их родная дочь, а результат эксперимента.

Наконец-то Леонид дождался хоть какой-то реакции со стороны кадровика. Его брови удивленно дернулись, поднявшись чуть выше положенного места, и тут же вернулись обратно.

Встав из-за стола, он прошелся по комнате, потом подошел к телефону и сказал в трубку:

– Вера Ивановна, зайдите ко мне.

Через мгновение в кабинет вошла молодая женщина.

– Посмотрите, пожалуйста, есть ли у нас сведения на данных товарищей, – сказал кадровик, протянув ей листок, где были записаны фамилия и инициалы родителей Есении.

Женщина вышла.

Кадровик вернулся на свое место, сел и вдруг неожиданно улыбнулся Леониду. Лучше бы он этого не делал – улыбка растянула его лицо в стороны, словно наклеенную маску, для которой это движение было непосильным. Леонид даже испугался, что кожа на лице кадровика сейчас треснет и распадется на неровные лоскуты, но тот, без всякого ущерба для себя, поулыбался этой кошмарной улыбкой несколько секунд и спросил:

– И какие же фотографии показывала вам ваша девушка, что вы поверили в возможность подобных опытов? Вы не обижайтесь, но ваш рассказ звучит, мягко говоря, несколько фантастически.

Леонид, вспомнив, что так же поначалу среагировал на объяснения Есении, согласно кивнул:

– Не говорите, просто чудеса какие-то! Я даже сначала принял Есению за сумасшедшую... Но потом, когда она мне показала фотографии и все рассказала, я ей поверил, хотя я, конечно, не специалист. А на фотографиях были сняты разные пробирки, зародыши, а потом и сама новорожденная Есения со своей мамой, кстати, как две капли воды похожей на нынешнюю Есению.

– Может, это она сама и была? – скептически заметил кадровик.

– Нет-нет, прическа и одежда на ее маме были такими, какие носили в шестидесятые годы, да и фотография не выглядела новой, – возразил Леонид. – Думаю, что Есения сказала правду.

– Ну а где же эти фотографии сейчас? – заинтересованно спросил кадровик.

– У Есени, – ответил Леонид. – Она у меня только сумку с вещами оставила.

– Угу, – сказал кадровик, разглядывая его и, похоже, собираясь продолжить расспросы, но в этот момент раздался стук в дверь и вошла Вера Ивановна.

– Валентин Борисович, у нас нет никаких сведений на этих лиц. Они у нас не работали.

– Ну что же, на нет и суда нет, – уже без тени улыбки произнес кадровик и поднялся.

– А вы не могли бы мне посоветовать, где еще можно было бы поискать Вербицких, учитывая их род занятий? – с надеждой спросил Леонид, тоже вставая.

Отрицательно покачав головой, кадровик нетерпеливо взглянул на часы, и Леониду пришлось откланяться. Оглянувшись на пороге кабинета, Леонид наткнулся на пристальный провожающий взгляд кадровика, и его передернуло.

Домой он вернулся около семи вечера, уставший и голодный.

Снимая обувь в коридоре, он услышал, что мама с кем-то разговаривает на кухне. Скинув на ходу второй туфель, Леонид в безумной надежде рванул дверь кухни, но увидел только испуганно повернувшихся к нему маму и Скорую Машу.

– Лёнька, ты чего нас так пугаешь? – накинулась на него Мария Ивановна.

– Простите, не хотел, – растроенно пробормотал Леонид. – Мама, мне никто не звонил?

– Нет, сыночек, при мне звонков не было... А ты все ждешь?..

Леонид молча кивнул. Она, вздохнув, сказала:

– Ладно, иди мой руки и садись ужинать.

После ужина Леонид ушел к себе в комнату и, рухнув на диван, стал думать, что же еще можно предпринять. Завтра нужно будет все-таки съездить в Пушкин. Есения, конечно, не сельскохозяйственное, но мало ли... Да и с чего он, собственно, решил, что ее должны были вывести обязательно там, где ее родители работают сейчас. Может быть, они с того времени не раз сменили работу, перейдя в другую лабораторию или институт...

В четверг, рано утром, когда Леонид уже собрался было ехать в Пушкин, раздался телефонный звонок. С замирающим сердцем Леонид подскочил к аппарату.

– Доброе утро, – раздался в трубке мужской голос. – Позовите, пожалуйста, Леонида.

– Доброе утро. Я вас слушаю.

– Леонид, это капитан Копылов из шестнадцатого отделения милиции. Ты не можешь прийти ко мне завтра в пятнадцать часов?

– Конечно могу! – обрадовался Леонид. – А почему не сегодня? Вы нашли Есению? Есть какие-нибудь новости? Я тут совершенно извелся!

– Приходи завтра к трем, я тебе все расскажу, – не вдаваясь в подробности, ответил капитан и, попрощавшись, положил трубку.

Леонид даже не успел спросить его – брать ли с собой коньяк...

Глава одиннадцатая

На следующее утро Леонид проснулся ни свет ни заря, ощущая сильное волнение. Сегодня должны быть расставлены все точки над «і». Возможно, он даже увидит Есению, и она наконец объяснит ему, что же с ней произошло.

Испытывая к Копылову чувство признательности, Леонид приготовил бутылку «Наполеона», купленную на крайний случай накануне, и, едва дождавшись двух часов, выскочил из дома, хотя ехать до шестнадцатого отделения от него было не более тридцати минут.

Выйдя на «Василеостровской», когда до встречи оставалось еще целых полчаса, Леонид решил идти к Копылову не спеша, чтобы не ждать в коридоре, явившись раньше времени. Но «променада» у него никак не получалось – он все время ловил себя на том, что невольно ускоряет шаг.

Пока Леонид короткими перебежками двигался в сторону отделения, терзаемый разными предчувствиями, в кабинете Копылова происходили следующие события.

– Капитан Копылов? – спросил вошедший в кабинет худощавый мужчина лет тридцати с невыразительным лицом и тусклым взглядом бледно-голубых глаз.

– Да, – поднялся из-за стола Копылов, догадавшись, кто перед ним.

«Ну и глаза... как у дохлой рыбы», – подумал он с безразличностью.

– Майор госбезопасности Круглов. Мы договаривались о встрече. Батурина вызвал? – выстреливая в Копылова рублеными фразами, гэбэшник деловито оглядывался, выбирая, куда сесть.

– Вызвал, он обещал к трем подойти, – ответил Копылов, удивившись, что гэбэшник знает фамилию Леонида, а ведь он ему ее не говорил... «Набурили уже, значит, в их Комитете Глубинного Бурения...» – мрачно подумал он, указывая Круглову на свободный стул.

Но тот уже сам выбрал себе место и по-хозяйски уселся за стол отсутствующего по болезни Михаила.

– А ты был прав, похоже, твой Батурин так просто не отступится, – сказал гэбэшник, открывая папку. Вытащив из нее какие-то документы и фотографии, он начал раскладывать их на столе изображением вниз. – Он тут развил бурную поисковую деятельность. Но ничего, его ожидает неприятный сюрприз...

Копылов, не скрывая неприязни, смотрел на майора, но тот, не обращая на это внимания, спросил:

– Где фотография Вербицкой?

Капитан молча вытащил из папки фотографию Есени и Леонида и кинул ее на стол Круглову.

Тот мельком глянул на фото и, кивнув, убрал его к себе в папку.

– А ты, вижу, переживаешь? – усмехнулся он, поднимая на Копылова свой рыбий взгляд. – Не переживай, не надо. Помнишь, что я тебе тогда сказал? Не лезь в это дело... Сейчас я твоему пацану расскажу о его девушке, и дела больше не будет, так что через час ты сможешь выбросить его из головы.

– Он такой же мой, как и твой, – запоздало проворчал Копылов в ответ на «твоего пацана» и отвернулся.

– Ладно-ладно, не лезь в бутылку, – хмыкнул Круглов. – Лучше подготовься к своей роли. Помнишь, сотрудником какого отдела меня надо представить?

– Помню, – коротко ответил Копылов.

– Вот, а дальше сиди спокойно, я сам доведу дело до конца.

Круглов откинулся на стуле и, достав пачку болгарских сигарет «БТ», закурил.

Копылов встал, открыл форточку, взял с подоконника пепельницу и, ни слова не говоря, поставил ее перед Кругловым, после чего вернулся на свое место и отвернулся к окну.

Оставшееся время до прихода Леонида они просидели молча.

Подходя к отделению милиции, Леонид оглянулся на соседний дом. Ему показалось, что на него оттуда смотрят. Уже в третий раз за последнее время он ощущал на себе чей-то взгляд. И ему это совсем не нравилось.

Леонид осмотрел окна, но не заметил ничего подозрительного. Лишь на втором этаже в открытом окне стояла, опершись передними лапами на подоконник, коричневая мохнатая чаучау и, высунув от жары свой фиолетовый язык, часто дышала. Заметив взгляд Леонида, чаучау спрятала язык, слегка напряжилась, глядя на него сверху вниз, но потом, решив, что он не стоит ее высочайшего внимания, отвернулась, уставившись куда-то вдаль.

«В прошлой жизни, небось, была китайским мандарином!» – усмехнулся про себя Леонид и поспешил дальше.

Без пяти три он уже стоял у кабинета Копылова. Решив, что пять минут за срок не считается, он постучал.

– Войдите, – раздался голос из-за двери.

Леонид вошел.

Капитан Копылов, привстав, кивнул ему и указал рукой на свободный стул рядом со своим столом:

– Заходи, Леонид, присаживайся.

Леонид сел и выжидающе посмотрел на капитана, но тот почему-то молчал. Тогда Леонид перевел взгляд на мужчину в сером костюме за другим столом.

Поглядев на него в ответ, мужчина затянулся догорающей сигаретой, выпустил дым и загасил окурочек в пепельнице. Все это он проделал медленно и как-то нарочито спокойно.

– Вот, Леонид, знакомься, это майор Круглов из отдела по розыску пропавших без вести, – представил его Леониду Копылов.

– Очень приятно, – машинально откликнулся тот, чувствуя, как у него засосало под ложечкой, и назвал в свою очередь: – Леонид Ярославович Батурич.

– Леонид Ярославович, – сказал майор Круглов, придвигаясь к нему. – У нас будет с вами очень тяжелый разговор...

– Что случилось? – холодея, спросил Леонид.

– Капитан Копылов доложил, что вы разыскиваете вот эту девушку. – Круглов, порывшись в стопке бумаг, лежащей перед ним на столе, вытащил и протянул Леониду фотографию.

С черно-белой фотографии на него смотрела женщина. Он с трудом узнал в ней Есению – на ней был какой-то жуткий, похожий на больничный, халат. Лицо – бледное, осунувшееся, а в глазах застыла тоскливая отрешенность.

– Господи, что с ней случилось? – в смятении воскликнул Леонид, вскакивая с места.

– Успокойтесь, Леонид Ярославович! Значит, вы узнаете ее? А теперь переверните фотографию и посмотрите на дату...

– Конечно узнаю! Это Есения, только что с ней произошло? Она сама на себя не похожа! – Леонид послушно перевернул снимок и прочел надпись на его оборотной стороне: «Девятнадцатое декабря 1982 года...». – Ну и что?

– Да вы садитесь, Леонид Ярославович, разговор у нас будет долгий... – попросил Круглов.

Леонид сел, приготовившись выслушать то, что ему скажут.

Капитан Копылов молча сидел за своим столом и что-то чертил на листке бумаги.

– Снимок, который вы сейчас видели, – сказал Круглов, – нам предоставили врачи психиатрической клиники Скворцова-Степанова, откуда ваша знакомая сбежала два месяца назад.

– Что?! – Леонид оторопело уставился на Круглова.

– Да-да, Леонид Ярославович, к сожалению, ваша знакомая душевно больна. И зовут ее, кстати, не Вербицкая Есения Викторовна, как вы ее назвали, – он глянул на лист, лежащий перед ним, – а Ольга Ивановна Мерцалова. В клинику она поступила два года назад после второго курса биофака университета. Переучилась девушка, такое бывает. Вообразила себя генетической копией какой-то женщины, которую она называла своей матерью.

– Но они действительно очень похожи! – перебил его Леонид.

– Кто? – спросил Круглов, удивленно поднимая на него глаза.

– Есения и ее мать, я видел их фотографию.

– У Ольги нет ни отца, ни матери, – сказал Круглов.

– Как это? – не понял Леонид. – Значит, это правда, что ее вывели искусственно?

– М-да-а... – протянул Круглов, озабоченно глядя на него. – Чувствуется влияние больного человека... Это значит, Леонид Ярославович, что ее родители всего-навсего неизвестны – Ольга выросла в детском доме в Челябинской области, куда ее подбросили в двухмесячном возрасте. А искусственное выведение человека, о котором она вам говорила, – вещь технически невыполнимая. Ученые еще даже процесс искусственного оплодотворения не до конца изучили, о каком уж тут выведении людей может идти речь! Это возможно только в фантастической литературе. А человечеству пока остается только одно – пополняться естественным путем. Тем более что это не самый неприятный путь... – Круглов цинично усмехнулся.

– А что же тогда за женщина была изображена на той фотографии, так похожая на Есению?.. – спросил Леонид.

– Я не знаю, о какой фотографии идет речь, но думаю, что это было ее собственное изображение, сделанное еще до больницы, – предположил Круглов.

– А остальные снимки?.. – настаивал Леонид.

Бросив на него короткий взгляд, Круглов поинтересовался:

– Какие снимки, что на них было?

– Да какие-то пробирки, клетки в увеличенном виде... человеческие зародыши...

– А! – отмахнулся Круглов. – Наверное, хранились у нее со времени учебы на биологическом, она же не была буйной, и ей позволяли иметь свои вещи.

– Да уж, буйной она точно не была! – подтвердил Леонид, чувствуя, что начинает злиться. – Более того, я не верю, что она вообще была душевнобольной! Мы все-таки провели три недели вместе, а я не заметил у нее никаких отклонений...

– А вы что, психиатр? – насмешливо спросил Круглов. – Да вы себе представить не можете, насколько успешно психи прикидываются нормальными людьми! Ведь ни один из них не считает себя больным, а при некоторых психических расстройствах отклонения не сразу и распознаешь...

– Ну знаете, это вопрос спорный: кого считать нормальным, а кого нет. Но меня в данный момент больше интересует, где сейчас Есения? Вы нашли ее? Она в клинике? Я хочу ее видеть!

Круглов вдруг помрачнел, опустил голову и, глядя на лежащую перед ним стопку каких-то бумаг, сказал:

– К сожалению, это невозможно. Она погибла.

– Что?! – вырвалось у Леонида. В первый момент ему показалось, что он ослышался.

– Она погибла, – повторил Круглов и посмотрел на него.

«Какие у него противные глаза, – подумал Леонид, встретившись с ним взглядом. – Как у дохлой рыбы... И что он несет?! Кто погиб? Есения? Это невозможно!» В голове у него вдруг стало просторно-просторно... Обрывки мыслей металась по этому гулкому пространству, бились о стенки черепа и, отлетая от них в разные стороны, никак не давались сознанию.

– Кто погиб? – тупо переспросил он, пытаясь заглушить гул в голове.

Круглов, порывшись в своей стопке, вытащил еще одну фотографию и, положив ее перед ним на стол, сказал:

– Ваша знакомая, которую вы называете Есения Вербицкая, а на самом деле Ольга Мерцалова, погибла. Посмотрите, пожалуйста.

Леонид опустил взгляд на фотографию и отшатнулся: на снимке был запечатлен чей-то обгоревший труп, лежащий на земле среди каких-то обломков и мусора. Его верхняя часть была обуглена до черноты.

– Вы хотите сказать, что это она? – в шоке спросил он, не в силах поверить, что это может быть его Есения. – Господи!

– Мне нужно выйти, – сказал вдруг до сих пор молчавший Копылов и, быстро поднявшись, выскочил из кабинета.

– С чего вы взяли, что это Есения? – выкрикнул Леонид и, привстав со своего места, схватил Круглова за грудки и принялся его трясти: – Где она? Покажите мне ее!

Круглов, видимо не ожидавший от него такого, сначала опешил, а потом, крепко взяв его за руки и заставив разжать пальцы, усадил на место.

– Успокойтесь! – с деланным участием сказал он. – Хотите, я вам воды налью?

– Не хочу я никакой воды! – простонал Леонид. – Я хочу видеть Есению! Зачем вы меня мучаете, ну скажите, что вы ошиблись! – И, ухватившись за эту мысль, воскликнул: – А может быть, вы и в самом деле ошиблись? Ведь тело сильно обгорело... Почему вы так уверены, что это Есения?

– Леонид Ярославович! Я понимаю ваши чувства, но возьмите себя в руки, – сказал ему Круглов. – На теле погибшей были особые приметы, ее опознали врачи клиники.

– Какие еще приметы?! Посмотрите, тело-то обгоревшее! – воскликнул Леонид, ткнув пальцем в фотографию. – Как ее могли опознать?!

Круглов молча достал еще одну фотографию и положил ее рядом с предыдущей.

На этой фотографии крупным планом была изображена нога трупа, почти не тронутая огнем.

Леонид застыл, глядя на темное пятнышко, четко выделявшееся на колене трупа, и почувствовал, словно его ударили под дых: он так часто любовался необычной родинкой на правом колене Есени, что не спутал бы ее ни с чем другим. В один пронзительный миг он понял, что надеяться больше не на что – Есения действительно погибла.

Леонид смотрел на фотографии ее останков и чувствовал, как этот момент разделяет его жизнь на две половины – на до и после гибели Есени.

– Когда это случилось? – тихо спросил он.

– В тот же день, как вы приехали, – ответил Круглов. – Ее нашли вечером в одном из заброшенных складов у Варшавского вокзала.

– Кто это сделал?

– Это глухарь, Леонид Ярославович. Вряд ли мы найдем убийцу... Похоже, она попала к бомжам. Вскрытие показало, что она перед смертью хлебнула «льдинки»⁶, а потом ее, видимо, ударили по голове и, облив той же «льдинкой», сунули в костер.

– За что? – сдерживаясь из последних сил, чтобы не закричать, спросил Леонид.

– Кто знает? – пожал плечами Круглов. – Судя по тому, что ее сумка была выпотрошена и брошена тут же, а на теле мы не обнаружили никакой одежды, ее попросту ограбили.

– Вы нашли ее сумку?

– Да, вот посмотрите, – сказал Круглов и показал ему снимок.

Леонид тут же узнал сумочку Есени, которую она обычно носила с собой через плечо.

---

⁶ «Льдинка» – жаргонное название спирта-суррогата для обезжиривания поверхностей, известного еще под названием «красная шапочка». Очень ядовит.

– Где я могу увидеть ее... тело? – спросил Леонид, чувствуя, как отчаяние начинает захлестывать его.

– Ее уже кремировали...

– Как?! Когда?! – вскинулся Леонид.

– Позавчера.

– А урна?

Круглов устало посмотрел на него:

– Леонид Ярославович, какая урна? Вы что, не знаете, что в крематории собирают общий пепел, раскладывают его вперемешку по урнам и выдают родственникам. Где и чей там пепел – не разберешь. А у Ольги родственников нет, урну получать было бы некому. Так что могилой ей – весь белый свет...

Этого Леонид уже вынести не мог.

Голову вдруг пронзила такая боль, что он испугался, что она сейчас лопнет. Как в тумане он вытащил из сумки бутылку «Наполеона», которую нес Копылову, и, сорвав пробку, прямо из горлышка стал пить, пытаясь заглушить эту дикую боль и не чувствуя ни вкуса, ни запаха, ни крепости коньяка.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПОБЕГ

Глава первая

Санкт-Петербург, 1998 год

Леонид стоял у окна, прижавшись лбом к стеклу и слепо уставившись в черный проем, за которым бушевала непогода. Его затопили воспоминания о событиях почти пятнадцатилетней давности. Он увидел их так ясно, словно это все происходило вчера, и вновь ощутил ужас, вспоминая тот момент, когда перед ним в милиции положили фотографии, убеждая, что это жуткое обгоревшее тело – его Есения...

«А она была жива!.. – потрясенно думал он. – Я же чувствовал, что она жива, не мог поверить в ее смерть!»

Дед Охмнетыч, с которым Леонид долго переписывался после гибели Есени, умер восемь лет назад, так и не узнав, что ее больше нет. Леонид не стал ему сообщать о смерти девушки, чтобы не расстраивать старика, хватит ему и одной Медведущки, и в конце каждого письма всегда передавал привет от Есени. Зная теперь, что Есения тогда не погибла, Леонид с облегчением перестал укорять себя за этот обман.

«Жива... Значит, они тогда обманули меня, мерзавцы...» – думал он и чувствовал, что мир на глазах постепенно приобретает другой смысл и звучание.

Перед его мысленным взором вновь встало ее дорогое лицо. Он не забыл его, как обычно забывают лица давно ушедших людей, и фотография Есени, бережно им хранимая, была здесь совсем ни при чем. Он просто не мог ее забыть... Ее облик навсегда врезался в память.

Все эти годы Леонид делил женщин на похожих на Есению и не похожих на нее. Но ему так и не встретилась та, которая смогла бы вытеснить Есению из его сердца. И теперь он был безмерно рад этому.

Громко хлопнула входная дверь, и Леонид очнулся от своих мыслей. Из коридора слышались шаги. Скорее всего, это была мама, спешащая с Марией Ивановной к неожиданно приобретенному внуку.

Спохватившись, Леонид повернулся к дивану, на котором тихо лежал его сын.

Мальчик молча смотрел на него. Лицо его было серьезным, лишь глаза, *ее* глаза, выдавали тщательно скрываемое волнение и любопытство.

Несколько долгих секунд Леонид всматривался в него, словно боясь окончательно поверить и ошибиться, а потом, шагнув к дивану, сел и, приподняв сына за плечи, крепко обнял его.

– Сынок, с мамой все в порядке? – тихо спросил он, страшась услышать, что с ней могло случиться что-нибудь плохое. Второй раз он не смог бы пережить ее потерю, особенно теперь, после того как узнал, что она не погибла тем злосчастным летом.

– Мама жива... – словно прочитав его мысли, ответил Лёня и робко обнял отца, уткнувшись ему носом в плечо. – Она мне недавно все рассказала...

– Да-да, – прижимая к себе мальчика и глядя его по волнистым волосам, прошептал Леонид и почувствовал, как его глаза начало пощипывать от неожиданно подступивших слез.

Ворвавшиеся в комнату Серафима Васильевна и Мария Ивановна переглянулись и растерянно замерли на пороге, не зная, что делать, и боясь помешать им.

– Сынок... – тихо позвала Серафима Васильевна, робко подходя к дивану.

– Да, мама? – продолжая прижимать к себе своего сына, Леонид, не стесняясь, поднял к ней мокрое от слез лицо.

Мать, впервые увидев Леонида плачущим, охнула и, сразу как-то до конца осознав, что все сказанное мальчиком – правда, обхватила Леонида и Лёню руками и припала к ним, раздавшись.

– Эй, господа-товарищи! – раздался голос Скорой Маши. – А ну прекратите сырость разводить! Мало вам того, что на улице пурга, так вы еще и слякоти решили подбавить! Совсем ребенка простудите!

И она, бесцеремонно растолкав Леонида и Серафиму Васильевну, освободила из их объятий покрасневшего и взъерошенного Лёню.

– Ну-с, молодой человек, – деловито сказала Мария Ивановна, ощупывая его лоб, – сейчас я тебе доставлю большое удовольствие: можешь показать мне язык и тебе за это ничего не будет!

Лёня, несмотря на высокую температуру и волнение от встречи с отцом и бабушкой, улыбнулся такому предложению и послушно открыл рот.

Повернув мальчика к свету, Мария Ивановна заглянула ему в рот, потом, пощупав миндалины, скомандовала, щелкнув пальцами:

– Ложку!

Леонид и Серафима Васильевна, стоявшие рядом с одинаково счастливыми лицами, одновременно бросились на кухню за ложкой, столкнувшись при этом в дверях.

– Бабушкам – дорогу! – галантно согнулся в полупоклоне Леонид, пропуская вперед Серафиму Васильевну.

Та, шутливо отвесив ему подзатыльник, быстро сбегала на кухню за ложкой и, вернувшись, отдала ее Марии Ивановне.

Проведя осмотр горла и послушав Лёнино сиплое «а-а-а», звучавшее где-то на уровне баса-профундо, Мария Ивановна сказала:

– Ясно. Ну-ка, разоблачайся – легкие твои послушаю!

Пока Лёня снимал свитер и рубашку, Мария Ивановна держала фонендоскоп, согревая его ладонями и несколько раз жаркодохнув на него.

Леонид вспомнил, как Скорая Маша, приезжая к нему по вызову, всегда так грела «слушалку» перед тем, как прикоснуться ею к его телу. И когда к ним однажды приехал другой врач, маленький Леонид, привыкший к Машиным теплым руками и инструментам, дико заорал, когда тот приложился ледяным с мороза фонендоскопом к его голой груди. Мама тогда в буквальном смысле спустила с лестницы перепуганного врача, предварительноогрев его отнятым фонендоскопом по спине, а потом швырнув его вслед...

– Сима, иди приготовь раствор уксуса с водой и водкой, все по трети. Нужно парня растереть, чтобы сбить температуру, он весь горит, – сказала Мария Ивановна, внимательно послушав дыхание Лени и простучав его грудь. – В легких еще ничего, но бронхи очень невеселые, всхлипывают о чем-то... И горло раскаленное... Прикройся пока, сынок! – Она похлопала Лёню по плечу и отошла к столу.

Леонид, стоявший все это время рядом с сыном, взял плед и, расправив его, накрыл им мальчика.

– Спасибо... – благодарно взглянув на Леонида, сказал тот и, сделав секундную паузу, вдруг добавил: – ...папа.

Этого «папу» слышали все.

Мария Ивановна, перебирающая в своем чемоданчике какие-то упаковки с лекарствами и откладывая нужные ей в сторону, повернулась.

Возвратившаяся с кухни с банкой уксусной воды Серафима Васильевна, разрыдавшись, бросилась к внуку и, то обнимая его, то отодвигая от себя, начала над ним что-то причитать сквозь слезы.

Лёня терпеливо замер в ее объятиях, не делая попыток освободиться. А растроганный Леонид замер, чувствуя, как его сердце гулко колотится в груди.

Обстановку разрядила та же Мария Ивановна:

– Сима, ну-ка прекрати реветь и отпусти ребенка. Заморишь парня, лучше иди приготовь ему что-нибудь поесть, пока я его растираю. У тебя бульон есть?

Вытирая слезы, Серафима Васильевна оторвалась от внука и кивнула:

– Есть куриный супчик, Машенька, сейчас разогрею. А может, ему еще котлеточек? Хочешь, Лёнечка, котлеток с картошечкой?

Но Мария Ивановна возразила:

– Никаких котлеточек ему сейчас не надо. Для начала пусть поест куриного бульона с белым хлебом. Да, и хорошо бы ему пить побольше давать. Вот разотру его и принесу клюквенного морса, у меня как раз целая кастрюля наварена. Сима, иди грей суп.

– Сейчас-сейчас, – засуетилась Серафима Васильевна и убежала на кухню.

А Мария Ивановна, положив Лёню животом на диван, налила себе в ладонь уксусной воды и быстрым движением начала растирать ему спину и руки.

– Вот теперь тебе полегче будет, лежи пока, – сказала она, закончив, и, оглядев его истощенную, но широкую в плечах фигуру, расстроенно покачала головой. – Одни кожа да кости, тебя что, дома совсем не кормили? Прямо «крепыш Бухенвальда»...

– По пути сюда я редко ел, – угрюмо ответил Лёня, переворачиваясь на спину и накрываясь пледом.

– Сейчас мы тебя покормим, сынок, – сказал Леонид, подкладывая под голову сына подушку и подтыкая края пледа со всех сторон. – У бабушки ты быстро нагуляешь тело.

– Не кутай его, – остановила Мария Ивановна Леонида. – Просто накрой. А я пойду принесу ему морс.

С кухни вернулась Серафима Васильевна:

– Давай, Лёнечка, поешь трошки, а то голодный желудок лекарство не примет.

Она поставила на стул, стоящий рядом с диваном, тарелку с разогретым супом и хлебницу с булкой, а сама села рядом с внуком, жалостливо глядя на него.

Бедный Лёня, видимо, здорово наголодался за время пути, потому что, поглядев на пищу, он судорожно сглотнул и, приподнявшись на локте, схватил ложку и стал торопливо хлебать бульон, жадно откусывая большие куски хлеба и не успевая прожевывать их до конца. Но через минуту он вдруг остановился и, испуганно сев, воскликнул:

– Я совсем забыл... Письмо!..

– Какое письмо? – посмотрел на него Леонид.

– Там, в рюкзаке... Письмо от мамы... Она сказала, чтобы я сразу же его отдал, как к вам приеду, что это очень важно, а я вот видите...

Леонид торопливо вышел в коридор и, подняв лежавший на полу рюкзак, вернулся с ним в комнату и протянул его Лёне.

– Здесь, в кармашке, в упаковке от шоколада, – показал рукой мальчик. – Мама сказала, что вы должны внимательно прочесть письмо.

Леонид расстегнул кармашек на боку рюкзака и, нащупав большую плитку шоколада, вытащил ее наружу.

Поставив рюкзак на пол, Леонид сел за стол и, чувствуя, как у него дрожат руки, осторожно надорвал упаковку. Внутри между двух картонок лежал толстый конверт. В нем находился еще один конверт с обескуражившей Леонида надписью: «Прочесть в безопасном месте» – и листок, на котором мелким почерком было написано несколько строк.

Леонид видел почерк Есении только один раз – когда она писала телеграмму родителям, но он сразу же узнал эти округлые буквочки, похожие на божьих коровок, особенно там, где Есения ставила две точки над буквой «ё».

Сев спиной к сыну и Серафиме Васильевне и чувствуя на себе их взгляды, Леонид разгладил листок и прочел:

«Леонид Ярославович! Это моя первая за все эти годы возможность дать Вам о себе знать. Не знаю, помните ли Вы меня, ведь прошло почти пятнадцать лет с тех пор, как нас так жестоко разлучили. Если Вы читаете это письмо, значит, наш сын благополучно добрался до Вас. Но прошу Вас, не мешкая забирайте его и уходите из дома туда, где вас обоих не найдут. Объяснения прочтёте позже, они во втором конверте. Дома вам оставаться опасно, уходите немедленно! За Лёней могут прийти те же люди, что тогда забрали и меня. Они знают, что он Ваш сын, и будут искать его у Вас. Есения».

Ошеломленный Леонид еще раз перечитал письмо, подумав в первый момент, что он, наверное, что-то не так понял.

Потом, повернувшись к сыну, осторожно спросил его:

– Ты откуда приехал, Лёня?

– Я не просто приехал, – тихо ответил тот. – Я сбежал из...

– Так что же ты молчал?! – не дослушав его, воскликнул Леонид и, вскочив, заметался по комнате, пытаясь сосредоточиться.

Он никогда не был суперменом и даже представить себе не мог, что когда-нибудь ему придется от кого-то скрываться. Но сейчас в его голове всплыли все детали пятнадцатилетней давности. Как мастерски тогда все было инсценировано!

Анализируя это сейчас с расстояния прошедших лет, он вдруг понял, что, судя по серьезности подхода при фабрикации улики, это была отнюдь не милицмейская работа. Здесь чувствовалась рука других органов. Он вспомнил, как молчал и нервничал тогда капитан Копылов, как он даже выскочил из кабинета, когда майор Круглов начал предъявлять ему поддельные фотографии и убеждать, что Есения – не Есения, а какая-то там Ольга Мерцалова, и что она мертва, и что все, что она ему рассказала, – бред сумасшедшей. Круглов, похоже, был не просто майор, а майор КГБ, птица серьезная.

«Видимо, кому-то было очень нужно, чтобы я поверил во все это и замолчал, погрузившись в свое горе, – подумал Леонид. – А если бы не поверил и продолжил поиски, то, наверное, сам бы стал обгоревшим трупом с "льдинкой" в желудке».

Но он тогда поверил и жил многие годы с этой верой, изнемогая от горя и чувствуя, что никогда не сможет до конца смириться с потерей Есении... И вот теперь этот кошмар вновь врывается в его жизнь, словно было мало того, что у него уже один раз отняли Есению, их любовь, общее будущее, детство их мальчика... Нет, Леонид больше не намерен никого и ничего терять.

«Так... что же делать? Куда идти? – напряженно думал он. – Лёня болен, где мне его спрятать? А вдруг ему станет хуже! Надо поговорить с Сергеем, он наверняка что-нибудь придумает...»

Леонид, ничего не говоря матери и сыну, вышел в свою комнату и, подняв телефонную трубку, стал набирать номер Сергея, своего приятеля еще со школьных времен. И вдруг его как током ударило: «А что, если за нами уже следят и телефон прослушивается?!»

Похолодев от этой мысли, Леонид бросил трубку на рычаг, но потом, взяв себя в руки, усмехнулся: «Черт! У меня, кажется, от всего этого уже слегка крыша поехала... Хотя, подстраховаться, конечно, не мешает!»

Набрав заново номер Сергея, Леонид напряженно вслушивался в длинные гудки, мысленно моля Бога, чтобы друг оказался дома.

– Алло, – раздался в трубке характерный низкий голос Сергея.

– Серёга, привет, это я, – быстро сказал Леонид.

– Лёнька, привет! – обрадовался Сергей. – А я тебе как раз собирался звонить насчет завтрашней баньки...

– Серёга, погоди, у меня тут проблемы... Мы можем с тобой через час встретиться у трех сосен?

– В такую погоду?! – удивился Сергей. – Да и темно же уже! Или ты имеешь в виду...

– Тихо, ты правильно понял! – прервал его Леонид. – Я же сказал тебе – у меня проблемы... Так будешь?

– Буду, – уже серьезно ответил Сергей. – Встречаемся через час. – И, не прощаясь, положил трубку.

Леонид тоже опустил трубку на рычаг и задумчиво окинул взглядом комнату. Если уходить, то, наверное, нужно что-то взять с собой...

Ему еще ни разу не приходилось собираться в бега. Леонид хмыкнул – в голову лез какой-то бред типа: «Герцог взял с собой смену белья, новые лакированные штиблеты и набор дуэльных пистолетов»...

Смену белья, пожалуй, и правда придется прихватить, и, может быть, не одну... Лакированных штиблет он не имел, да и не тот сезон сейчас, а пистолет он держал последний раз года три назад, в тире у Сергея, куда тот затащил его, желая приобщить к мужскому делу. Но Леонид не любил шума, а после наушников у него страшно чесались и распухали уши... Скорая Маша, к которой он обратился с этой проблемой, посмеялась над ним, сказав, что либо он врёт и уши ему просто надрали, либо у него какой-то особый род аллергии, еще не известный медицине.

Присев, Леонид выволок из-под кровати спортивную сумку, с которой он обычно ходил в фитнес-центр, а потом открыл шкаф и выгреб из него одежду, откладывая то, что ему может пригодиться.

Переодевшись в теплые вельветовые брюки, рубашку и свитер, Леонид положил в сумку две пары шерстяных носков, белье, тренировочный костюм и второй свитер, раздумывая, подойдет ли все это в случае необходимости Лёне. Сын был ненамного ниже его, а в плечах, пожалуй, и пошире будет, хотя он сейчас и очень худой...

Леонид вдруг поймал себя на мысли, что с нежностью и гордостью думает о том, какой у них с Есенией получился симпатичный парень... Но додумывать эту мысль до конца не стал, посчитав, что на это будет время потом, когда они с сыном будут в безопасности.

Сняв с книжной полки фотоальбом, он раскрыл его и вытащил ту памятную рижскую фотографию, где они стояли с Есенией у Домского собора. Это была не та фотография, что он оставлял Копылову, ту ему так и не вернули. Это уже потом, разбирая сумку Есени, так и оставшуюся у него, он обнаружил на дне в конверте второй экземпляр этой фотографии. Он хранил ее в альбоме, вынимая раз в год летом, поминая Есению. Доставать фотографию чаще он себе запрещал, слишком сильной была боль, когда он смотрел на их счастливые лица... Вложив фотографию в паспорт, он сунул его в нагрудный карман рубашки.

Открыв сейф, спрятанный за полкой с книгами, Леонид вытащил десять пачек со сто долларовыми купюрами, которые он держал дома на черный день, в силу профессии не доверяя нынешним банкам. Одну пачку он сунул к паспорту в нагрудный карман рубашки, еще семь – в сумку под одежду, а две оставшиеся оставил на столе – для матери – неизвестно, сколько он будет в бегах...

За дверью раздались голоса – вернулась Мария Ивановна, ходившая домой за морсом.

Леонид выглянул из комнаты и, приложив палец к губам, незаметно позвал Марию Ивановну к себе.

– Что такое? – тихо спросила она, заходя в его комнату.

Леонид закрыл за ней дверь и молча протянул ей записку Есенин.

Мария Ивановна, пробежав ее быстрым взглядом, ахнула:

– Жива?! И это ее сын?!

Леонид кивнул.

– Что будешь делать? – И, увидев приготовленную сумку, запротестовала: – Парня трогать сейчас нельзя, могут быть осложнения, – но потом, еще раз глянув на записку, тяжело вздохнула и спросила: – Где ты думаешь его спрятать?

– Пока не знаю, я позвоню вам потом, здесь, наверное, будут прослушивать. Есть у меня один человек, мы к нему сейчас поедem, он поможет. Не волнуйтесь, все будет хорошо.

– Слушай, а если за домом уже следят? – с тревогой спросила Мария Ивановна. – Нельзя тебе ехать на твоей машине, возмемшь мою... Я сейчас спущусь, прогрею ее и если ничего подозрительного не увижу – подгоню к подъезду. А вы стойте у выхода наготове... И вот еще что: я тебе дам лекарства и напишу, как их принимать... Эх, ему бы поспать сейчас... – И, сокрушенно покачав головой, Мария Ивановна вышла из комнаты.

Леонид последовал за ней.

Осоловевший от еды Лёня пил морс из большой кружки, а Серафима Васильевна, сидящая рядом с внуком на диване, с умилением наблюдала за ним.

– Наша, батуринская порода! – сказала она, повернувшись к Леониду и Марии Ивановне.

Леонид улыбнулся, присев рядом с ними, а Мария Ивановна, подойдя к своему чемоданчику, принялась колдовать над ним, что-то выкладывая из него и выписывая на листок инструкцию по приему. Расписав все подробно, она позвала Леонида и, вручив ему пакет, тихо сказала:

– Здесь все необходимое. Я тебе написала, что и как ему давать. Иди, мать подготовь, а я пока дам Лёне лекарство. Вперед!

Внутренне напрягшись, Леонид позвал Серафиму Васильевну:

– Мам, пойдem ко мне, мне нужно тебе кое-что сказать.

Мать обеспокоенно посмотрела на внука, потом на Марию Ивановну и неубранную посуду, но, ничего не сказав, пошла за сыном в его комнату.

– Мам, сядь, – тихо попросил Леонид, усаживая Серафиму Васильевну на кровать. – Тут вот какое дело, нам с Лёней нужно срочно уехать...

– Куда это?! – всполошилась она. – Сдурел ты, чи шо? Дытына у огне горыть, а вин ей на мороз гонить! – И, рассердившись, поднялась, собираясь выйти из комнаты.

– Мам!.. – остановил ее Леонид, придерживая за руку.

– Не дам! – вскинулась она, но потом, взглянув на непривычно серьезное лицо сына, сбавив тон, спросила: – Ну куда вам загорелось ехать? Та еще в таку погану погоду!

– Мам, ты поняла, чей Лёня сын? – не глядя на нее, спросил Леонид.

– Твой сын... и мий внук, – твердо сказала Серафима Васильевна. – И остальное, сыночек, не так уж важно...

– Нет, мама, это важно... Он не только мой сын, он еще и сын Есенин...

– Есенин?! – повторила Серафима Васильевна и потрясенно вновь опустила на кровать. – Так она же...

Не дав матери договорить, Леонид молча протянул ей письмо.

– Я же не вижу без очков, – жалобно сказала Серафима Васильевна, беспомощно глянув на листок. – Что здесь написано?

– Здесь написано, что Есения тогда не погибла, а ее похитили и держали где-то вместе с нашим сыном все эти годы. А теперь, когда Лёне удалось оттуда сбежать, за ним идут по следу и могут с минуты на минуту заявиться сюда.

– Господи, что кому ребенок мог сделать?! За что за ним-то гонятся? – воскликнула Серафима Васильевна. – Немедленно звони в милицию!

– Мам, какая милиция?! Ты что, не помнишь, как мне гэбэшник тогда в милиции вкручивал о смерти Есени и о том, что она сумасшедшая?! Да кто в милиции поперет против ФСБ?!

– Ты хочешь сказать, что ее столько лет продержали у себя органы?..

– Думаю, что да, вспомни историю ее появления на свет...

– Ну, не знаю... Я никогда в это не верила, какие-то научные сказки... – с сомнением покачала головой Серафима Васильевна.

– И я не знаю, но попытаюсь разобраться, если буду уверен, что Лёня в безопасности. Так что, мам, не задерживай нас...

– Ой, Лёня... – Серафима Васильевна испуганно прикрыла рот рукой, до конца осознав всю опасность ситуации.

– Мам, не исключено, что я с тобой долго не смогу связаться, ты не волнуйся. Нам с Лёней сейчас нужно исчезнуть, раствориться... И если к тебе придут... – тут Леонид сделал паузу, почувствовав какую-то ирреальность их разговора, словно это происходило во сне или он заигрался в казаки-разбойники, – скажешь, что я уехал в командировку и вернусь недели через две...

Серафима Васильевна с несчастным лицом молча сидела на кровати и только кивала.

Тут открылась дверь и появившаяся на пороге Мария Ивановна окликнула Леонида:

– Лёнь, ты скоро? Собирай парня, а я пошла за машиной. Минут через пять стойте внизу наготове. Документы на машину я тебе оставлю в бардачке на всякий случай, – и, глянув на тихо заплакавшую Серафиму Васильевну, добавила: – Сима, сейчас не время... Иди, быстро собери им с собой что-нибудь поесть...

Вытирая слезы, Серафима Васильевна вышла из комнаты, но, проходя мимо дивана, на котором лежал Лёня, не выдержала и, сцепив руки перед грудью, запричитала, глядя на него:

– Ой, дитыночка ты моя, куда ж тебя, такого хворого!..

Лёня удивленно посмотрел на нее.

– Мам, ну не надо, я же просил тебя! – укоризненно сказал вышедший за ней Леонид, и Серафима Васильевна покорно пошла на кухню. – Сынок, вставай, пора собираться! Твоя мама пишет, что за нашим домом могут следить, нужно тебя спрятать в другом месте.

У Лёни дрогнуло лицо, но, ничего не сказав, он сел на диване, собираясь с силами, чтобы встать.

– Ты как себя чувствуешь? – сочувственно спросил Леонид.

– Ничего, сейчас вроде в голове даже просветлело, – успокоил его Лёня.

Мария Ивановна, направившаяся к выходу, повернулась и сказала Леониду:

– Лёнь, твоему сыну нужна другая одежда, у него носки насквозь промокли, да и пальто тоже, если не ошибаюсь, в коридоре мокрое валяется, не говоря уже об обуви...

– Да, Мария Ивановна, спасибо за подсказку, я сейчас что-нибудь ему подберу. Идите, мы скоро будем.

Собрались они действительно быстро. У Леонида с Лёней, по счастью, оказался одинаковый размер обуви, и Леонид отдал сыну свои теплые ботинки и меховую куртку, сам же надел свою старую и еще недавно очень модную «Аляску», в которой теперь ходил на лыжах в Сосновском парке. В принципе, они туда и направлялись – недалеко от парка находился тир Сергея.

Пять лет назад, когда Леонид шел туда первый раз пешком – машина была в ремонте, – он решил пройти по парку, срезая путь, и заблудился, опоздав на встречу часа на два. Сергей

потом долго над ним посмеивался, мол, заблудился в трех соснах, хотя парк был не таким уж и маленьким... С тех пор они называли его тир «У трех сосен», поэтому Леонид был уверен, что Сергей правильно понял, где ему нужно их ждать.

Серафима Васильевна принесла из кухни пакет с продуктами – в нем лежали хлеб, банки с консервами, что-то завернутое в фольгу и бутылка водки.

– А водка-то зачем? – удивился Леонид.

– Пригодится... – сказала Серафима Васильевна. – Мало ли, замерзнете, да и Лёничке грудь на ночь нужно будет растереть... – и смолкла, вновь собираясь заплакать.

– Мам, мам, не надо! – попросил Леонид и, выключив свет в комнате, подошел к окну.

Пытаясь разглядеть сквозь беспокойный рой мечущихся снежинок, что делается внизу, он прижался носом к стеклу. На фоне темного двора увидеть машину Марии Ивановны, стоящую в самом углу, было нелегко, но засветившиеся тревожным красным светом габариты выдали ее размытые очертания.

«Пора», – подумал Леонид и начал быстро собирать вещи Лёни, намереваясь забрать их с собой. Во-первых, их можно будет высушить и использовать в качестве сменной одежды. Во-вторых (тут Леонид снова поймал себя на том, что начинает ощущать себя участником какой-то шпионской истории), не помешает подстраховаться на случай, если вдруг к ним домой нагрянут с проверкой или даже обыском... Мама может сказать, что он уехал в командировку, и, если ей поверят, это даст им недели две тайм-аута, но если здесь будут найдены вещи Лёни – тут уж охота наверняка пойдет полным ходом – и за ним, и за сыном. Так по крайней мере представлял себе положение дел Леонид, знающий о работе органов в основном по фильмам и книжкам.

Через минуту они с сыном стояли одетые на пороге квартиры.

– Ну все, мы пошли, – сказал Леонид и, наклонившись, обнял и поцеловал Серафиму Васильевну. – Мам, не волнуйся за нас, я постараюсь все просчитать и мы обязательно найдем выход.

– Берегите себя, – сквозь слезы прошептала Серафима Васильевна, на прощание перекрестив его и Лёню. – И позвоните, если сможете...

Нагрузив на себя Лёнин рюкзак и свою спортивную сумку, которая заметно потяжелела после возвращения мамы из кухни, Леонид осторожно открыл входную дверь и прислушался.

На площадке было тихо и, как всегда, темно. Лампочки в их подъезде очень котировались у промышляющего народа, разбирающего их не иначе как на сувениры...

Несмотря на эту смешную в общем-то мысль, Леонид почувствовал легкий холодок, пробежавший по спине, – в этой темноте могли скрываться как их спасение, так и опасность.

Глаза постепенно привыкли к мраку, и скоро Леонид стал различать окружающую обстановку по слабому свету, льющемуся из маленьких окошек на лестничных пролетах. Можно было идти, не рискуя сломать себе ноги. Лифт вызывать они не стали.

Леонид, осторожно ступая, начал медленно спускаться. Лёня едва слышно следовал за ним, лишь его свистящее дыхание раздавалось над ухом Леонида.

Спустившись на первый этаж, Леонид остановил сына и прошептал ему на ухо:

– Ты постой здесь, а я посмотрю, что там у выхода...

Лёня молча кивнул.

Леонид внимательно оглядел тени в углах, ожидая, не шевельнется ли какая из них, и, убедившись, что на площадке никого нет, тихо спустился по оставшемуся пролету к входной двери. Чуть приоткрыв дверь, Леонид выглянул сквозь маленькую щелку наружу.

К подъезду как раз подруливала «шестерка» Марии Ивановны.

Остановив машину, Мария Ивановна, не заглушая двигателя, вышла из-за руля и направилась к подъезду.

Леонид быстро распахнул перед ней дверь, заставив ее испуганно отпрянуть.

– Ну что? – настороженно оглядывая через ее плечо двор, спросил он.

– Вроде все спокойно, – сказала Мария Ивановна. – А вот ты меня напугал: нервы напряжены, думала это уже кто-то из них...

– Спасибо, Мария Ивановна, за все, – сказал Леонид и попросил, обнимая ее на прощание: – Присмотрите за мамой, пожалуйста...

– Не беспокойся, езжайте, а то не ровен час действительно кто-нибудь нагрянет...

Позвав сына, Леонид быстро вышел из подъезда. Сев за руль, он бросил вещи на переднее сиденье и распахнул заднюю дверь.

Дождавшись, когда Лёня заберется в машину, Леонид сказал:

– Тебе лучше лечь... Сделаем вид, что я еду один, да и тебе будет полегче в твоём состоянии.

Лёня молча начал умищаться на сиденье. Леонид подал ему рюкзак:

– На вот, положи под голову. А ноги тебе придется поджать...

Договорить он не успел – в подъезде над их головой вдруг раздался звон бьющегося стекла и женский крик, подхлестнувший Леонида сильнее, чем пистолетный выстрел:

– Лёня-я-я, беги, Лёня-я-я!!!

Леонид рванул с места, резким вывертом руля вписываясь в арку ворот, и заметил бегущую к ним фигуру, размахивающую чем-то в руке.

Лёня, не успевший нормально улечься, скатился на пол и замер между сиденьями.

– Жив? – не сбавляя скорости, крикнул Леонид, моля Бога, чтобы на его пути не оказалось пешеходов или встречных машин.

Выскочив на Греческий проспект, Леонид резко повернул направо, едва не врезавшись в проезжавшую мимо машину. Та, вильнув в сторону, дала Леониду возможность завершить поворот и проехать до перекрестка.

– Жив, а что там случилось? – озабоченно спросил Лёня, поднимаясь с пола.

– Не знаю, но думаю, что нам нужно драпать. Ты сядь пониже и упрись ногами в пол.

Притормозив перед перекрестком, Леонид глянул в зеркало и увидел, как из их двора следом за ними выскочил человек и замахал руками в их сторону. Стоявшая у обочины на другой стороне улицы невзрачная «девятка» тут же рванула с места, развернулась и помчалась за ними, резко набирая скорость.

Эту «девятку» он видел у въезда во двор уже несколько дней подряд. Вот, значит, кого она пасла...

«Плохо дело...» – подумал Леонид и, не дожидаясь зеленого сигнала светофора, свернул направо и помчался по завьюженной и колдобистой улице Некрасова, инстинктивно вжимая в пол педаль газа.

Свернув на улицу Маяковского и глядя в зеркало, как «девятка», показавшись из-за перекрестка, неумолимо настигает, повторяя все их маневры, Леонид пытался просчитать, что сейчас сидящий в ней человек будет делать: пойдет на обгон и вынудит их остановиться или, как показывают в боевиках, будет подрезать и таранить? Или, может, вообще вытащит базуку и пальнет по ним...

Несмотря на тревогу за сына, Леонида вдруг охватил азарт, который приходил к нему нечасто и в самые неподходящие моменты.

Предупредив сына, чтобы тот крепче держался, Леонид с криком: «Гады немцы!», – не показывая поворота, резко повернул влево в Манежный переулок, а потом тут же крутанул руль вправо, влетая в махонький переулочек Радищева, ведущий к улице Салтыкова-Щедрина.

Сзади раздался визг тормозов – преследующая их «девятка» с разгону проскочила поворот и теперь возвращалась к нему задним ходом.

Леонид прибавил газу и, выскочив на Салтыкова-Щедрина, рванул на другую сторону улицы перед носом отчаянно затормозившего грузовика и, повернув влево, понесся к пере-

крестку с Литейным проспектом. Под уже мигавший зеленый свет светофора Леонид быстро повернул направо, в сторону Литейного моста, и успел заметить, как позади, из переулка, появилась преследовавшая их «девятка».

«Интересно, он успел заметить, куда мы поехали?» – подумал Леонид, врубая полную скорость и мчась по направлению к мосту, благо на проспекте было свободно.

Заметив стоявшего у Большого дома одинокого гаишника, или «гибона», как их стали называть после переименования ГАИ в ГИБДД, Леонид вынужден был снизить скорость.

«Только бы он нас не остановил!» – взмолился он про себя, сосредоточенно глядя на дорогу.

Но «гибон» лишь равнодушно проводил их взглядом, пряча в воротник обожженное морозным ветром лицо.

«Дай Бог тебе здоровья и чтобы на бананы всегда хватало!» – мысленно поблагодарил его Леонид, въезжая на мост.

– Милиционер останавливает ту машину, – послышался сзади голос Лёни. – О! А он не остановился... гонится за нами...

– Не высовывайся! – прикрикнул на него Леонид, прибавляя газу.

Они съехали с моста и помчались по улице Академика Лебедева к повороту на Лесной проспект, при этом чуть не оторвав подвески на трамвайных рельсах при переезде Боткинской улицы.

Нужно было срочно отрываться, иначе их побег терял смысл...

«Дороги, черт бы их побрал!» – с досадой думал Леонид, жалея машину Марии Ивановны, подпрыгивающую на ухабах, когда Леонид лавировал, уворачиваясь от ям и выезжая на трамвайные пути.

Впереди уже виднелась станция метро «Выборгская», как вдруг со стороны Гренадерской улицы выехал старенький «москвич» и медленно потащился впереди них прямо посередине дороги.

Леонид, прижавшись к обочине, обогнал «москвич», и понесся дальше, поглядывая время от времени в зеркало заднего вида.

«Девятка», от которой они немного оторвались на Литейном, уже вновь настигала их, яростно сигналив оказавшемуся между ними «москвичу».

Водитель «москвича», то ли занервничав, то ли разозлившись, резко дал по тормозам, его машину потащило юзом по присыпанному снегом гололеду. Поелозив по шоссе, «москвич» наконец остановился, встав боком и перегородив дорогу.

«Девятка», которой некуда было деваться, со всего маха въехала носом в зад «москвича». Раздался характерный звук удара столкнувшихся машин, они отлетели друг от друга и, крутанувшись вокруг своей оси, остановились: одна – уткнувшись носом в тротуар, другая – развернувшись задом к движению.

Леонид, сбавив скорость, оглянулся.

– Что там такое? – послышался голос Лёни, который послушно распластался на заднем сиденье.

– Доездили наш голубок, – улыбаясь, прокомментировал аварию Леонид и вдруг заорал: – Ложись! – и тут же рывком послал машину вперед, резко набирая скорость.

Сзади раздались какие-то хлопки, потом треск и шорох осыпающегося стекла. Одновременно с этим ошеломленный Леонид увидел, как на лобовом стекле, прямо перед ним, вдруг появились одна за другой две аккуратные дырочки, от которых тут же побежали радиальные трещинки. В салоне моментально похолодало.

Проскочив поворот под железнодорожным мостом, Леонид, резко затормозив, остановил машину и оглянулся.

Заднего стекла практически не было, а Лёня, зажмурившись и закрыв голову руками, неподвижно лежал на сиденье под грудой стеклянных квадратиков, казавшихся под светом фонарей россыпью сверкающих льдинок.

– Лёня, тебя не ранило?! – Леонид выскочил из-за руля и, бросившись к задней дверце, распахнул ее, замирая от страха за сына.

Мальчик нерешительно открыл глаза и пошевелился.

– Что это было? – спросил он, покосившись на рассыпавшееся по его груди стекло.

– Ты не поверишь, но в нас стреляли! – не стал скрывать от него правды Леонид. – Ты можешь встать? Быстренько перебирайся ко мне на переднее сиденье, нам нужно срочно мотать отсюда.

Он помог сыну выбраться из машины, стряхнул с него оставшуюся стеклянную крошку, а потом подтолкнул к дверце:

– Забирайся скорее!

«Да, все это уже становится более чем серьезно!» – потрясенно думал Леонид, отъезжая и пытаясь сдержать нервную дрожь в руках. У него так и стояла перед глазами картина, когда из отброшенной в сторону «девятки» выскочил человек и остановился, вытянув руку в их направлении. В Леонида никогда раньше не стреляли, но по позе человека он сразу понял, что сейчас последует, и рванул что было мочи, пытаясь скрыться за поворотом. Но немного не успел... Счастье, что сына не задело! В какую же историю они влипли?!

Глянув на часы, Леонид удивился, что у них до встречи с Сергеем еще остается пятнадцать минут, а ему казалось, что прошло не меньше часа и они безнадежно опаздывают.

Пролетев Лесной и 1-й Мушинский проспекты за несколько минут, Леонид повернул еще под один железнодорожный мост и выехал на Политехническую улицу.

Поглядывая в зеркало, он следил за дорогой, но не заметил больше никаких машин, которые бы их преследовали, – видимо, «девятка» застряла на месте аварии.

«Кажется, оторвались», – с облегчением подумал Леонид и посмотрел на Лёню.

Тот, нахохлившись и спрятав подбородок в воротник меховой куртки, сидел, сосредоточенно глядя на дорогу. Почувствовав взгляд отца, он повернул к нему голову и вдруг неожиданно улыбнулся.

Леонид невольно улыбнулся ему в ответ:

– Ну что, испугался?

– Еще как! – признался Лёня. – Хотя сначала даже не поверил, что такое может быть.

– Мне тоже не верится! – согласился Леонид и задумчиво добавил: – Кто-то очень чего-то боится... А ты, случайно, ничего больше не привез оттуда?..

– Ничего, только письмо и себя... – покачав головой, ответил Лёня.

Леонид машинально похлопал себя по карману куртки, в котором лежало второе, запечатанное письмо, и поежился то ли от нервного озноба, то ли просто от холода: поступавший через разбитое заднее стекло морозный воздух мигом выстудил машину, сравнив температуру в салоне с «температурой за бортом».

«Хорошо, что у Марии Ивановны спереди триплекс стоит, если бы калёнка была, как сзади, не представляю, как бы мы сейчас ехали...» – подумал Леонид, поглядев в зеркало назад, где вместо стекла теперь осталась только рама, ошестинившаяся осколками.

Чтобы не особо светиться на широком проспекте Мориса Тореза, Леонид решил проехать по Политехнической до улицы Курчатова и задворками выехать к Сосновскому парку.

Оставшийся путь они преодолели без приключений.

Уже подъезжая к тир, Леонид увидел стоящий у обочины джип Сергея. В машине никого не было.

Притормозив у входа в тир, Леонид два раза посигналил. Дверь тут же распахнулась и на пороге появился Сергей.

С недоумением посмотрев на незнакомую ему «шестерку», он нахмурился, но, разглядев машущего ему из машины Леонида, ответно махнул рукой и пошел к ним.

Леонид открыл дверцу и протянул руку:

– Привет, Серёга! Куда можно поставить машину, чтобы ее не было видно?

– Привет, Лёнька! – поздоровался Сергей и спросил, улыбаясь: – Что стряслось у нашего боевого и задиристого бухгалтера? Переквалифицировался на угон машин, что ли? – Заглянув в салон и заметив Лёню, он рассмеялся: – Да еще и с напарником?..

Несмотря на то что Леонид давно имел свою аудиторскую фирму, Сергей продолжал называть его бухгалтером и подтрунивал над его профессией, считая бухгалтерию тихим женским занятием. Впрочем, его ирония никогда не была обидной, хотя Сергей и пытался уже несколько лет привить Леониду какое-нибудь мужское, на его взгляд, хобби. Леонид пассивно сопротивлялся, выполняя все пожелания Сергея так, что тот через какое-то время махал на него рукой. В итоге из всех «мужских занятий», предложенных Леониду, остались еженедельные походы на лыжах и тренировки в фитнес-центре с баней, которые Леонид посещал более или менее регулярно. Сергей бы не преминул «подколоть» друга, если бы узнал, что Леонид тайно от всех предается еще одной, оставшейся от бухгалтерских времен, страсти – разработке различных финансовых схем и ситуаций, которые он сам же и распутывал. Более того, эти схемы у него оживлялись и воплощались на страницах его романа, который он начал писать лет пять назад. Роман этот имел недвусмысленное название «Похождения бухгалтера», и его героем выступал он сам, только наделенный всяческими мужскими умениями и талантами и совершающий массу не только финансовых, но и реальных подвигов. Кстати, кое-какие схемы, успешно работавшие в его романе, не менее успешно были воплощены в жизни некоторыми заинтересовавшимися клиентами Леонида, что существенно пополнило и его личный бюджет...

И сейчас, глядя на Сергея, Леонид ловил себя на мысли, что реальная жизнь и его роман еще больше начали смещаться по отношению друг к другу, а где-то уже даже сливаясь.

«Дописался! – подумал он. – Напридумывал на свою голову приключений, вот они и явились... Вы песен хотели – их есть у меня!»

Тем временем Сергей обвел взглядом «шестерку» Марии Ивановны и вдруг заметил выкрошившееся заднее стекло. Оборвав смех, он перевел сразу ставший серьезным взгляд на Леонида, потом на лобовое стекло и снова на Леонида.

– Я вижу, у тебя действительно проблемы, – тихо сказал он. – Давай ключи и быстро пересаживайся в мою машину.

Дважды приглашать Леонида было не нужно.

Забрав вещи из промерзшей и покалеченной «шестерки», они вместе с сыном забрались в Серёгин джип, в котором было тепло, – видимо, Сергей приехал незадолго до них.

Сам Сергей, избежав по ступенькам, ушел в тир и вернулся через минуту с каким-то парнем, которому он, видимо, приказал отогнать «шестерку» к стоявшим поодаль гаражам.

Подойдя к своей машине, Сергей сел за руль, завел двигатель и выехал на Северный проспект, направляясь в сторону Выборгского шоссе.

– Куда ты нас везешь? – спросил его Леонид.

– Подальше отсюда... – коротко ответил Сергей, а потом настороженно поинтересовался: – Лёнька, за вами что, гнались?

– Гнались, но не беспокойся – я оторвался на Лесном, – ответил тот, напуская на себя бывалый вид.

– А тачка чья? Угнали?

– Да ты что! Соседка одолжила! – возмутился Леонид.

– Ладно-ладно, на месте расскажешь, – сказал Сергей и замолчал.

Леонид тоже молча уставился вперед.

«Надо же, как все может мгновенно измениться! – думал он про себя. От его первоначального азарта не осталось и следа: его мигом выдуло в две дырочки в лобовом стекле... – Еще на прошлой неделе Сосновка была для меня лишь местом отдыха, где мы с Серёгой гоняли на лыжах, а теперь... Никогда не предполагал, что буду здесь скрываться... Серёга тоже дает: какой из меня, к черту, угонщик! Нет, бред какой-то, фантастика...»

Выехав на Выборгское шоссе, Сергей свернул направо, проехал немного и притормозил у обочины недалеко от бензозаправки. Вытащив из кармана мобильник, он набрал номер и с кем-то коротко переговорил. Леонид ничего не понял из его разговора, хотя и внимательно прислушивался. Он впервые видел друга в деле.

Подружившись с Сергеем Ноговицыным в восьмом классе, Леонид поддерживал с ним отношения все эти годы, хотя после школы судьба их на некоторое время разбросала.

Леонид тогда сразу же поступил в Финансово-экономический институт, а Сергей, работав полтора года автослесарем, ушел в армию. Год отслужив, он неожиданно подал документы в военное училище, после окончания которого его загнали куда-то на север Казахстана, на реку Ишим. А еще через несколько месяцев ему предложили перейти на службу в ГРУ. Он согласился и пропал на два года, проходя обучение в учебном лагере где-то в Подмосковье. В 1985 году его командировали в Афганистан, где он служил до самого вывода оттуда советских войск. А после этого произошла какая-то непонятная история. Его неожиданно уволили из ГРУ и направили по основной специальности в танковую учебную часть в поселок Сертолово, где у него началась полоса неприятностей, завершившаяся грандиозным скандалом, поставившим крест на его военной карьере. Дело в том, что Сергей на новом месте службы от одиночества и затаенной обиды запил по-черному и однажды по пьянке устроил концерт «ночных серенад» под окном приглянувшейся ему девушки. Суровый отец девушки не оценил его замечательных вокальных данных и вызвал милицию, приехавшую на удивление быстро. Милиционеры, увидев подвыпившего и распевающего во все горло офицера, сначала попытались утихомирить его по-хорошему. Но пьяный и добродушный Сергей продолжал горланить о Марселите, вызывая ее срочно на балкон, и, не понимая «чего от него мужикам нужно», ласково отпихивал милиционеров от себя. При очередном его тычке один из них, молодой сержант, неожиданно отлетел в сторону и очень неудачно приземлился, изрядно приложившись к земле копчиком. После этого Сергея, естественно, уже не церемонясь, скрутили и отвезли в кутузку. Потом был процесс, в результате которого Сергея скоропалительно выдворили из рядов доблестных Вооруженных сил за «дискредитацию высокого воинского звания».

Вернувшись в Питер к родителям, Сергей завязал с пьянкой, устроился в охранную контору к своему другу, через год женился на Нине, девушке, из-за которой тогда загремел в милицию, а еще через два года открыл свою собственную охранную фирму.

Дела его неожиданно пошли в гору, фирма приобрела известность в городе. Однако это привлекло внимание не только потенциальных клиентов, но и налоговой инспекции, начавшей слишком часто напоминать ему о том, что «Бог велел делиться»...

Налоги Сергей платил исправно и делиться сверх положенного по закону не считал нужным, но у налоговой инспекции, как известно, существовал свой негласный закон: прав, не прав, а штраф начислить – повод всегда найдется! И как-то раз начислили... Сергей платить отказался, начались разборки, суды... Засуживать у нас умеют, и «наказали» бы Сергея на немалую сумму, если бы не Леонид с его знаниями и аудиторской фирмой. Короче говоря, процесс они выиграли. Сергей был Леониду за это очень благодарен, услугу его не забыл и впредь всегда с ним советовался при возникновении непростых ситуаций. Сам же Леонид даже не представлял, что ему когда-нибудь тоже пригодится профессиональная помощь Сергея...

Глядя сейчас на спокойное лицо друга, Леонид вдруг почувствовал, что за этим внешним спокойствием скрываются напряжение и готовность к действию.

– Поедем ко мне на дачу, там сможем спокойно все обсудить, – сказал Сергей, вновь заводя машину.

– Ты имеешь в виду Осиновую Рощу? – спросил Леонид.

– Да, тут нам минут десять езды. Погода, правда, шепчет... Но ничего, скоро доедем, – ответил Сергей. – Зато там в нас никто стрелять не будет...

– Хорошо бы, ощущение не из приятных, – признался Леонид.

– Да уж... – согласился Сергей, серьезно глянув на него из-под бровей.

Несмотря на усиливающуюся снежную завируху, дорога действительно не заняла много времени. Добравшись до Осиновой Рощи, они пронеслись по ней, не снижая скорости, и, свернув в одну из последних улиц, подъехали к высокому и длинному забору.

Остановившись перед железными воротами, Сергей нетерпеливо посигналил. Ворота тут же плавно поползли вбок, а из-за них выглянул мужчина в военном полушубке и валенках.

– Это Николай Степанович, – сказал Сергей, заезжая в ворота. – Подполковник в отставке, полгода назад комиссовали по здоровью. Никому на фиг теперь не нужен, ни семьи, ни дома. Я его недавно к себе забрал, работает и живет здесь, пока идет стройка.

– Я смотрю, у тебя тут дела серьезно продвигаются, – сказал Леонид, разглядывая через стекло большой дом.

– Да, дом уже закончили, обживаем теперь, – подтвердил Сергей, въезжая в открытые двери гаража, расположенного под верандой дома. – Осталось мастерскую и сарай закончить. Да еще Нинок загорелась оранжерею соорудить, в последнее время она очень цветами увлеклась. – Лицо его при упоминании жены просветлело, и Леонид подумал, что Сергею удалось найти свое счастье – он очень любил свою жену, и та отвечала ему взаимностью.

– Как там твой тесть поживает? – улыбаясь, спросил Леонид, вспоминая, как тот сдал Сергея в милицию, подведя этим черту под его военной карьерой.

– Обещает нам, недорезанным буржуям, что народ скоро воспрянет ото сна и покажет кузькину мать! Железный старик... – рассмеялся Сергей. – Умрет – жалко будет, таких искренних идейных мамонтов немного осталось... Ну все, мужики, вылезаем, приехали!

Леонид с сыном вышли из машины и, забрав свои вещи, направились за Сергеем в дом.

Раздевшись в просторной прихожей, они прошли в гостиную.

В комнате было тепло и уютно. Бревенчатые стены, ничем не обшитые, придавали дому деревенский колорит, хотя мебель и другие предметы в нем были современными и могли стоять в любой городской квартире.

У задней стены в камине потрескивали дрова.

Сергей присел перед камином на корточки и, протянув руки к огню, предложил:

– Мужики, располагайтесь! Лёнька, не пора ли тебе представить молодого человека? Кто это?

– Серёга, знакомься: это мой сын – Лёня, – ответил Леонид, обнимая сына за плечи.

Сергей встал и, переводя ошарашенный взгляд с Леонида на мальчика, недоверчиво спросил:

– Заливаешь?..

– Нет, он правду говорит, – ответил за Леонида Лёня и застенчиво посмотрел на отца.

– Никак в «капусте» его нашел? Даром, что ли, бухгалтер! – рассмеялся Сергей, хлопнув Леонида по плечу. – Да, сегодня явно день открытий!.. Ну что ж, Лёня, давай знакомиться, я – дядя Серёжа, друг твоего отца еще со школьной скамьи. – И он протянул мальчику руку.

Лёня серьезно пожал ее.

– Э, брат, а чего это ты такой горячий? – озабоченно спросил Сергей, ощупывая его руку.

– Да, Серёга, ему бы лечь нужно, он болен, – сказал Леонид и, потрогав лоб Лёни, расстроился – температура у того опять подскочила.

– Плохо тебе? – тихо спросил он.

– Да, как-то не очень... – признался Лёня.

– Сейчас мы тебя устроим, – решительно сказал Сергей и, выходя из комнаты, бросил на Леонида удивленно-восхищенный взгляд.

– Посиди пока, – предложил Леонид, указав сыну на диван, а сам полез в сумку за пакетом с лекарствами.

Сергей вернулся через несколько минут с одеялом и подушкой.

– В других комнатах еще холодно, придется тебе, Лёня, полежать здесь, пока они не прогреются, – сказал он, укладывая на диван принесенные вещи, и, повернувшись к Леониду, спросил: – А что с ним, может, врача вызвать?

– Пока не надо, нам все необходимое уже дали, – ответил Леонид, вынимая из пакета антигриппин и жаропонижающее. – Воды нужно.

– Вон, на столе, в кувшине, а ты, Лёня, ложись, – сказал Сергей.

Мальчик, скинув ботинки, лег на диван. Леонид укрыл его одеялом и отошел к столу за водой.

В этот момент за дверью послышались шаги, и в комнату заглянул Николай Степанович:

– Сергей Вадимович, вам что-нибудь нужно? Самовар я уже поставил, может, баню затопить?

– А может, действительно, попаримся? – спросил Сергей, поворачиваясь к Леониду. – Лёне при температуре нельзя, а тебе-то стресс снять не мешает, а?

Леонид согласно кивнул, и Сергей обернулся к стоящему на пороге Николаю Степановичу:

– Затопите баньку, Николай Степанович, и веничков наших фирменных запарьте, пожалуйста.

– Сей момент! – козырнул Николай Степанович и вышел.

– Вы есть не хотите? – спросил Сергей у Леонида.

– Нет, спасибо, мы поели перед отъездом, – ответил Леонид.

– Ну, тогда рассказывай, что у тебя там стряслось, – потребовал Сергей, садясь в кресло у камина.

Леонид хлопнул себя по нагрудному карману и, вспомнив, что забыл вытащить письмо Есенин из куртки, вышел в прихожую.

Вернувшись, он протянул Сергею записку Есенин, а толстый конверт начал вскрывать сам.

Сергей прочел записку и поднял озабоченный взгляд на Леонида:

– А письмо ты еще не читал?

– Пока нет, вот как раз сейчас собираюсь, – ответил Леонид, отрывая край конверта.

– Только сначала объясни, чтобы я понял, – остановил его Сергей, – что это вообще за «разлучная» история произошла у тебя пятнадцать лет назад и почему я об этом ничего не знаю?

– Ты тогда служил в Казахстане, а я находился в таком состоянии, что писать об этом не мог, да и потом старался лишний раз не вспоминать об этом, – ответил Леонид и, сев в кресло напротив Сергея, принялся подробно рассказывать ему о тех давних событиях.

Лёня, лежа на диване, тоже внимательно слушал.

– Лёнька, но в этом деле было столько узких мест! – воскликнул Сергей, когда Леонид кончил свой рассказ. – Как ты этого не увидел? Почему не пошел на биофак разузнать о жизни их студентки? У тебя ведь была ее фотография. Даже если бы органы заставили молчать о ней администрацию, то студентам вряд ли бы рты заткнули. Да и в клинику нелишне было заглянуть.

– Не трави душу, – попросил Леонид. – Я после того, как увидел на фотографии ее обгоревшее тело, ни о чем думать не мог. Видишь ли, есть у меня в жизни одна особенность –

мне ничего не достается легко или просто так. Более того, когда мне кто-то начинает очень нравиться или становится дорог, так это у меня обязательно через какое-то время отнимают. Потому я и старался ни к кому сильно не привязываться. И когда мне сказали, что Есения погибла, я даже не усомнился, что у меня ее попросту отняли, уж слишком у нас все было хорошо... Я посчитал, что это все тот же проклятый рок, довлеющий надо мной. Мне и в голову не могло прийти, что все это было инсценировано.

– Ну допустим, – согласился Сергей, – хотя объяснение какое-то мистическое, а я в судьбу и прочие такие вещи не верю. Ну ладно, давай посмотрим письмо.

Леонид вытащил из конверта несколько сложенных вчетверо листочков и начал читать вслух:

«Леонид Ярославович, надеюсь, что это письмо Вы читаете, находясь вместе с нашим сыном в безопасном месте.

Я не знаю, как Вы живете, не знаю, женаты ли Вы и есть ли у Вас другие дети... Если да, то передайте им мои извинения, но примите Лёню под свой кров и защиту, он сейчас в Вас очень нуждается. Со мной оставаться ему уже небезопасно – я не знаю, что меня ждет в ближайшем будущем, и не хочу оставлять нашего мальчика заложником у этих бездушных монстров, называющих себя учеными...

В 1983 году меня забрали прямо на вокзале.

Телеграмма, которую мы дали тогда моим «родителям», вывела «кураторов» прямо на меня. Какая я была наивная, думая, что информация, неожиданно обнаруженная мной в тот злополучный день, была шокирующей только лично для меня. Мне потом популярно объяснили, что я чуть не выдала важнейшую государственную тайну и что сама являюсь частью этой тайны.

Меня перевезли сначала в Новосибирск, а потом куда-то в тайгу на секретный научный объект, замаскированный под золотonosный рудник, где я и провела все эти годы вместе с нашим сыном.

На этом объекте, который представляет собой огромный научно-исследовательский комплекс, еще с конца тридцатых годов проводятся закрытые и очень серьезные генетические исследования. Здесь сделаны открытия такого уровня, которые давно опередили все современные мировые достижения в этой области.

Работники комплекса, а здесь собрано немало выдающихся голов, читая научные журналы, улыбаются над восторгами вокруг достижений западных ученых... Да это и неудивительно, ведь в нашем комплексе еще в брежневские времена был полностью расшифрован геном человека, в то время как мировые ученые планируют завершить эту работу только к 2003 году⁷. Здесь же был разработан и впервые успешно осуществлен метод клонирования животных и человека. Расшифровка генома человека позволила здешним специалистам создать технологии по выращиванию человеческих органов и тканей со стопроцентной приживаемостью, более того, ими был создан ГУС – гормон

---

⁷ Через два года после описываемых в романе событий, а именно 7 апреля 2000 года, СМИ сообщили сенсационную новость о том, что американские ученые полностью расшифровали геном человека. Но было ли это их «национальным достижением» или плодом «притекших» к ним «мозгов» (а то и проданной информации), останется неизвестным и никогда не доказанным... – Н. С.

ускоренного созревания, позволяющий дорастивать детей в считанные годы до стадии "Z", т. е. до взрослого физического состояния.

В настоящий момент в комплексе работают над созданием методики выращивания и последующей трансплантации сетчатки и роговицы глаз, а также клеток спинного и головного мозга. Для остального мира это запредельная фантастика. Если бы я сама не принимала участие в этих разработках, то никогда бы не поверила в их возможность на данный момент. Так что, несмотря на все мое подневольное положение, я получила здесь потрясающее образование и интереснейшую работу. Казалось бы, я должна гордиться своей страной, но то, что мне пришлось здесь вынести, то, что у меня было отнято, задушило все мои патриотические чувства.

Комплекс в целом финансируется из закрытых правительственных источников и работает на ППРГСН – Правительственную программу репродуктивной генетики стратегического назначения под символичным названием «КЛОНдайк». Это название символизирует не только работу по клонированию, но и то, что официальным прикрытием нашего комплекса является большой золотиносный рудник «Озёрный», эдакий сибирский Клондайк.

В комплексе содержится огромный генный архив жителей нашей страны. Пополняется он довольно просто: каждый человек хотя бы раз в жизни сдает анализ крови, а для генетических исследований и получения полной генетической картины достаточно нескольких кубиков крови, клетки которой для подобной работы наиболее удобны, поскольку малые лимфоциты представляют собой клетку, состоящую из большого ядра, окруженного тонким слоем оболочки. Удалить эту оболочку и получить чистый ядерный материал гораздо легче, чем, образно говоря, «выковыривать» его из других, более «толстостенных» соматических клеток, как это сделали доктор Вильмут с коллегами из Рослинского института, где в 1996 году был получен клон овечки по имени Долли.

Все работы в комплексе проводятся на новейшем и самом современном оборудовании, которое мы получаем из Великобритании и США за счет бартерной реализации выращенных органов и тканей для их последующей трансплантации больным людям в западных клиниках.

Что касается клонирования, то эта работа ведется в комплексе давно. Оказывается, я тоже была «создана» здесь, так что можно сказать, что меня вернули на «родину».

В комплексе существует целый зоопарк клонированных животных, причем уже не первого и даже не второго поколения. А в медицинско-клиническом отделении лежит в коме человек, тоже, как и я, клон первой волны, которому скоро исполнится тридцать восемь лет. Говорят, что еще до Гагарина в космос летал тоже не обычный человек.

Нынешних клонов, как изначально повелось, вынашивают женщины, ранее содержащиеся в ИТК за совершение тяжких преступлений».

– Пальцем деланные дети... – вдруг сказал Сергей.

– Что, прости? – поднял на него удивленные глаза Леонид, отчеркнув ногтем строку, на которой он остановился.

– Говорю: пальцем деланные дети, – тихо повторил Сергей, покосившись на Лёню, который уже спал. – Так называют детей, рожденных ээчками на зоне для облегчения своего поло-

жения. Они добывают сперму, вводят себе куда надо и забеременивают. Известно, что такое делали и на воле те бабы, которых никто не хотел...

– Ну и ну... – растерянно протянул Леонид и, помедлив, принялся читать дальше:

«Они играют роль лишь инкубаторов, поскольку их клетки не задействуются в экспериментах: уже точно известно, что „преступные“ гены передаются вынашиваемым детям. Думаю, что в будущем возникнет положение, когда работодатели будут подбирать сотрудников для своих фирм на основе генетического скрининга, который позволит им достаточно точно прогнозировать, чего можно ожидать от человека в плане здоровья и даже социального поведения.

После рождения детей-клонов в комплексе их всесторонне исследуют. Часть детей используют в военных и космических программах. Некоторые предназначены для социальных экспериментов – их внедряют в семьи или детские дома. А на большинстве проводят сложнейшие медицинские опыты, – в частности, испытывают на них различные препараты, ведь клоны с точки зрения большой научной политики не совсем люди, а лишь материал, созданный в ходе исследовательской работы и идеальный для подобного рода экспериментов. Кроме этого, с помощью ГУСа здесь выращивались клоны видных партийных деятелей, которых впоследствии использовали в качестве их двойников.

Я помню, как у нас однажды создали клона одного известного политического лидера. После доращивания его до стадии "Z", он был куда-то увезен, а через некоторое время стало известно, что этот лидер покончил с собой, застрелившись. Думаю, что на самом деле вместо него погиб наш несчастный клон, а его оригинал, наверное, играет сейчас в теннис или гольф в какой-нибудь жаркой стране».

– Ни хрена себе! – воскликнул Сергей. – А у нас ведь не одна «шишка» покончила с собой... Слушай, да при таком раскладе можно совершить подмену любого человека. Я не удивлюсь, если узнаю, что эти архаровцы готовили подмены людей не только в нашей стране... Ты представляешь, что это значит?!

– Но если этих клонов, как выразилась Есения, «доращивают» до взрослого состояния при помощи каких-то гормонов, то у них даже при зрелом строении тела наверняка остается детское сознание. Думаю, что их тут же бы вычислили по странному поведению, – возразил Леонид.

– А как насчет мексикано-аргентинских сериалов? – ехидно спросил Сергей.

– При чем тут сериалы? – удивился Леонид.

– Я имею в виду случаи вялотекущей мексиканской амнезии, в смысле, что их киногерои постоянно теряют память... Намек ясен? А если человек в возрасте, то странность поведения можно списать еще и на маразм...

– Ладно, Серёга, давай, дочитаем письмо, а потом поговорим, – предложил Леонид и продолжил:

«Когда меня сюда привезли, то после рождения Лёни меня постоянно подвергали различным исследованиям и экспериментам, измучив в попытках получить клона второго поколения. Лишь восемь лет назад, после нескольких неудач, меня оставили в покое и благодаря моему образованию подключили к

работе в одной из лабораторий комплекса. Наверное, это сыграло свою роль и в том, что Лёню оставили со мной. А вот своих нареченных родителей я больше так никогда и не увидела.

В общем-то живем мы неплохо, бытовые условия в комплексе ничем не уступают городским. И место здесь, кстати, уникальное: поселок расположен в долине, окруженной высокими сопками, когда-то бывшими стенками кратера древнейшего вулкана. Посреди долины находится никогда не замерзающее озеро, которое во время крепких морозов очень сильно парит, накрывая облачным покровом всю долину. Вряд ли кто-нибудь заподозрит, что это озеро, питаемое подземными ключами, скрывает под собой основную часть лабораторий комплекса и хранилище генофонда. Кроме того, вода из озера используется в отопительной системе комплекса, потому и не замерзает зимой. А в экстренных случаях ее смогут использовать для затопления объекта...

За озером, с внутренней стороны сопки Кольчужной находится тот самый золотиносный рудник-прикрытие. И рудник, и комплекс начали строиться еще сталинскими политзаключенными в конце тридцатых годов.

Наверное, жить и работать здесь можно было бы и дальше, с жестким режимом контроля я уже давно смирилась, но вдруг две недели назад руководитель нашего комплекса, член-корреспондент Российской академии наук Граховский Генрих Модестович, опять начал готовить меня к рождению клона второго поколения. И теперь я очень боюсь, что со мной может что-нибудь случиться или меня куда-нибудь переведут. Как при этом поступят с Лёней и что с ним тут сделают, один Бог ведает. Поэтому я и решила отправить его к Вам. Кто мне помог организовать его побег, я писать не буду, вдруг письмо попадет не в те руки. Лёня Вам сам все расскажет.

Я надеюсь, что Вы примете его, ведь Вы все-таки его отец, и я верю, что Вы сможете защитить его.

Я прощаюсь с вами обоими, у меня не осталось никакой надежды на свободную человеческую жизнь, так пусть эта жизнь будет хотя бы у нашего мальчика. Берегите его, умоляю Вас!

Искренне Ваша, Есения».

Последняя страница письма была адресована Лёне. Леонид, не читая, положил ее рядом с разметавшимся во сне сыном и, вернувшись к Сергею, сел, закрыв лицо руками.

– Ну и в историю ты влип, Лёнька... – тихо заметил Сергей. – Когда она это написала? Леонид покачал головой:

– Не знаю, я еще не успел поговорить с Лёней, пришлось из дома срочно удирать. Завтра расспрошу подробно.

В этот момент в дверь постучал Николай Степанович:

– Сергей Вадимович, баня почти готова, собирайтесь.

– Ладно, Лёнька, пошли, в бане продолжим, – сказал Сергей, вставая. – Николай Степанович, побудьте с вьюношем, он тут решил приболеть, так посмотрите, чтобы не очень увлекся с этим делом, мы в бане сами справимся.

– Лёня, тебе ничего не нужно? – спросил Леонид, подходя к сыну, который вдруг открыл глаза.

Мальчик отрицательно покачал головой.

– Ну тогда постарайся еще поспать, после сна всегда легче, когда болеешь, а тебе сейчас отдых просто необходим.

– Хорошо, – сказал Лёня и прикрыл глаза.

Через несколько минут Сергей и Леонид уже сидели голые на полке парилки.

– Ну и что ты теперь намерен делать? – вернулся к прерванному разговору Сергей. – Лёню будут искать. О тебе им тоже наверняка все известно... Вам постараются перекрыть кислород.

– Вот поэтому, Серёга, я тебе и позвонил, – сказал Леонид. – У меня в голове такой сумбур, что я пока не знаю, что нужно предпринять. Одно могу сказать точно: я хочу забрать у них Есению...

– Как ты себе это представляешь? – нахмурился Сергей. – Так они тебе ее и отдали!

– Я не знаю, как я это сделаю, но думаю, что мне нужно ехать в Сибирь и все на месте разведать.

Сергей скептически посмотрел на него.

– А тебя хотел попросить позаботиться о Лёне, пока я буду в отъезде, – продолжил Леонид, не обращая внимания на скептический взгляд Сергея. – Лучше тебя этого никто не делает.

– Ну, это само собой, сделаю все, как надо! – заверил тот и тут же принялся отговаривать его: – Но, Лёнька, куда тебе ехать?! Опыта у тебя в таких делах никакого. Пропадешь ведь, это не циферки в кабинете выводить... С ФСБ связываться – себе дороже выйдет! Да и Сибирь тоже не курорт, тем более сейчас – зимой. А вдруг с тобой что-нибудь случится? Я себе потом не прошу, что отпустил тебя на верную гибель...

– Не надо хоронить меня раньше времени! – насупившись, перебил его Леонид. – Чай, не маленький, доеду! Ты, главное, Лёню береги!

– Доехать-то ты доедешь, а там-то что? – настаивал на своем Сергей. – Безумие какое-то! Ну, как ты, бухгалтер, сможешь выкрасть человека с хорошо охраняемого секретного объекта?! Ну, подумай сам!

– Серёга, прошу – не разубеждай меня! – попросил Леонид. – Я уже все решил! Неужели ты не понимаешь, что я не смогу спокойно жить, зная, что Есения жива, а я ничего не сделал для ее освобождения! Я хочу вернуть ее... Не знаю, сколько нам еще осталось, но она была единственной женщиной, с которой я хотел связать свою жизнь.

– Лёнька, прошло пятнадцать лет! – напомнил ему Сергей. – Вы можете друг друга даже не узнать! О каком связывании ты говоришь?

– Я узнаю ее! – упрямо ответил Леонид. – Я сына узнал по ее глазам! К тому же через него мы уже связаны и, почитай, никогда не расставались...

– Ну что за мелодраматические нюни! – рассердился Сергей. – Лёнька, ты можешь погубить и себя, и сына! Если за ним идут те самые ребята, если они настроены серьезно, то это может плохо кончиться, как ты этого не понимаешь? Тебе судьба подарила сына, так забирай его, зляг где-нибудь, береги, расти его и радуйся. Документы надежные мы тебе выправим.

– Лёне нужна мать, – тихо сказал Леонид. – Он вида не подает, но переживает за нее очень, я же вижу! Как я ему в глаза смотреть буду, радуясь в каком-то укромном месте, в то время как она там страдает? Ты не забывай, что она даже не знает, добрался ли Лёня до меня или нет, схватили его или нет! Неизвестность – тяжелое испытание, поверь мне, я через это уже прошел пятнадцать лет назад. И потом, мы же не можем вечно прятаться! Только разобравшись с ситуацией вокруг Есении, можно будет вернуться к нормальной жизни. Так что не отговаривай меня, а лучше помоги советом.

Сергей вздохнул и сказал:

– Пока я тебе ничего посоветовать не могу, но я подумаю... Боюсь только, что денег на улаживание всех этих дел потребуется немерено.

– Об этом не беспокойся, деньги у меня есть, – сказал Леонид. – Я взял с собой восемьдесят тысяч... Долларов, естественно.

– Это хорошо... Ладно, утро вечера мудренее, завтра будем принимать окончательное решение. А сейчас давай париться, – сказал Сергей, вытаскивая из бадейки распаренный веник.

Напарившись и окатившись напоследок ледяной водой, они вернулись в дом.

Николай Степанович сидел за столом и читал книгу, а Лёня тихонько посапывал во сне на диване.

– Температура у него спала, – шепотом сказал Николай Степанович. – Я ему, как вы ушли, чайку с малиной дал.

– Спасибо, – поблагодарил его Леонид и осторожно пощупал рукой лоб Лёни.

Мальчик был весь мокрый, но уже не такой горячий, как до этого, хотя щеки у него были пунцовыми, как у русской матрешки.

– На ночь его надо бы в сухое переодеть, – подсказал Николай Степанович. – А то он пропотел, раскроется и простудится еще больше. У вас есть что-нибудь ему на смену? А то могу одолжить свой тельник, у меня есть в запасе новый, ни разу не надеванный.

– Спасибо, мы так и сделаем, – сказал Сергей. – Николай Степанович, гляньте, пожалуйста, угловую комнату, нагрелась она или нет, если да, то перенесем туда пацана на ночь.

Николай Степанович, вернувшись через несколько минут, позвал Леонида:

– Да, можно нести парня, я ему уже постелил и тельник приготовил. Пойдемте, я вас провожу.

Леонид осторожно поднял сына на руки и пошел вслед за Николаем Степановичем.

Переодев так и не проснувшегося мальчика и уложив его в постель, Леонид вернулся к Сергею.

В этот момент раздался звонок сотового телефона.

Сергей взял трубку.

– Да?... Извини, любимая, заработался. Скоро буду, минут через тридцать. Да, я тоже целую тебя... – Отключив трубку, он повернулся к Леониду: – Звонила Нинок, расстраивается, что ужин остывает, а меня все нет. Я обещал ей сегодня пораньше приехать, а сам пропал. – Он улыбнулся. – Так что мне пора ехать – не хочу, чтобы она лишний раз волновалась, да и понюхать нужно: что да как, на крайний случай... Сегодня вы спокойно переночуете здесь. Николай Степанович тебе все покажет и спрячет, если что... Хотя я уверен, что в этом доме вы в безопасности. А завтра устроим «совет в Филях» и решим, что делать дальше.

После отъезда Сергея Леонид подсел к камину и еще раз перечитал письмо Есенин. Глядя на листки, исписанные ее рукой, он представлял, как она прикасалась к ним, когда писала, и вдруг в безотчетном движении прижался лицом к письму, касаясь губами строк.

«Господи, какой я стал сентиментальный...» – подумал он, спохватившись, и в смущении оглянулся на дверь. «А ты всегда был таким», – возразил ему внутренний голос. «Похоже на то», – согласился Леонид, вдыхая запах письма. От него пахло шоколадом и холстиной, наверное от Лёниного рюкзака, в котором оно лежало.

Вытащив из кармана рубашки свой паспорт, Леонид вынул из него их давнюю фотографию и, вглядываясь в лицо Есенин, подумал: «Есенин, какая ты сейчас? Узнаем ли мы, действительно, друг друга, встретившись?»

В дверь постучал Николай Степанович:

– Леонид Ярославович, может, вы кушать хотите? У меня пельмешки налеплены.

Леонид, уже собравшийся было отказаться, услышав про налепленные пельмени, заинтересовался:

– Сами делали?

– Ну да, кто же еще? Я покупных не люблю, – ответил Николай Степанович. – Ну что, пойду воду поставлю?

– Пожалуй, да. Я вам помогу, – поднялся Леонид. – Вот только на сына взгляну.

– Не надо мне помогать, я сам все сделаю, да все и так уже готово, только в воду закинуть, – сказал Николай Степанович и вышел.

Леонид, вложив письмо Есенин обратно в конверт, положил туда же фотографию и втиснул конверт в нагрудный карман рубашки. Похлопав по нему рукой, приминая, он пошел проведать сына.

Лёня спал, сбросив одеяло. Из-под длинного тельника трогательно и беззащитно торчали его худые ноги. Леонид бережно накрыл сына одеялом и, потрогав его лоб, успокоенный отправился на кухню.

Николай Степанович, обвязав вокруг пояса вафельное полотенце и закатав рукава, из-под которых виднелись полосатые края тельняшки, опускал в кипящую воду большие пухлые пельменины.

– Ну, как он там? – спросил он Леонида.

– Спит, и температура вроде уже нормальная, – ответил Леонид, сядя за большой дубовый стол.

Плотно закусив, они разошлись по своим комнатам.

Леонид, пытаясь отогнать одолевавшие его тревожные мысли и воспоминания, включил телевизор, но потом, почувствовав, что не может сосредоточиться на происходящем на экране, выключил его и лег.

Глава вторая

На следующий день Сергей приехал рано утром.

Леонид, сам только что проснувшийся, удивился, увидев друга ни свет ни заря.

– Зашевелились работнички... – пояснил Сергей, проходя в комнату и садясь в кресло. – Я уже видел на тебя и пацана ориентировку. И маму твою до поздней ночи вчера продержали в «гестапо»... Ну как вы тут?

– Лёня еще спит, наверное, – ответил Леонид. – Я к нему еще не поднимался.

– Нужно серьезно расспросить его о побеге и этом самом Озёрном, – сказал Сергей. – Я тут ночью думал и понял, что есть только один человек, который способен тебе помочь. И живет он, кстати, под Новосибирском, в Бердске. Так что вставай, времени на выработку плана у нас не так много. Боюсь, что до меня тоже скоро очередь дойдет, нужно их опередить.

Леонид поднялся и, одеваясь на ходу, пошел следом за Сергеем на второй этаж к сыну.

Открыв дверь, они тихо вошли в его комнату и удивленно остановились: Лёни в постели не было.

– Куда он делся? – спросил Сергей, оглядывая комнату.

– Не знаю, – растерянно ответил Леонид и позвал: – Лёня, сынок, ты где?

Под кроватью вдруг раздался шорох и оттуда показалось настороженное лицо мальчика.

– Ты чего туда забрался? – изумленно воскликнул Леонид.

– А откуда я знаю, кто сюда идет... – насупившись, ответил Лёня, вылезая из-под кровати и стряхивая с себя пыль. – Всякое может быть...

– Наш человек! – сказал Сергей и сочувственно посмотрел на потрясенного Леонида.

А тот глядел с похолодевшим сердцем на сына, только сейчас начиная осознавать, что же пришлось пережить Лёне, если у него выработалась подобная реакция.

– Лёня, нам нужно с тобой поговорить. Расскажи-ка нам подробно, что у вас там произошло, – попросил мальчика Сергей, садясь на стул.

– Серёга, погоди, – остановил его Леонид, подходя к сыну и щупая ему лоб. – Ты как себя чувствуешь?

– Получше, – ответил Лёня.

– Все равно ложись, не стой босиком на полу. – И он подтолкнул его к кровати.

Лёня забрался под одеяло и посмотрел на Сергея.

– Давай начнем сначала: как тебе удалось бежать? – спросил тот.

– Мама договорилась с одним из офицеров охраны. Тот должен был меня в ящике из-под оборудования вывезти из Озёрного в Новосибирск и посадить там на поезд до Петербурга.

– Когда это было?

– Сразу после Нового года, третьего января.

– Но это же три недели назад! Почему же ты так долго добирался? – воскликнул Леонид.

– А мама сказала мне, чтобы я не дожидался Новосибирска, а как услышу, что поезд остановился на первой же станции, так сразу потихоньку вылезал из ящика и сам добирался к вам. У меня с собой вместо карты было несколько страничек из атласа автомобильных дорог. Они там, в рюкзаке, лежат. Мама почему-то не доверяла этому охраннику и боялась, что он может меня передать в другое место, такое же, как наш Озёрный.

– Ну и?.. – поторопил его Сергей.

– Ну и вот, дядя Николай тайком привел меня ночью на склад, посадил в большой деревянный ящик, где лежали опилки и тулуп, и сказал, чтобы я сидел тихо, а он будет ко мне наведываться в пути. Потом ящик погрузили на машину и повезли к тоннелю.

– К какому тоннелю? – заинтересовался Сергей.

– У рудника в сопке есть тоннель, через который поезда выходят наружу и идут на Большую землю, – пояснил мальчик и продолжил: – Потом ящик погрузили на платформу, и через какое-то время поезд тронулся. Ехали мы долго. Дядя Николай почему-то ко мне ни разу так и не подошел. Может, у него не было возможности. Когда поезд остановился, это было уже под утро, в Крутояре, я немного подождал, а потом выбил крышку ящика, выбрался наружу и побежал между другими поездами. Я все время боялся, что дядя Николай может меня увидеть и остановить. Вот... Мама мне сказала, что меня наверняка будут искать и чтобы я был настороже, остерегался милиции, ну и тому подобное. Поэтому я не пошел на вокзал, а подошел к машинисту одного из поездов и спросил его, не довезет ли он меня до следующей станции, сказав, что у меня украли деньги, билет купить не на что, а мне нужно срочно доехать к тете. Он сначала отказался, так я стал его упрасивать, говоря, что буду помогать ему уголь в топку закидывать. Он рассмеялся, сказав, что ему на электровозе как раз кочегара и не хватает, и пустил меня к себе в кабину. Так я и ехал от станции к станции по своему атласу. Некоторые машинисты, правда, меня не брали, а один даже хотел сдать в милицию. Так я как дунул от него! Спрятался в товарном вагоне, а тот в это время поехал. Я сначала побоялся выскочить, чтобы не попасться этому гаду, а потом уже страшно стало – поезд быстро пошел. Короче говоря, я в этом вагоне просидел всю ночь, замерз, думал все... Потом, когда поезд остановился, вылез из вагона и понял, что заехал совсем в другую сторону. Пришлось опять возвращаться. Так я постепенно добрался до города Тихвина, это мама мне сказала, чтобы я ехал не до Петербурга, а вышел в Тихвине, а там сел на автобус, который идет до города. Я так и сделал.

– И что же ты ел в дороге? – тихо спросил его Леонид.

– Сначала то, что мне мама с собой положила, а потом машинисты иногда меня угощали, так и ехал...

– М-да... – сказал Сергей, с сочувствием посмотрев на мальчика. – Одно остается неясно: если у дома твоего отца дежурили «топтуны», то как они могли пропустить тебя во двор незамеченным? Там работают серьезные ребята, а не лохи, как их иногда пытаются изобразить в книжках.

– Может быть, они не поняли, потому что я шел не один, – предположил мальчик.

– В каком смысле?

– А мне на углу улицы стало совсем плохо, и какая-то тетенька помогла мне дойти до самого подъезда. Она даже несла мой рюкзак.

– Она вела тебя за руку? – спросил Сергей.

– Нет, под руку, у меня ноги были как ватные, – ответил Лёня.

– Что ж, вполне возможно... – задумчиво заключил Сергей. – Видимо, ждали одного, потому и не заподозрили женщину с пацаном. Повезло... Ну что же, мужики, идите позавтракайте, а потом, Лёня, нарисуешь нам план вашего Озёрного, сможешь?

– Конечно! Я там все знаю. Нас же никуда не выпускали, так что я излазил долину вдоль и поперек, – ответил Лёня и, запнувшись, добавил: – Сколько было позволено, конечно...

Через час карта была готова. Лёня подробно изобразил не только все наземные объекты, расположенные в котловине между сопками, но и высокий двойной забор из колючей проволоки, в несколько линий натянутой между алюминиевых столбов и, вероятно, находящейся под током, чего Лёня знать наверняка не мог, поскольку туда никого, кроме военных, не допускали. Этот забор шел по внутренней стороне сопки, окружая всю долину. По широкому коридору около трех метров шириной, между проволочными стенами, ходили охранники с собаками, а на алюминиевых столбах были установлены камеры слежения.

– Тэ-экс... – протянул Сергей. – Местечко негостеприимное! Ни туда ни обратно... Не представляю, вьюнош, как твой отец туда собирается проникнуть, да еще и выйти обратно с твоей мамой! Похоже, что тут нет никаких путей-лазеек. Видно, действительно придется звать на подмогу Фёдора.

– А кто это? – спросил Леонид.

– Мой названный брат. В Бердске живет, я уже говорил тебе. Я ему жизнью обязан, он меня в Афгане на себе из засады вытащил...

– Ты мне этого не рассказывал, – удивленно посмотрев на него, сказал Леонид.

– Как видишь, мы не все знаем друг о друге ... – усмехнулся Сергей. – У меня в жизни тоже были моменты, о которых я не люблю вспоминать. Ну да как-нибудь расскажу... Так, ну все, я поехал на работу, разнюхаю обстановку. Если что, позвоню, а так ждите к вечеру.

– Хорошо.

Однако днем Сергей неожиданно вернулся и с порога объявил Леониду:

– Придется, Лёнька, нам активизироваться. По городу идет неслабый шмон. Ко мне на работу уже был звонок, спрашивали, не знаю ли я, где тебя разыскать. Я сказал, что ты вроде на две недели отчалил в очередную командировку, но не знаю куда. Обещал сообщить, как только ты объявишься. Так что нам срочно нужно избавляться от твоего нынешнего внешнего вида.

– Это как? – не понял Леонид.

– Вот, – сказал Сергей, поставив перед ним сумку. – Здесь одежда. Твою мы ликвидируем, переоденешься в это. Скоро подъедет классный специалист с «Ленфильма», будем делать из тебя другого человека. – И он, вытащив из кармана чей-то паспорт, раскрыл его и положил перед Леонидом.

– Кто это? – спросил Леонид, разглядывая фотографию, с которой на него смотрел короткостриженный смуглый мужчина с седыми висками и тяжелым, так называемым волевым подбородком.

– Это ты – гражданин Эстонии Велло Тынсу, – ответил Сергей, серьезно глядя на Леонида.

– Но мы с ним совершенно не похожи! – воскликнул Леонид. – У него лицо другое, прическа, да и по колеру он темнее, чем я.

– Потому я и побеспокоил лучшего специалиста-гримера, чтобы ты стал похож, – сказал Сергей. – Зато ты как эстонец сможешь без приключений выбраться из Питера.

– А он тоже мало похож на эстонца, какой-то чернявый и кожа смуглая, – заметил Леонид.

– Слышал бы он тебя сейчас, – хмыкнул Сергей, – в драку бы полез! Он и по характеру мало похож на эстонца, но не дай бог сказать ему об этом – вспыльчивый очень. Он родом из Тарту, а там в свое время стояло два казачьих полка... Может, оттуда и смуглоту его надуло...

С улицы посигналили.

– О, это, наверное, уже Оля приехала, пойду встречу, – сказал Сергей. – А план я тебе потом объясню.

Через несколько минут он вернулся в комнату в сопровождении невысокой, очень уютной медноволосой женщины лет сорока пяти с квадратным чемоданчиком в руке.

– Лёня, познакомься, это Ольга Хамкович, супермастер с «Ленфильма» и жена одного замечательного актера. А это, Олечка, Леонид – ваш подопытный.

– Здравствуйте, – поздоровался Леонид, подходя к женщине и помогая ей снять пальто. Она тоже поздоровалась с ним и окинула его внимательным взглядом.

Повесив пальто Ольги на вешалку, Леонид нерешительно остановился посреди комнаты.

– И что мне делать? – спросил он.

– Пока ничего. Присядьте, пожалуйста, вот здесь, поближе к свету, – ответила гример.

Леонид послушно опустился на стул рядом с торшером.

Сергей передал Ольге паспорт с фотографией человека, чьим двойником должен был стать Леонид.

Ольга, надев очки, внимательно посмотрела на фотографию, а потом, отложив паспорт в сторону, подошла к Леониду.

Оглядывая его, она попросила Леонида медленно повернуть голову в разные стороны. Он чувствовал себя очень неловко под ее изучающим взглядом: женщины уже давно так пристально не разглядывали его, – впрочем, во взгляде Ольги не было ничего личного, это был взгляд специалиста. Более того, она, словно почувствовав его смущение, ободряюще улыбнулась ему, отчего он сразу повеселел и расслабился.

– На какой срок вам нужно изменить свое лицо? – наконец спросила она.

Переглянувшись с Сергеем, Леонид ответил:

– К сожалению, не знаю, возможно, надолго.

– А точнее?

– Думаю, минимум на неделю, а там видно будет, – ответил Леонид.

– Так, ну что же, – сказала Ольга, поворачиваясь к Сергею, – будем делать из клиента смуглого брюнета. – И она пояснила Леониду: – Сейчас я вас подстригу под оригинал. Хорошо, что у вас волосы длинные, короткая стрижка придаст вам совсем другой облик. Кроме этого, волосы и брови покрасим в темный цвет. Глаза у вас серые, значит, придется их спрятать под карими линзами. Ну а смуглости добьемся с помощью автозагара. Да... и, наверное, нужна капа...

– А это еще что такое? – не понял Леонид.

– Накладные челюсти, насадка на зубы. Боксеры такие обычно надевают перед боем, знаете? А еще игрушки делают – имитацию вампирских зубов, видели, наверное, в киосках? Но мы вам сделаем настоящие. Правда, это дорогое удовольствие и потребует нескольких дней, зато очертания лица значительно поменяются и придадут более массивный вид вашему подбородку. Вот, в общем-то, и все.

– А этого будет достаточно? – с сомнением спросил Леонид.

Гризер усмехнулась:

– Мама родная не узнает... И никто не усомнится, что этот паспорт – ваш.

– А эта, как ее, капа... не выпадет в самый ответственный момент? – продолжал допытываться Леонид.

– Не выпадет, – успокоила Ольга. – И никто не заметит, что она у вас надета...

– Ну что же, приступайте, – одобрил ее план Сергей.

– Леонид, я вам сейчас напишу, какой крем нужно купить для автозагара, – сказала Ольга, вынимая блокнот из чемоданчика, в котором лежали различные гримерные аксессуары. – Он действует через два-три часа после применения и держится дня три. Так что купите с запасом, загар придется периодически обновлять. А линзы купите вот в этой аптеке. – Она все записала на листочек и протянула его Леониду. – А насчет капы я сейчас позвоню. Сергей, где у вас телефон?

– Пойдемте, я вас провожу, – предложил Сергей.

Вернувшись, Ольга сказала:

– Через три часа мой знакомый освободится, можем съездить к нему сделать слепок для капы. Можно, конечно, его сюда пригласить, но лучше, если мы к нему приедем прямо в клинику, где есть все необходимое оборудование. Капу он обещает сделать за сутки, но нужна будет примерка и, возможно, не одна.

Леонид промолчал, вопросительно глядя на Сергея.

– Съездим сами, время дорого! – решил тот. – А что сейчас? – спросил он, обращаясь к Ольге.

– А сейчас я подстригу и покрашу Леонида, – ответила она. – Здесь есть ванная?

– Конечно, пойдемте, – сказал Сергей, открывая дверь в соседнюю комнату.

Ольга, взяв свой чемоданчик, пошла за ним, сказав Леониду, что позовет его, как только все подготовит.

Через полтора часа Леонид с изумлением уставился в зеркало, глядя на свой измененный облик, действительно чем-то напоминающий лицо с фотографии. Короткий ежик черных волос омолодил его лет на пять, попутно сделав похожим на военного в расцвете карьеры. А слегка посеребренные сединой виски говорили о том, что на его долю выпало немало испытаний.

Ольга, удовлетворенно осмотрев результат своих трудов, сказала:

– Ну вот, загар и карие линзы дополняют картину, сами себя не узнаете... А вам очень идет короткая стрижка! Теперь дело за капой. Одевайтесь, доктор нас ждет через час. – И она начала собирать разложенные на столе гримерные атрибуты.

Сергей, который все это время занимался своими делами на первом этаже, пропустил процедуру перевоплощения Леонида и, услышав их шаги, крикнул снизу:

– Ну, как там у вас дела?

– Мы практически закончили, можем ехать в клинику насчет капы, – ответила Ольга. – Леонид, вот держите – это красящий шампунь, будете поддерживать темный цвет. А по мере роста волос нужно будет подкрашивать корни вот этой краской. Инструкция здесь прилагается, если вы не сможете сходить в парикмахерскую и будете краситься сами...

– Да вы что, я со стыда сгорю краситься в парикмахерской, – возразил Леонид. – Еще подумают, что я редкой сексуальной ориентации.

– Не такая уж она сейчас и редкая, – усмехнулась Ольга. – Ну ладно, пойдемте.

Спустившись вниз, Леонид предстал перед Сергеем, который в этот момент пил пиво из бутылки.

Увидев Леонида, специально оттопырившего челюсть, чтобы еще больше стать похожим на человека с паспорта, Сергей даже поперхнулся и смог только в знак одобрения поднять большой палец.

Постучав по груди кулаком и откашлявшись, он воскликнул:

– Терве⁸, Велло! Прямо брат его родной, глаза только выдают, но ничего, линзы вставишь, тогда и я вряд ли вас различу. Ну надо же, совсем другой человек! Можно и в город выйти, никто тебя не узнает!

– Ребята, пора в клинику, – напомнила им Ольга, прерывая восторги Сергея. – Эдуард Абрамович не любит, когда к нему опаздывают, да и у меня сегодня еще работа в телецентре.

– Я только к сыну быстренько загляну, – сказал Леонид.

Сергей собрался что-то возразить, но промолчал.

Леонид, подойдя к двери в комнату, отведенную сыну, прислушался: там было тихо. Подумав, что Лёня спит, Леонид осторожно открыл дверь. Но тот не спал, а читал книгу, придвинув торшер поближе к изголовью дивана.

– Сынок, что ты читаешь? – спросил Леонид, входя в комнату.

– Да так, рассказ один, Стефана Цвейга. «В сумерках» называется, – ответил Лёня, поднимая взгляд на отца, и обомлел: – Что это с вами сделали?

– Конспирация, – объяснил Леонид, улыбнувшись. – Не узнать меня, правда? – И добавил: – Я же тебя просил называть меня на «ты», мы же с тобой одной крови.

– Я привыкну, – пообещал Лёня и восхищенно констатировал: – Нет, а здорово вас изменили, не узнать! Если бы не голос, не поверил бы, что это вы.

– Мне сейчас нужно будет уехать к доктору, он мне еще какую-то насадку на зубы сделает, будет у меня такой тяжелый скандинавский подбородок. И линзы себе карие поставлю.

– Это все для того, чтобы вас... тебя никто не узнал? – спросил Лёня.

– Ну да, – ответил Леонид. – Дядя Серёжа план разработал, по которому не мне поддельный паспорт делают, а меня под чужой паспорт подделывают. Говорит, что я с этим паспор-

---

⁸ Терве – привет, здравствуйте (эст.).

том смогу спокойно выбраться из города. Представляешь, сынок, в какую историю мы попали, прямо кино какое-то! Ну ладно, я поехал, а ты лежи, не вставай, тебе нужно как можно быстрее выздоравливать. Если что, позови Николая Степановича, он рядом будет. Пока!

– Пока, – ответил Лёня.

Уже на выходе Леонид повернулся к сыну и хитро спросил его:

– А рассказ-то интересный?

Он помнил, как в ранней юности, стянув у матери томик Цвейга и прочитав «В сумерках», ужасно возбудился и мечтал, чтобы ему самому повстречалась такая же раскрепощенная девушка, как в этом рассказе. Причем он был уверен, что не отступился бы от нее так просто, как это сделал герой рассказа, а, наоборот, выжал бы из ситуации все, что только возможно... Короче говоря, он потом несколько месяцев пребывал в плену жарких эротических фантазий, обуревавших его после прочтения Цвейга.

Лёня же, чуть покраснев, опустил глаза в книгу и кивнул:

– Ничего, читать можно.

Леонид хмыкнул и, помахав ему рукой, вышел.

Сергей и Ольга, уже одетые, стояли в прихожей.

В город они ехали на вишневой «девятке», которая для отвода глаз заменила джип Сергея. До клиники они добрались за полчаса.

Эдуард Абрамович, пожилой доктор с пышной седой шевелюрой, ждал их в ординаторской, читая какой-то медицинский журнал и попыхивая сигаретой, торчащей из короткого желтого мундштука.

Увидев входящих Ольгу, Сергея и Леонида, он встал из-за стола и пошел к ним навстречу.

– Здравствуй, Эдик, – сказала Ольга, целуя его в щеку.

– Здравствуй, Оленька, аппетитно выглядишь! – Поцеловав Ольгу в ответ, Эдуард Абрамович обнял ее за плечи и, повернувшись к мужчинам, сразу перешел к делу: – Господа, чем могу быть полезным?

Ольга что-то тихо сказала ему на ухо.

Кивнув, Эдуард Абрамович выпустил ее из объятий, приглашая всех к себе в кабинет.

Вымыв руки, он усадил Леонида в стоматологическое кресло и, осмотрев его, поинтересовался:

– Так, ну и что бы вы хотели иметь?

Сергей молча протянул ему фотографию Велло.

– Тэк-тэк, – сказал Эдуард Абрамович, переводя взгляд с фотографии на подбородок Леонида. – Понятненько: чуть повысим прикус... нижнюю челюсть выдвинем немного вперед... тэ-эк... а зубы полностью перекроем. Ну что ж, давайте, сделаем вам слепок, молодой человек.

Он вышел в соседнее помещение и через некоторое время вынес оттуда оттискную ложку – железную штукуну, похожую на совок, с зеленой массой внутри.

– Откройте рот, молодой человек, и пошире, мне это нужно в вас засунуть, – попросил Эдуард Абрамович, в речи которого постоянно проскальзывали местечковые еврейские интонации.

Леонид послушно распахнул рот. Доктор впихнул ему «совок» внутрь и прижал так, что Леониду показалось, будто зеленая каша тут же расплзлась по нёбу, плотно облепляя рот целиком.

У Леонида мгновенно заломило зубы от этой «каши» с привкусом то ли мяты, то ли ментола. Ему даже начало казаться, что он задыхается.

– Все, можете пока закрыть рот, – сказал Эдуард Абрамович. – Теперь посидите так спокойно.

«Изнутри задушат!» – в панике подумал Леонид, сжимая челюсти, и жалобно посмотрел на Ольгу.

– Потерпите, это ненадолго, – успокаивающе улыбнулась она ему. – Вам что, никогда не делали слепков?

Леонид развел руками.

– Наверняка не делали, у молодого человека замечательные зубы, – ответил за него Эдуард Абрамович, одобрительно глядя на Леонида. – Я не нашел у него ни одного удаления. Видимо, хорошо следит за своим здоровьем, уважаю!

Но Леонид не обратил внимания на комплимент, потому что в этот момент усиленно боролся с неожиданно подкатившей тошнотой.

Через несколько долгих минут Эдуард Абрамович просунул Леониду в рот пальцы, слегка пахнущие табаком и, раскачав «совок», содрал его с окоченевших и ноющих зубов пациента.

Леонид облегченно вздохнул. Подобрал языком оставшиеся во рту крошки «каши», он выплюнул их в мисочку слева от кресла и вытер губы платком.

– На сегодня все, – сказал Эдуард Абрамович. – Приедете завтра в девять утра, я сделаю припасовку капы.

– А сколько это времени займет? – поинтересовался Сергей.

– Завтра и посмотрим. Возможно, придется повозиться.

– А можно это сделать как-нибудь побыстрее? – спросил Сергей.

– Уважаемый, быстро можно зубы только выбить, а чтобы новые сделать – требуется время. На все есть своя технология... Тем более на изготовление капы. Я и так оставляю нашего техника работать в ночь. А в спокойном состоянии это заняло бы около недели...

– И сколько мы будем должны за это удовольствие? – спросил Леонид, незаметно для себя переходя на еврейские интонации доктора – он всегда был «речевой промокашкой».

Эдуард Абрамович насмешливо взглянул на него:

– Попрошу не примазываться, молодой человек, еврея из вас все равно уже не получится, это надо впитать с молоком мамы. А ваша мама, я так думаю, далеко не еврейка.

– Извините, – сказал, покраснев, Леонид. – Я не хотел вас передразнивать, это случайно получилось. Мама говорит, что у меня с детства способность к языкам.

– И что вы себе думаете, с чего бы мне это обижаться? – рассмеялся Эдуард Абрамович. – Говорите, как хотите, и дай вам Бог здоровья!

Сергей нетерпеливо кашлянул, решив вернуть разговор в нужное русло.

– Ах да! Сколько это стоит... – вспомнил Эдуард Абрамович заданный вопрос. – По цене я буду разговаривать с заказчиком, я так понимаю, что заказчик это вы? – спросил он, глядя на Сергея.

– Ну, пусть буду я, – кивнул Сергей. – Так сколько же?

Повернувшись к Ольге, тихо сидящей на стуле в углу кабинета, Эдуард Абрамович спросил ее:

– Это тебе близкие люди?

– Очень близкие, – ответила та. – На задание идут...

– Ну тогда с вас сто доллárov, – сказал Эдуард Абрамович. – И остальное меня не касается...

Расплатившись и попрощавшись с Эдуардом Абрамовичем, они вышли из клиники.

– Ольга, куда вас отвезти? – спросил Сергей, открывая перед ней дверцу «девятки».

– На Чапыгина, шесть, – ответила та, садясь в машину. – У меня еще сегодня съемка.

– Вас будут снимать? – с любопытством посмотрел на нее Леонид.

– Нет, снимать будут программу, а я привожу ее участников в надлежащий вид, – улыбнулась Ольга.

Высадив Ольгу у телецентра, Сергей свернул на улицу Академика Павлова, направляясь в сторону Кантемировского моста.

– Лёнь, я тебя отвезу на дачу, а сам съезжу домой, – сказал он. – А то Нинок еще подумает, что я завел себе любовницу, и бросит меня. А завтра я за тобой заеду, часов в восемь. Будь готов.

– Всегда готов! – шутливо откликнулся Леонид и, подумав, добавил: – Но, похоже, не ко всему...

На следующий день ровно к девяти утра Сергей привез Леонида к Эдуарду Абрамовичу, который ждал их с уже готовой «продукцией».

Увидев в руках доктора белую зубастую конструкцию, Леонид остановился, испуганно представив, что ему придется носить этот «щучий ряд» во рту. Но он терпеливо перенес примерку, пока доктор вкладывал копировальную бумагу в рот, заставляя то сжимать, то разжимать зубы, и стачивал с капы лишнюю пластмассу противно визжащей бормашинкой.

Потратив полчаса на припасовку капы, доктор наконец удовлетворенно кивнул и, попросив фотографию прототипа, сравнил с ним Леонида.

– Ну что, вроде похожи? – спросил он, обращаясь к Сергею.

– Да, очень похожи, – согласился тот. – Лёнька, попробуй что-нибудь сказать, – попросил он Леонида. – Скажи: «терве»...

Но у Леонида, который ощущал жуткое неудобство от чужеродного предмета во рту, вместо «терве» получился какой-то рвотный звук.

– М-да... – сказал Сергей и расхохотался.

Быстро вытащив капу из рта, Леонид спросил у Сергея с надеждой:

– А Велло не может быть глухонемым?

Сергей замахал на него руками:

– Да ты что, он этого не переживет!

– Ничего-ничего, с речью вы постепенно справитесь, нужно только поразговаривать побольше, – вмешался Эдуард Абрамович и, протянув Леониду зеркало и фотографию, попросил: – Вы лучше посмотрите на себя. Вас все удовлетворяет? Наденьте и посмотрите, чтобы вы потом не говорили, что Эдик Кацовский вас плохо обслужил.

Леонид снова надел капу и посмотрелся в зеркало.

Оттуда на него глянуло чужое лицо. Он и так не мог привыкнуть к новому облику, а тут, увидев, во что превратила капу его чудесный подбородок, чуть не упал.

– Клашавец! – прокомментировал он, чувствуя, как растерявшийся язык заметался во рту, не зная, к чему прикоснуться, чтобы произвести в новом пространстве правильные звуки. – Но похож!

– Однако предупреждаю: эту вещь носить долго нельзя, у вас могут начаться изменения в суставах, – сказал Эдуард Абрамович. – Потому пользуйтесь только в крайней необходимости.

– А при чем тут суставы? – удивился Сергей и недоуменно посмотрел на руки Леонида.

– Вы не туда смотрите, – усмехнулся доктор. – Суставы есть не только на руках и ногах. В голове они тоже имеются.

Леонид и Сергей непонимающе уставились на него.

– Да, боже ж мой, я имею в виду челюстные суставы! – воскликнул Эдуард Абрамович, закатывая глаза в потолок от их непонятливости.

– А-а, – протянули Сергей и Леонид и, переглянувшись, рассмеялись.

Завернув капу в носовой платок, Леонид поблагодарил доктора.

Тот, пожав им руки, сказал на прощание:

– Не за что, приходите еще. И дай вам Бог успеха в вашем очень секретном задании!

– Спасибо, Эдуард Абрамович, – искренне поблагодарил Сергей и вышел из кабинета, подталкивая Леонида в спину. – Все, теперь купим тебе линзы и автозагарный крем – и порядок! А потом заедем и сфотографируем тебя на будущий паспорт.

Фотографу они заказали на крайний случай двойной комплект фотографий. Сергей забрал их часть, чтобы сделать ему российский загранпаспорт на другое имя, ведь уже была дана ориентировка на Батурина, а остальные фотографии они оставили для документов, которые Леонид должен будет приобрести в Таллине.

Вечером, когда Леонид примерял все «обновки» скопом, Сергей, внимательно оглядев его, сказал:

– Да, Лёнька, великое дело – конспирация! Ты действительно стал похож на Велло... Скоро приедет его напарник, посмотрим на его реакцию, но то, что в тебе ничего не осталось от Батурина, это точно!

Леонид, одетый в камуфляж, молча рассматривал себя в зеркало. Если линзы ему не очень мешали, то капа неприятно оттопыривала губы.

– Пойду, покажусь сыну, – сказал он, тщательно выговаривая слова, и вышел.

Лёня сидел перед телевизором и смотрел какой-то видеофильм.

Увидев вошедшего Леонида, он посмотрел на него и улыбнулся:

– Папа, тебя уже вообще не узнать! Боюсь, что мама не поверит, что это ты.

– А я скажу ей заветное слово, – пошутил Леонид. – Ну что, как считаешь: меня не вычислят?

– Ни в жисть! – отрицательно мотнул головой Лёня.

В этот момент раздался стук в дверь.

– Лёнька, приехал Пууметс, – сказал Сергей, просовывая голову в комнату. – Пошли, покажешься.

Леонид, подмигнув сыну, вышел вслед за Сергеем.

– Ты его не предупреждал? – спросил Леонид тихо, догнав Сергея у дверей в гостиную.

– Нет, мне самому интересно, как он среагирует, – ответил Сергей и распахнул дверь.

– Ну вот, мужики, знакомьтесь! – воскликнул Сергей и представил их друг другу: – Лёнька, это мой коллега из Эстонии, Уно Пууметс, а это Леонид – мой школьный товарищ.

– Добрый вечер, Уно, приятно познакомиться, – сказал Леонид, улыбаясь, потому что в голове у него вдруг завертелось абдуловско-фарадинское: «Уно, уно, уно, ун моменто...»

Уно же, взглянув на Леонида, на секунду замер, а потом протянул Леониду руку, поздравившись с характерным эстонским акцентом:

– Сдравствуйтте.

– Ну как, Уно, похож Лёнька на Велло? – спросил Сергей.

– Немножко похош, – сдержанно подтвердил Уно.

– Да какое там немножко! – не согласился Сергей. – Я его когда увидел, так охренел просто! Думаю, провезешь его без проблем.

Уно молчал, открыто разглядывая Леонида.

– Ну ладно, мужики, садитесь, обсудим все за ужином, – предложил Сергей. – Николай Степанович парной свининки нажарил. Лёнька, зови сына и сними пока все эти причиндалы.

Леонид отшелкнул на ладонь одну из линз и шутливо посмотрел на Сергея разноцветными глазами:

– А что, если вот так оставить? Один серый, другой карий – два веселых глаза!

Сергей скептически посмотрел на него:

– Нет, мне так не нравится, будешь слишком выделяться. Да и вид у тебя какой-то дебильный!

– Ну спасибо! – оскорбился Леонид и отшелкнул вторую линзу, вернув цветовую симметрию своим глазам.

– А мне понравилось... – вежливо сказал Уно. – Очень красиво, как у египетской кошки...

– Понял, Лёнька? – захохотал Сергей. – Так что иди разоблачайся, пока фараоном не заделался!

– «Ха-ха-ха!» – передразнил его Леонид и, направляясь за Лёней, с улыбкой подумал: «Наверное, это был тонкий эстонский юмор...»

После ужина Уно уехал.

Отправив Лёню спать, Сергей с Леонидом сели с бутылкой коньяка у камина, решив еще раз обсудить предлагаемый Сергеем план. В углу тихо бормотал телевизор.

– Гримомаскировку мы соблюли, – начал Леонид, – но боюсь, что на границе могут возникнуть проблемы с языком, я и так с этой капой разговариваю, как будто у меня полный рот каши, а эстонского языка так и вовсе не знаю. Какой из меня эстонец...

– Лёнька, ты, главное, не волнуйся, – начал успокаивать его Сергей. – Смотри: ты, гражданин Эстонии Велло Тынсу, вместе со своим напарником Уно Пууметсом возвращаешься домой – в Таллин. Перед отъездом из Питера ты набираешься, да так, что и по дороге остановиться не можешь – все время добавляешь. Если к тебе на границе кто-нибудь обратится по-эстонски, то при эстонском паспорте ты имеешь единственную возможность не понимать их язык – если будешь в сосиску пьяным, тогда тебя и простое «терве» спасет. А остальное за тебя скажет Уно. Вам главное – проехать наш пропускной пункт, а эстонский вас даже проверять не будет – номера у машины таллинские. Так что придется тебе побыть немного артистом. Дальше: в Таллине Уно тебе поможет с приобретением документов гражданина Панамы или Чили – на выбор и посадит в самолет, улетающий в Казахстан. Сыграешь роль иностранца, отправляющегося в Алма-Ату, а уже оттуда по российскому паспорту поедешь в Новосибирск поездом. С этой стороны тебя ждать вряд ли будут. Так что, думаю, доедешь спокойно. В Новосибирске сядешь на автобус, идущий в Бердск, там найдешь Фёдора Савельева, передашь ему письмо от меня... Только ему я и могу тебя доверить!

– Ты меня совсем заинтриговал, – сказал Леонид. – Уже в какой раз о нем упоминаешь. Что в нем такого особенного?

– Да все! – ответил Сергей. – Хотя с виду обыкновенный мужик, только очень здоровый. Нас с ним свела судьба в Афгане в восемьдесят пятом году – он и еще трое бойцов сопровождали мой танк-разведчик, обеспечивая прикрытие от гранатометчиков. А в Афган он попал полудобровольно. Ему на ту пору шел уже сорок второй год. В общем-то, уже много для отправки на войну, но в части, где он служил, произошла неприятная история вокруг направления в Афганистан. Командир части должен был командировать туда кого-то на замену командира взвода и решил на борьбу с «духами» отправить молодого лейтенанта, которого по какой-то там причине не взлюбил. А у лейтенанта в это время должна была рожать жена, вернее, не совсем жена, а женщина, с которой он жил в гражданском браке. Лейтенант прибежал к командиру части, объясняет: так, мол, и так, – но тот непреклонен: посылать, говорит, кроме тебя, больше некого, официально ты не женат, так что собирай вещички и на выезд! А ночью жена этого лейтенанта прибежала за Фёдором: «Спасай, Фёдор Поликарпович, как бы мой чего не натворил на пьяную голову!»

Фёдор отправился к ним домой и застал там сидевшего на полу в умат пьяного лейтенанта, который в этот момент раздумывал: то ли в бега податься, то ли руки на себя наложить, то ли командира части грохнуть... В общем, впал парень в отчаяние. Тогда-то и пошел Фёдор к командиру части проситься вместо этого лейтенанта в Афган. Командир скрепя сердце согласился. Лейтенант потом Фёдору письмо прислал с благодарностью и фоткой новорожденного сына, которого он назвал Федькой. Вот. А воевал Фёдор трезво и грамотно, я ему как-то сразу стал доверять, было в нем что-то такое... необъяснимо надежное. Говорил он так спокойно,

хотя и немного странно – с каким-то необычным выговором и незнакомыми словечками. Это я уже позже узнал, что он потомок офеней.

– Офеней? Это еще кто такие? – спросил Леонид.

– Слышал, говорят: по фене ботать?

– Ну да, это вроде воровского жаргона, – сказал Леонид.

– Да, только феня, или, иначе, «музыка блатная» была, оказывается, не сразу воровским жаргоном, а досталась вора́м от офеней. А офени представляли собой что-то типа профессионального общества коробейников, которые в девятнадцатом веке ходили с мелким товаром от Сибири до Кавказских гор и Берлина. И поскольку они были связаны с, так сказать, материальными ценностями, то у них был придуман свой особый язык, позволяющий им не только обмануть «лоха», то есть покупателя, но и уберечься от злодеев. Хотя от злодеев они имели и более действенное орудие – собственную борьбу «любки», да и вообще много чего чудесного умели. Однажды я был такому чуду свидетелем. Мы тогда ночью выходили из окружения. Наша колонна была разбита, в живых осталось только пятеро, включая меня. Двое были ранены, один – серьезно, в грудь, его приходилось нести на плащ-палатке. Мы тайком пробирались по дну узкого ущелья, надеясь выйти к своим в темноте. И вот продвигаемся потихоньку, вдруг видим: впереди свет. Мы ребят остановили, а сами с Фёдором подобрались поближе. Смотрим: прямо посреди узкого ущелья, не больше семи метров в ширину, горит костер и порядка десяти «духов» сидят вокруг него и закусывают. Вот черт, думаю, как же мы теперь пройдем? У нас из боезапасов осталась только горсть патронов и несколько гранат Ф1, лимонки то есть, которые здесь применять было самоубийством: спрятаться не успеешь – самого нашпигует, как кровяную колбасу гречкой. Тут Фёдор меня тихонько потянул за рукав, показывая, чтобы я отошел за каменный выступ. А сам, сев на землю, вытащил из «лифчика» две лимонки. Потом, отрезав от ремня две тонкие кожаные полоски, начал обматывать ими гранаты, плотно прижимая чеку к корпусу. «Если что, прикрой!» – сказал он и, вдруг встав в полный рост, двинулся по ущелью прямо к костру. Я так обалдел, что даже не успел остановить его. Смотрю, как он идет, и думаю: наверное, крыша у Фёдора съехала. И вдруг он исчез... Я сначала подумал, что это у меня что-то со зрением, но нет – Фёдор действительно бесследно исчез. А «духи» сидят себе спокойно вокруг костра, переговариваются. Не знаю, сколько я сам просидел в обалдении, когда Фёдор, как будто из воздуха, вдруг появился прямо передо мной. «Ложись!» – показывает и, растянувшись рядом, прижал меня к земле. И тут как гроыхнет!.. Со стороны «духов» раздались крики, а языки пламени разлетелись во все стороны отдельными костерками. И опять все стало тихо. «Ну вот, пойдем посмотрим, – говорит Фёдор, поднимаясь, и вдруг морщится: – Руку, – говорит, – вот обжег, пока гранатки в костер подкладывал». – «Как подкладывал?! – спрашиваю я. – А "духи" что же, сидели и спокойно смотрели, как ты их готовишься взорвать?» – «Как видишь», – хитро сощурился Фёдор, это у него заменяло улыбку, и пошел в сторону бывшего «духовского» привала. Из «духов» лишь один еще был жив, пришлось его добить, чтобы в спину не шмальнул... Когда мы выбрались и даже донесли живым нашего раненого, я ничего про Фёдора никому не сказал, но потом сам начал пытаться его про всю эту историю: как это у него получилось, что он сначала исчез, а потом неожиданно появился, словно из воздуха? Как будто шапку-невидимку на себя надел, а потом снял. «Вот-вот, шапку-невидимку, – подтвердил он. – Да только не на себя, а на тебя». – «Не понял», – говорю. «Никуда я, – объясняет, – не исчезал, это ты меня просто перестал видеть». – «А как ты это сделал?» – спрашиваю. «А вот натянул тебе по самый нос эту самую шапку-невидимку, из-за которой ты меня и не видел, а потом снял ее», – пошутил он. «Врешь!» – говорю. А он так хитро посмотрел на меня и вдруг исчез. Я даже рукой поводил по тому месту, где он стоял. Потом чувствую, как меня кто-то нежно сзади за горло берет... Голову поворачиваю – Фёдор! Как успел за спину зайти?! «Научи!» – говорю. А он смеется: «С детства, паря, этому обучен, на скорую руку не объяснить, а обстоятельнее – времени маловато». Вот такой мужик. Нас его умение еще не раз выручало,

особенно в разведке. А когда меня ранило, он вот так же прямо из-под носа у «духов» вынес меня полумертвого, без него бы я домой наверняка вернулся в «консервах»...

– Надо же, я о таком даже не слышал никогда! – недоверчиво покачал головой Леонид. – Просто фантастика какая-то! Мне уже не терпится познакомиться с твоим Фёдором. Кстати, Серёга, коли мы заговорили с тобой на тему Афгана... Я тебя никогда не спрашивал, хотя давно хотел узнать: что у тебя произошло с твоей военной карьерой?

– Ты же знаешь: меня турнули из рядов «за дискредитацию высокого воинского звания», – усмехнувшись, ответил Сергей.

– Это я знаю, – отмахнулся Леонид. – Я имею в виду почему тебя, заслуженного боевого офицера, перевели после Афгана в какую-то заштатную часть? Ты же был офицером ГРУ...

Вздыхнув, Сергей налил себе рюмку коньяка, посмотрел сквозь нее на огонь в камине и, выпив до дна, сказал:

– Ну, положим, не в заштатную, и там служить можно было... А перевели за то, что сам был дураком – пошел против течения... Меня послали в Афганистан с заданием отслеживать связи моджахедов с пакистанской, американской и натовской разведками. За то время, что я там пробыл, мне удалось многое узнать и понять. Я был одним из первых, кто довел до сведения нашего Генерального штаба о вызревании в Афганистане новой силы – талибов, которая на основе фундаменталистского ислама сломает племенные и этнические перегородки и придет к власти в этой стране. И что эта сила, по сути, явится авангардом антиславянских, антихристианских сил, слепо действующих по указке американского, а точнее, сионистского капитала. Вот за этот прогноз я и был изгнан из ГРУ, так как мое мнение явно противоречило позиции Козырева–Примакова... Я также считал, что необходимо поддержать Бабрака Кармаля, но у руководства и на этот счет было другое мнение: решив, что Кармалю быстро сожрут, его попросту бросили, по сути дела, предав. А тот еще два года держался, ну а потом... – Сергей махнул рукой. – Вот и имеем мы теперь под боком замечательного соседа... Бедные пацаны из Московского погранотряда на афгано-таджикской границе постоянно ходят под смертью. Впрочем, америкосы со своей подлой политикой тоже когда-нибудь доиграются, известна ведь восточная мудрость, что тигра не приручишь, сколько его ни корми, рано или поздно он нападет, так что лучше его не растить вообще... – И Сергей замолчал, затягиваясь сигаретой.

Леонид тоже сидел задумавшись. Наступившую тишину, прерываемую лишь треском поленьев, разорвала телефонная трель.

– Ох ёлы-палы, уже третий час ночи... – ахнул Сергей, хватая телефон. – Нинок, любимая, роднулечка моя, прости меня, я тут совсем счет времени потерял! – скороговоркой зачистил он в трубку. – Сейчас, сейчас еду, скоро буду! Не убивай меня, я тебя люблю! Целую!

Положив трубку, Сергей выбрался из кресла и, улыбаясь, сказал:

– Ох и попадет же мне дома!.. Поеду я. До завтра!

Подойдя к двери, он вдруг остановился:

– А мы с тобой не обсудили самое главное...

– Что именно? – спросил Леонид.

– Да то, что ты будешь делать дальше, если тебе удастся не только добраться до Есении, но и умыкнуть ее с этого секретного объекта, в чем я сильно сомневаюсь... В Питер ее повезешь? Да за вами такую охоту устроят, что мама не горюй!

Леонид растерянно посмотрел на Сергея, об этом он действительно еще не думал.

– Нет, Лёнька, наполеоновский принцип: «Главное – ввязаться в бой, а там посмотрим» – здесь не годится... – задумчиво сказал Сергей. – Боюсь, тебе придется на время расстаться с нашим любимым городом... – И, помедлив, твердо заключил: – За границу вам придется валить, старик, ничего не поделаешь! Ни тебе, ни Есении, ни вашему сыну жизни здесь уже не будет...

Заметив, как у Леонида дернулась щека, Сергей постарался его успокоить:

– Ладно, утро вечера мудренее, подумаем еще, может, и найдем какой-нибудь выход.

После их разговора Леонид не спал всю ночь. Он действительно не задумывался, что будет после того, как он найдет Есению. Как в сказке: выручил добрый молодец красну девицу из темницы злого Кощея, сыграли они свадьбу и стали жить-поживать. А вот каким это «жить-поживать» будет – никто обычно не рассказывает. Тут сказочка как бы обрывается, а дальше уже быль идет, тверёзая и страшная. Хотя и сказочка-то у него тоже не больно веселая получается...

Леонид вдруг отчетливо вспомнил лицо майора Круглова, выдававшего чей-то обгоревший труп за тело Есении...

Да, такие ни перед чем не остановятся...

Глава третья

Объект «Озёрный», август 1997 года

Начальник по режиму секретного научного комплекса в поселке Озёрный подполковник государственной безопасности Сергей Сергеевич Круглов и руководитель названного комплекса Генрих Модестович Граховский сидели за столом, на котором стояли шахматная доска, бутылка армянского коньяка, две рюмки и тарелка с нарезанным лимоном.

Граховский вел в счете, но Круглов не особо переживал по этому поводу. Глядя на своего партнера, долго обдумывающего очередной ход, Круглов сидел, откинувшись в кресле, и вспоминал, как три года назад началось их сотрудничество.

Тогда он четко и ясно осознал, что страны, которой он служил большую часть сознательной жизни, уже нет. Исчез не только Советский Союз, изменилась сама Россия, превратившись в непонятно какое демократическое государство. Будучи неплохим аналитиком, он еще в начале девяностых годов просчитал и Хасбулатова, и Ельцина и понял, что коммунизм умер и надеяться на его воскрешение нечего, а в той новой жизни, становление которой он наблюдал на экране телевизора, главной и всеобъемлющей силой становятся деньги, и только деньги.

Проанализировав последние двадцать лет, Круглов с горечью констатировал, что, прожив все это время по чьим-то приказам, ничего, кроме нескольких звездочек на погонах и лет, наполненных службой, службой и еще раз службой, он себе не приобрел.

Более того, Круглов однажды ясно понял, что является всего лишь пешкой в чужой игре или конем, точно и неожиданно бьющим из-за угла по команде невидимого Игрока, от которого он был так же далек, как и те шахматные фигуры, которыми он управлял сам. Скоро на пенсию, и кому он тогда будет нужен? У него нет ни семьи, ни денег, ни дома, ни каких-либо перспектив. Одна надежда, что его, может быть, повысят в звании: хотелось хотя бы на пенсию уйти полковником... А впрочем, какая там пенсия! Во-первых, это копейки, а во-вторых, разве такие, как он, уходят на пенсию? Скорее всего, его преемник просто обеспечит ему глубокое место под крестом... Однажды его уже посылали в ангольское пекло, надеясь, что он там сгинет, но он выжил. А теперь он уже слишком много узнал за свою службу здесь, чтобы ему дали так просто уйти на покой. Он такой же поднадзорный, как и те, кого он тут контролирует... Нужно было срочно что-то предпринимать, пока не стало поздно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.